

А. В. Суперанская

**ЮНЫЕ ЛЮБИТЕЛИ
СЛОВА**

Языкознание для детей

Российская академия наук
Институт языкознания

А. В. Суперанская

**ЮНЫЕ ЛЮБИТЕЛИ
СЛОВА**

Языкознание для детей

Москва
2012

Суперанская А. В.

Юные любители слова. Языкознание для детей. — 2012. — 192 с.

Любители слова — это вольный перевод научного термина **филологи**.

Главный герой книги — русский язык во всех его проявлениях: в обиходной жизни, в устах младенца, в работе учителя, в лаборатории учёного. История жизни двух мальчиков, познающих мир через родное слово, и людей, их окружающих, помогает автору излагать в доступной форме научные сведения по языкознанию.

Книга рассчитана на детей среднего школьного возраста, а также их родителей и учителей.

Рисунки Н. В. Васильевой

Оригинал-макет В. Ю. Гусева

© А. В. Суперанская 2002

© А. В. Суперанская 2012

Светлой памяти известного русского
языковеда и прекрасного педагога
Александра Александровича
РЕФОРМАТСКОГО (1900—1978)
посвящается

НАЧАЛО

Петя Кузнецов помнит себя совсем маленьким. Когда он выучился бегать, он почему-то сразу разучился ходить, и бабушка едва за ним попевала. Они жили тогда в большом доме на окраине Москвы.

Вот он бежит навстречу яркому солнцу. Земля под ногами рыжеватая, с чахлой травой, а впереди — чёрная, блестящая, и хочется бежать именно туда. Слышится чей-то голос:

— Мальчик, туда нельзя!

Но какое дело Пете до какого-то мальчика? Он стремительно вбегает на блестящий квадрат и вязнет в чем-то сером. Сильные руки подхватывают его. Новые туфельки, беленькие гольфы! Где они? Ноги до колен облеплены тяжелой коркой.

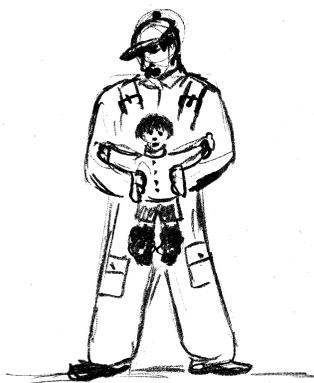
— Я же тебе сказал, мальчик, туда нельзя! Почему ты не послушался?

Петя пытается разглядеть того, кто его держит, и упрямо твердит:

— Я Петя!

Молодой рабочий в забрызганном краской комбинезоне ставит его на ноги, присаживается возле него на корточки и пытается объяснить, что он не просто Петя, а мальчик Петя.

— Мальчик?.. — удивлённо протянул Петя.

*Новые туфельки,
беленькие гольфы...*

Ему не раз показывали на резвящихся детей, называя их мальчиками и девочками, но его самого называли только Петей. Иногда про него говорили: «Ребёнок устал» или «Ребёнку пора спать».

— Я мальчик! — радостно заявил он подоспевшей бабушке.

Когда они подходили к дому, цемент на ногах застыл и идти стало совсем трудно. Но он не обращал на это внимания. Его занимала новая интересная мысль: он не только Петя, но и мальчик. Наконец, он спросил:

— Бабушка, а Миша — тоже мальчик?

Миша — их сосед по лестничной площадке, Петин ровесник.

— Ну конечно, — ответила бабушка.

Так Петя впервые узнал, что некоторые слова означают кого-то одного, а иные — сразу многих. Возле их подъезда группа ребят гоняла консервную банку. Он на минутку остановился, рассматривая их, и громко крикнул:

— Мальчики!

Недоумение и разочарование испытал Петя, узнав, что его мама — женщина. Ведь мама одна, а женщин много. Оказалось, что и бабушка — женщина. А женщина и тётенька — одно и то же. Чтобы его немного утешить, ему объяснили, что папа — дяденька и мужчина. И Дед-Столет (его квартира на той же лестничной площадке) — тоже мужчина, хотя и дед.

Когда Петя был малышом, он очень интересовался, кого катают в колясках. Он даже поднимался на цыпочки, стараясь в них заглянуть. Странными и необычными казались ему маленькие существа, сидящие там или лежащие наподобие свёртков.

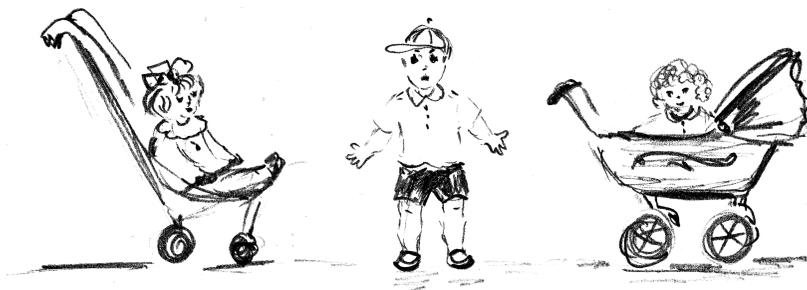
Однажды он гулял с бабушкой в Лесочке — так называют деревья возле их дома. Бабушка присела на скамейку, а он ковырял совочком под корнями берёзы.

Появились женщины с колясками, поздоровались. Петя подошёл к коляске, в которой сидела нарядная девочка. Он уже знал, что с длинными волосами, с бантами, в разноцветных платьях — девочки, а мальчики выглядят проще.

— Это Марина, — обратилась к нему женщина.

— И у нас тоже Марина, — раздался голос сзади. Петя обернулся. В другой коляске была другая девочка, с забавно торчащими тёмными кудряшками. Петя переводил глаза с одной Марины на другую. Две девочки — понятно, но почему же обе Марины?

— Два Марина! — наконец выговорил он.

Два Марина?

Женщины засмеялись.

— Правильно, — сказала одна. — Две Марины, две Мариночки.

— *Два*, — поправил её Петя.

— Нет, миленький, *две*. Если бы два мальчика было, ты бы сказал: *два*. А про девочек говорят: *две*.

— Тёзки, — продолжила разговор бабушка, Петя опять нахмурился:

— Почему *тётки*? Они ещё совсем маленькие.

— Не тётки, а *тёзки*. Так называют тех, у кого одинаковое имя. Бывают мальчики-тёзки и девочки-тёзки.

Ты со своим дедушкой тоже тёзки. Тебя в честь дедушки Петра Саввича назвали. Только ты не Пётр Саввич, а Пётр Вячеславич.

Картины детства мелькают одна за другой. Внезапный звонок. В дверях соседка, тётя Люда, со своим сыном Мишей:

— У меня мама заболела. Нельзя ли Вам моего сорванца на часок подбросить?

Бабушка соглашается. Женщина уходит. Мальчики некоторое время с недоумением смотрят друг на друга. Они встречались и раньше, на прогулках, но никогда не заходили друг к другу в квартиру. Наконец, бабушка говорит Пете:

— Ну что ж, веди приятеля в свой уголок, показывай игрушки.

Они уселись на ковре и стали изучать Петино богатство. Большинство игрушек не произвело на Мишу впечатления. Он коротко говорил:

— У меня такая есть.

Но одна вещичка его заинтересовала. Это был маленький жестяной домик, ярко раскрашенный. Казалось, что он сделан из пряников разной формы. На его передней стенке нарисованы мальчик и девочка. Дверь домика слегка приоткрыта, и оттуда высовывается страшная старуха.

— Что это? — спросил Миша.

— Это копилка, — Петя указал на узкую прорезь в крыше домика.

— Я туда опускаю денежки. Мне дарят, если попадается новая, золотая.

— А что здесь нарисовано?

Это копилка.

— Это Ваня и Маша. Они ходили по грибы, заблудились, проголодались, увидели пряничный домик и отломали себе по кусочку. А в домике жила Баба-Яга. Она услышала, что её дом ломают, и вышла. А вот видишь, у нее на поясе мешочек, — там золото, а вот — связка ключей.

— А что было потом?

— Потом она очень рассердилась на детей, что они ломают её дом, но виду не подала и говорит: «Ах вы мои милые, я вас давно жду». А сама хотела их съесть.

— А что потом?

— Потом... — не знаю. И бабушка не знает.

— А откуда у тебя этот домик?

— Когда бабушка маленькой была, ей подарила соседка-учительница.

Миша потрянул домик, и денежки звонко отозвались.

— Сколько их там?

— Не знаю. Давай считать!

Крыша домика легко открывалась, стоило лишь нажать на кнопчку. Они высыпали денежки на ковёр и принялись считать:

— Десять, одиннадцать... двадцать... двадцать девять... двадцать десять!

— Нет, двадцать десять не бывает, — сказал Петя. — Это называется тридцать.

— А тридцать десять?

— Сорок.

— Почему?

— Не знаю.

Эта неожиданная неувязка погасила их интерес к домику.

— Давай лучше настоящий домик сделаем, — предложил Миша.

— А как?

— На диване, из подушек.

Они скинули тапочки, с ногами забрались на диван и принялись городить непонятное сооружение. Вскоре это надоело. Они положили подушки одна на другую, взобрались на эту кучу и стали раскачиваться. Пружины закрипели. В дверях показалась бабушка.

— Ах вы, хулиганы!

Это слово пришлось как нельзя кстати. Миша обрадованно запел:

— Хулиганы, хулиганы, хулиганщики! Петя подхватил весёлый мотив. Бабушка их остановила:

— И слово-то какое выдумали: *хулиганщики*! Есть *банщики*, *жестянщики*, *барабанщики*, *шарманщики*, а *хулиганщиков* не бывает!

— Почему?

— Бывают *хулиганчики*, если маленькие. А на *-щик* — это всё по профессии.

Раздался спасительный звонок, и появилась Мишина мама.

— Ну как?

— Ничего, играют.

— Спасибо.

Она увела Мишу. Бабушка стала наводить порядок, а Петя некоторое время оставался в недоумении, но ни Миша, ни его мама больше не появлялись. Наконец, он спросил:

— Бабушка, а когда Мишу подбрасывать будут?

Бабушка не поняла:

— Как подбрасывать? Для чего подбрасывать?

— Как же, его мама сказала: «Нельзя ли Мишу *подбросить*?» Вот я и жду, когда его начнут подбрасывать.

Бабушка долго смеялась.

— Это так только называется «подбросить», чтобы у нас немного побыл.

И Петя понял: есть на самом деле, а есть: «только так называется», а на самом деле всё не так. Вот, напри-

мер, когда папа с работы приходит и говорит: «Я голодный, сейчас съем Петю!» — это только так называется. А когда Петя говорит, что он съел булку, он и правда её съел. Когда бабушка гонит Петю с кухни, подальше от острых ножей, кипятка, газовой плиты и говорит: «от греха подальше», — это только так называется. На кухне вовсе не грех, а огонь, вода, посуда.

Вот и мама и папа у него — Нина Викторовна и Вячеслав Петрович. Маму и с отчеством, и без отчества зовут *Ниной*, а папу мама называет *Вячик*, бабушка — *Вячеслав*, во дворе его зовут *Славой*. Петя иногда хочет приласкаться к папе и говорит: *Вячик-Мячик!*

А папа требует: «Не дразни!» Вот теперь Петя понял, что «Вячик-Мячик» это только так называется, а на самом деле — папа.

Папа и мама у Пети студенты. А ещё они спортсмены. Поэтому их часто целыми днями не бывает дома. Так и получается, что живёт он вдвоём с бабушкой, а с родителями видится редко.

В один прекрасный день папа купил Пете кубики не с картинками, как раньше, а с буквами. Буквы (почти все) Петя знал давно. На афишах, объявлениях, вывесках он видел интересные, часто повторяющиеся значки и спрашивал, что это такое. С большой радостью находил на новых объявлениях знакомые буквы. И вот теперь у него есть свои буквы!

Папа выложил кубики на стул (до стола Петя ещё не дорос), показал, как надо составлять слова: «мама», «папа», «Петя» и ушёл обедать. А Петя занялся важным делом. Возился он чуть ли не час, и вот готово длинное-предлинное слово: «мидет»! Он зовет папу и маму, чтобы похвалиться своими достижениями. Папа и мама посмеялись, а потом объяснили: во-первых, не «мидет», а «мидь-веть». Но это так только слышится. Пишется совсем иначе, потому что медведь зверь особенный: он

мёд ведаёт и мёдом заведует. Значит и писать надо: «мед-ведь»!

Так Петя впервые узнал, что слова пишут не так, как произносятся, и что прежде, чем сложить слово из букв, следует подумать о его смысле. Но из чего состоят слова Петя пока не знал.

БАБУШКА

Миша ходит в детский сад. Петя в детский сад не ходит. Его, было, туда определили, да он начал болеть. Какие-то гланды, а может быть миндалины у него появились, и из детского сада его пришлось забрать.

Папа и мама упросили бабушку, чтобы она ушла с работы и занялась Петей. Неохотно её отпустили, да и сама она с трудом рассталась с любимым делом. Она работала хирургической сестрой в детской поликлинике. Каких только детей ни привозили к ним. Один мальчик случайно засунул себе в нос горошину. Через некоторое время она проросла, и нос распух. Одна девочка, играя на куче металлолома, так рассекла себе колено, что пришлось зашивать. Другая девочка, собираясь на лето к бабушке, принялась прыгать через открытый чемодан, куда мама откладывала её вещи. Несколько прыжков были удачными. Но вот она за что-то зацепилась, упала в чемодан, крышка захлопнулась так, что запор врезался ей в губу. Как только ни бьются, ни калечатся ребяташки, пока вырастут. И Петина бабушка была очень нужным человеком на своем месте. Часто утешать ей приходилось не детей, а родителей. Иная мать плачет громче, чем получивший ожог или перелом ребёнок.

— Не плачь, голубушка. Выздоровеет твоё дитя, *перерастёт* свою болезнь. — Такое интересное слово было у бабушки.

Много было у бабушки, Дарьи Ивановны, и других интересных слов, а ещё больше — пословиц, которые она узнала в детстве от своей бабушки, Александры

Григорьевны, тверской ткачихи. Бабушка всегда говорила: *тверской*, у нас в *Твери*, хотя город её детства был переименован.

У бабушки был брат, Владимир Иванович. Перед войной бабушка заканчивала школу, а её брат начал работать мотористом на маленьком пароходике. Его должны были призвать на военную службу, и он хотел обязательно служить на флоте.

Но судьба распорядилась по-другому. Началась война. Бабушку (тогда еще девушку Дашу) мобилизовали на рытьё окопов, а её брат Володя вместе со своим пароходиком попал в Волжскую военную флотилию. Много перевёз он снарядов, оружия, раненых, не раз попал под обстрел. Парходик двигался вниз по Волге и постепенно оказался в районе Сталинграда, где шли тяжёлые бои. Однажды, в результате прямого попадания снаряда, парходик раскололся, как игрушечный, и пошел ко дну. Володю далеко отбросило. Раненых смыло за борт. На помощь бросились люди с других судов. Некоторых, в том числе и Володю, удалось вытащить из воды. Володя получил контузию, и на этом война для него закончилась. После войны он остался жить на Волге, недалеко от того места, где принял последний бой.

Бабушка после окопов попала на курсы медсестёр, а оттуда — на фронт. Многих раненых вытаскивала она из-под огня, сама была дважды ранена, но не очень тяжело. Последний год войны работала в госпитале. Война окончилась, а тяжелораненые воины ещё долгое время долечивались. Среди них был и будущий бабушкин муж Пётр Саввич. Ему делали операцию за операцией, постепенно возвращая движение.

Пётр Саввич был москвич, и бабушка уехала вместе с ним из госпиталя в Москву. У них был единственный сын, Вячеслав, Петин отец. Но ранения не прошли для

Петра Саввича даром. Он вскоре начал болеть и умер совсем молодым. Он успел привить сыну любовь к физкультуре и спорту. Ведь он сам много занимался лечебной физкультурой и считал, что лишь благодаря ней смог встать на ноги после ранения.

Вячеслав сначала был легкоатлетом, затем увлёкся альпинизмом, на Кавказе встретил свою будущую жену Нину. Оба они были студентами, но когда появился Петя, им пришлось работать. Учения они не бросили: решили на вечернее отделение. Днём на работе, вечером — в институте, в выходной день — на спортивных сборах или в походе. Так проходили их дни.

Однажды на прогулке Петя с бабушкой встретили нового мальчика — Шурика, хорошенького румяного малыша с живыми чёрными глазами. Он со своей бабушкой Ксенией Дмитриевной только что переехал в их дом. Его первое появление в Лесочке было довольно необычным. Подняв кверху правую ручонку со сжатым кулачком, он устремился к Петиной бабушке со словами: «Я тебя убú!».

Бабушка Шурика, тихая женщина с грустным лицом, в хорошо отглаженном белом платке, бросилась было к своему внуку, но Дарья Ивановна остановила её жестом и как ни в чём не бывало сказала Шурику:

— И я тебя тоже люблю, мой маленький.

Шурик обиделся: его не поняли. Он отступил на несколько шагов, замахнулся ещё более гневно и вновь повторил свою угрозу.

— Ну вот и хорошо, — улыбнулась Петина бабушка. — Ты меня любишь, и я тебя люблю.

На другой день повторилась та же история. Вокруг гуляло много женщин с детьми. Но Шурик опять выбрал именно Петину бабушку и устремился со своими угрозами к ней.

Петя просто недоумевал. Даже ему, маленькому, было ясно, что этот бойко бегавший, но ещё плохо говоривший мальчуган имел в виду. А бабушка должна бы хорошо понимать, а не понимает.

Появившись на прогулке третий раз, Шурик очень осторожно приблизился к Дарье Ивановне и робко сказал:
— Я тебя люблю! — и едва заметно улыбнулся.

Бабушка улыбнулась ему широко и открыто, а он, подняв кверху обе ручонки, бросился к ней, и уткнулся личиком в её колени.

Ксения Дмитриевна облегчённо вздохнула. Шурик был принят на новом месте. Она под села к Дарье Ивановне, стала осторожно гладить Шурика.

— Умеете Вы с ними, — тихо промолвила она

— А тут и уметь нечего, — возразила Петина бабушка. Просто я на них по возможности не кричу, никогда не обманываю, стараюсь не дёргать по пустякам.

Шурик тем временем продолжал к ней ласкаться. Петина бабушка поняла, что не всё в семье у Шурика было благополучно, что кто-то, может быть сосед, у них громко кричал, грозился. Ни о чём не спросив Ксению Дмитриевну, она заговорила сама.

— У взрослых всякие дела бывают. Но детей надо беречь. Вот у нас на старой квартире была одна женщина, которая думала, что воспитывает своего внука. Все дети играют себе, да играют, а она на него поминутно: «Юра! Юра! Юра, иди сюда! Юра не ходи туда! Юра, выйди на солнце! Юра зайди в тень!» Ну и воспитала. Другие дети в школу пошли, а он не смог, нервный оказался. Или ещё у нас была одна: внук её не слушается, а она его обманывает: «Посмотри, какая машина!» — а машины вовсе нет. «Посмотри, вон мама идёт!» — а там чужая женщина. Ну и мальчик в конце концов обманщиком вырос.

Когда Ксения Дмитриевна с Шуриком ушли, Петя подсел к бабушке и спросил:

— А ты понимала, что он тебе в первый день говорил?

— Конечно, Петя, понимала. Недетские, грубые слова он говорил. Я и давай его нарочно заговаривать, да другими словами те слова перебивать. Глядишь, через неделю-другую он и забудет те, нехорошие. Ведь он же совсем маленький, он не понимает, что говорит. Слышал звон, да не знает, где он! А как его другими, хорошими, словами отговоришь, он плохие и забудет.

Запомнился Пете ещё один, очень радостный день, когда его мама и папа окончили институт. Он узнал сразу два новых слова: *инженер* и *диплом*, и оба они относились к его родителям!

Диплом — это такая книжечка, которая состоит из одной только обложки, но какой обложки! Синей, кожаной, с вытисненным на ней гербом! А на внутренней стороне обложки написано, что у тебя папа не просто папа, а ин-же-нер! И мама тоже ин-же-нер!

Одно только вдруг сделалось неясно Пете. Бывают: *портной* и *портниха*, *тракторист* и *трактористка*, *закройщик* и *закройщица*, *князь* и *княгиня*, а вот *инженер* и... Петя перепробовал все возможности: *инженерка* — как-то слишком просто: столько учиться, и вдруг — инженерка! Бывает *этажерка*, *фанерка*... *инженерица* — чудно как-то! *Инженерица* — бабушка говорит, что в старину так называли инженеру жену, а его мама — не только жена инженера, но и сама ин-же-нер!

— А как же тогда надо говорить, — поинтересовался Петя, — *инженер пришла*, *инженер сказала* или *инженер сказал*, даже если этот инженер — женщина?

Бабушка задумалась, а потом поведала Пете историю из своей молодости.

— Была война. Меня призвали в армию, выдали военную форму. Понимаешь, Петя, моды меняются, а вме-

сте с ними меняются и привычки. Сейчас твои папа и мама оба в джинсах бегают, даже и не различишь иной раз, молодой человек идет или девушка. А тогда женщины всё больше в юбках ходили, и даже военным женщинам полагалась юбка, тёмная или защитного цвета. А в нашей части выдали всем девушкам брюки. Удобнее в них, конечно, да уж больно непривычно тогда это было.

Во время войны, сам понимаешь, вся молодёжь в армии была. В городе оставались старички, старушки, да ребята малые. И те старались себе возраст прибавить, чтобы в армию скорее идти.

Когда случалось военным в городе оказаться, то старички и старушки с ними всегда очень ласково разговаривали, как со своими самыми близкими, хотя и не были знакомы. К парням обычно обращались: *сынок!* к девушкам: *дочка! доченька!* У многих из них свои сыновья и дочери были в армии, и они привечали чужих, как своих.

Вот прибыла я как-то в город за медикаментами, вылезая из машины. Идёт по улице старушка и говорит мне:

— Сынок, скоро ли война кончится?

— Не знаю, — говорю, — бабушка.

Посмотрела она на меня повнимательнее, видит, что не парень я, говорит:

— Дочка, а ты давно ли с фронта?

— Сегодня, — говорю.

Она помолчала немного и опять ко мне в мужском роде обращается:

— Сынок, — ты там на самых передовых был?

Так она и не могла определить, как со мной разговаривать, в мужском или в женском роде. А по должности я именовалась *боец, воин*, потом — *сержант*, слова *сержантка* нет.

Вот также и со словом *инженер*. В старое время только мужчины инженерами были, стало быть и слова

другого не требовалось. Жену инженера звали *инженерша* или *инженериха*. Так же было дело и с врачами, докторами. *Врачиха* или *докторша* — жена врача, а не женщина-врач. Это в наше время образование получают и мужчины, и женщины. А слова *докторша* или *докторица* не подходят. Они какие-то несерьёзные. И диплом выдается на инженера, на врача, а не на врачиху. Значит, не остаётся у нас другого выхода, как говорить: *врач пришла, доктор обещала, инженер решила*. И про меня говорили, *сержант доложила, военфельдшер приказала*.

Собрались гости, все поздравляли маму и папу с новым званием, с новым качеством, с новым... Петя уже не помнит — чем. Решил поздравить и он, с серьёзным видом приблизился к ним, протянул руку для пожатия, как это делали взрослые, и сказал:

— Ну, поздравляю!

Со стороны было забавно смотреть на это маленькое существо; раздался дружный хохот, а папа сгрёб его в охапку, стал подбрасывать к потолку и приговаривать:

— Инженеры! Инженеры!

Когда Петю, наконец, поставили на пол и он немного отдышался, он вдруг вспомнил, как началась их дружба с Мишей, как они качались на диванных подушках, приговаривая: «Хулиганы, хулиганы, хулиганщики!» Он подумал, что «инженерщики» сказать тоже нельзя, хоть это и по профессии. А «инженерики», наверное, можно: будет мягко и ласково.

НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

По воскресеньям, когда в детском саду нет детей, Миша приглашает Петю туда играть. Здесь домики, в которые можно заходить, качели, какие только можно себе представить, и подвесные, и в виде двух лошадей, летящих вверх и вниз, в виде лодок, в которых понарошку можно куда-нибудь плыть, в виде петухов и уток, на которых можно ехать верхом!

Мальчики любят эти воскресные прогулки: Миша — потому что можно ходить по всему двору, а не сидеть в своей группе, Петя — потому что всё здесь очень интересно.

И вот однажды, когда они качались на качелях, через забор перелезла долговязая тощая фигура с всклокоченными волосами и тоном, не предполагающим возражения, заявила:

— Эй вы, мелюзга! Посторонись!

— А чего нам сторониться? — возразил Миша, — мёста хватит всем.

Но фигура явно скучала, а играть с теми, кто был моложе, не хотела. И она решила мешать их игре, не соединяясь к ней. Фигура согнала их с качелей, а увидев, что они поселились в домике, выгнала и оттуда, при этом всё время хвасталась: «Я вас больше! Я вас сильнее!»

Петя сел верхом на утку, а Миша — на петуха и стали качаться, кто выше. Фигура вылезла из домика, осадил утку и сказала:

— Слезай сейчас же!

— Но я первый сел! — возразил Петя.

Я вас сильнее!

Фигура стащила его на землю и сама уселась на утку, которая была ей не по росту. Колени упирались в щёки, но гордость победы над малышом заслоняла эти неудобства. И так продолжалось до тех пор, пока из окна дома напротив не раздалось:

— Стёпка, ты долго там прохлаждаться будешь? Я же тебя за хлебом послала, а ты форсишь, как новый пятиалтынный!

Стёпку, как ветром, сдуло с качалки. Он перемахнул через забор и был таков. Убегая, он крикнул: «Я ещё доберусь до вас!» и упомянул какой-то фиг.

Ни у Пети, ни у Миши в семье этого слова не употребляли. В детском саду Миша его слышал, но никогда не задумывался о его значении. Тихо покачиваясь в лодке, Петя спросил:

— А что такое фиг?

Миша нерешительно сложил пальцы каким-то неестественным образом.

— А при чём тут мы?

— Не знаю...

Мишиного папу зовут Степан Григорьевич. Он всегда очень следит за своей внешностью, подтянут, чисто выбрит, аккуратно пострижен. Он и Мишу с самого мла-

денчества приучил быть опрятным, всегда следил за тем, как Миша моется, чистит ногти, зубы, уши. Однажды он поведал Мише историю, которую сам слышал в раннем детстве, про Стёпку-Растрёпку.

Жил на свете мальчик, который не любил мыться. Руки у него были чёрные, ногти, как когти, волосы нестриженные и нечёсанные. На все увещевания родных и близких привести себя в порядок он отвечал одними лишь насмешками. И вот, в один прекрасный день, явился карлик — такой смешной маленький человечек, с длинной седой бородой, в красном колпаке, с большими ножницами и отстриг Стёпкины ногти вместе с кончиками пальцев.

Очевидно, именно для того, чтобы не походить на этого неудачливого Стёпку, Мишин папа всегда так строго следил за своей внешностью и именовался исключительно Степан.

Сейчас Миша пересказал эту историю Пете, и они тут же решили, что станут звать своего обидчика Стёпка-Растрёпка. Фантазия заработала. Раз Стёпка такой нехороший, к нему тоже придёт... кто? карлик? леший? — Нет, баба-яга из пряничного домика и жестоко накажет! Расправившись таким образом со Стёпкой, мальчики почувствовали облегчение. Тут их позвали обедать.

Петин папа готовился к докладу. На столе лежали раскрытые книги, развернутые чертежи. Петя ими заинтересовался, залез с ногами на стул, заглянул в книгу, да так и подпрыгнул! Под картинкой стояла подпись: *Фиг. 5*. Петя подумал, не ошибся ли он. Перевернул несколько страниц в одну сторону и обнаружил *Фиг. 2*. Полистал книгу в другую сторону — *Фиг. 12!*

- Что ты тут: делаешь? — раздался папин голос.
- Фиги считаю!
- Какие фиги?
- А вот тут написано: *Фиг. 15!*

Папа рассмеялся. — Это же сокращение: фигура, изображение! Вот видишь, здесь машина начерчена — фигура 1. А это её детали — фигуры 2, 3 и так далее. — Петя опешил. Не к этим же машинам посылал их Стёпка-Растрёпка!

— Ну, иди, малыш, играй! — Папа снял его со стула и отправил в угол, где на ковре «жили» игрушки.

Не успел Петя заняться игрушками, как раздался звонок. В дверях стоял Миша и таинственным образом шептал:

— Идём ко мне! Я теперь знаю, что такое фиг!

Петя спросил разрешения у мамы и пошёл. У Миши на столе стоял новый проигрыватель, а сверху лежала пластинка «Приключения Чиполлино». Диск закрутился. Сказка началась. Зазвучала песенка Чиполлино:

*Я весёлый Чиполлино,
Вырос я в Италии,
Там где зреют апельсины
И лимоны, и маслины,
Фиги и так далее!*

— Понял? — спросил Миша, когда сказка окончилась.

— Ничего не понял!

— Ну фиги, они вроде апельсинов!

— А у моего папы фиги под чертежами подписаны!

— Врёшь!

— Правда. Это сокращённо значит *фигура*.

— Теперь я ничего не понимаю! Не фигуры же на деревьях растут!

— Может у твоего папы спросим?

— Я один раз спрашивал. Он говорит: «Миша, не сквернословь»!

— Не сквернословь? Значит это скверное слово? Так почему его поют и в книге пишут?

— А кто его знает!

— Ну может кто-нибудь всё-таки знает?

И дети стали перебирать своих родных, знакомых, соседей: знают они или не знают, а если знают, то скажут или не скажут. Наконец, решили, что Дед-Столет, — так они называли соседа по лестничной площадке, — наверняка, должен знать такие вещи.

— Ведь ему сто лет! — горячился Миша. — Ну, мы маленькие, не знаем, а он-то уж наверное успел узнать!

— Да как же мы к нему пойдём? — спросил Петя. — А вдруг он нас прогонит?

— Прогонит... — согласился Миша.

— Ну, тогда так никогда ничего и не узнаем!

А знать хотелось. Помедлив ещё немного, они осторожно, никем не замеченные, выскользнули из квартиры, аккуратно прикрыв, но не захлопнув дверь. На площадке они тихонько поспорили, кто будет звонить. Но вскоре оказалось, что спор бесполезен: звонок приделан слишком высоко. Тогда они стали друг друга подсаживать.

Миша был крупнее и тяжелее Пети, так что в конце концов он, поднатужившись, приподнял Петю, а тот надавил на кнопку. Не успели они отдышаться, как на пороге показался Дед-Столет.

— Здравствуйте, молодые люди! Что скажете?

Они молчали, неуклюже переминаясь с ноги на ногу, тяжело дышали. Миша подталкивал Петю в спину. Петя смущался. Наконец, набрав побольше воздуха, он выпалил:

*Здравствуйте,
молодые люди!*

— Что такое фиг?

Дед-Столет хитро прищурил глаза, спрятал в бороду улыбку и сказал:

— Заходите!

Мальчики стояли, как вкопанные.

— Заходите же!

Они робко переступили порог, и, обитая чёрной клеёнкой дверь за ними захлопнулась. «Что теперь будет?» — подумали мальчики. — «Изругает, побьёт, съест...» И зачем только они сюда позвонили? И никого не предупредили... Их, конечно, будут искать. Сказки про Бабу-Ягу и Кощея Бессмертного, которые едят маленьких детей, оживали в их воображении. Они совершенно не знали, кто такой Дед-Столет. Изредка видели, как он входил в свою квартиру. И всегда он казался каким-то таинственным.

Дед-Столет провёл их в комнату, усадил на широкий клеёнчатый диван, а сам устроился в кресле напротив. На столе у него беспорядочно лежали бумаги, папки, карточки, на которых было что-то написано. По стенам висели портреты таких же бородатых людей, как он сам.

— Должно быть, его предки, — подумали дети.

Одна стена была сплошь заставлена книжными шкафами и полками. Даже небольшое пространство над дверью занимала полка с журналами.

Дети притихли, боязливо озираясь, а Дед-Столет пристально на них смотрел. Они были подавлены непривычной обстановкой.

— Итак, — молодые люди, — если я не ошибаюсь, мы с вами живём на одной площадке. Ну что ж, давайте знакомиться! Вас как зовут? Мальчики с трудом пролепетали свои имена.

— Очень приятно! — сказал Дед-Столет. — Меня зовут Александр Александрович.

— А Вам правда сто лет? — неожиданно выпалил Миша и тут же зажал себе рот. Вдруг обидится или злится?

— Нет, — усмехнулся Дед-Столет, — только семьдесят. Ну так рассказывайте, зачем пожаловали.

Смущаясь и заикаясь, перебивая и поправляя друг друга, мальчики рассказали ему свою утреннюю историю, а также поведали о том, что было подписано под чертежами и звучало на пластинке.

— Да, — сказал Дед-Столет, терпеливо дослушав их до конца. — Сложная проблема. Попробуем распутать. Начнём с песенки: «Зреют апельсины, и лимоны, и маслины, фиги и так далее». Апельсины вы знаете, лимоны знаете, а маслины?

— Это, наверное, мандарины такие? — предположил Миша.

— Нет, это, наверное, с маслом связано? — возразил Петя. Дед-Столет улыбнулся.

— Молодец, малыш, правильно думаешь. Маслины — это такие жёсткие ягоды с большой продолговатой косточкой. Они растут на невысоких вечнозелёных деревьях. Из ягод готовят очень хорошее растительное масло. Есть у этого растения и второе название — *оливы*, или *оливки*. И масло обычно называют *оливковым*. В древности маслина считалась деревом мира. Когда люди из одной страны приходили в другую и несли с собой оливковую ветвь, это значило, что они шли с миром, с добрыми намерениями.

Теперь относительно фиговых деревьев. Они растут на юге, также как и оливковые. У них крупные, широкие листья, изрезанные наподобие ладони, пять выступов, как будто пять пальцев. Их мясистые ягоды по форме похожи на груши, только очень мягкие и сладкие. Внутри много мелких-мелких семечек. Они быстро портятся, поэтому их сушат. В сушёном виде они сохраняются

долго. Да вы их знаете, ребята, только под другим названием. Они продаются у нас. Ну-ка подумайте, как они называются?

Мальчики помолчали, переглянулись, подумали, а потом точно по команде выкрикнули:

— *Инжир!*

— Правильно, ребята. Есть у них и ещё одно, очень старое русское название: *винные ягоды*. А дерево, на котором они растут, иначе называется *фикус*, или *смоковница*.

— У моей бабушки есть фикус, — встрепенулся Миша, — значит на нём скоро вырастет инжир?

— Нет, это другой фикус, хотя и родственной смоковнице. Оба растения содержат тягучий белый сок, любят тепло. Но вкусные плоды растут на фикусе-смоковнице. В урожайные годы они буквально валяются под ногами. Хозяева не знают, куда их девать. Все уже давно наелись. Никто их не покупает, никто на них не глядит.

А теперь представим себе, что одному соседу потребовались деньги или какая-нибудь вещь, или хлеб. Он идёт к другому соседу и просит: «Дай, мне денег!» А сосед ставит перед ним тарелку с винными ягодами и говорит: «Денег у меня (как и у тебя) нет. Лучше покушай моих ягод». А у первого соседа и свои-то некуда девать. Прощается он, уходит. А теперь подумайте, дал тот сосед этому, первому, что-нибудь или ничего не дал?

— Ничего! — ответили дети.

— А ведь он ему что-то предлагал и даже угощал!

— Угощал!

— Ценную вещь он дал своему соседу?

— Нет.

— Нужную?

— Нет!

— Полезную?

— Нет!

— А что же он ему всё-таки дал?

— Фиг! — нерешительно протянули ребята.

— Вот именно! Существует такое выражение: *ему дали фиг*. Это значит: ему ничего не дали и ничего хорошего не пожелали. Но выражение это грубое, и лучше его не употреблять.

И именно потому, чтобы название тех сушёных ягод, которыми вы не прочь полакомиться, не было созвучно с этим выражением, в магазинах у нас продают *инжир*. Этого слова никто специально не выдумывал, чтобы заменить другое. Просто, слово фиг из греческого языка, а инжир — из турецкого. Оба слова пришли к нам в разное время вместе с товаром, который продавали греческие или турецкие купцы.

— Это так же, как *оливки* и *маслины*? — спросил Петя.

— Почти так. Только слово *маслина* — русский пересказ латинского *олива*, а *олеум* в латинском языке значит растительное масло.

Мальчики сидели задумчивые. Столько нового они узнали за какой-нибудь час. Вдруг лёгкий шум насторожил их. Дверь в комнату открылась, и на пороге появилась женщина средних лет, с очень милым, добрым лицом. Она удивилась, увидев мальчиков.

— А!... — сказал Александр Александрович, — Это ты? Познакомьтесь, это моя дочь Мария Александровна. А это — юные любители слова.

— Ну, мы пойдём, — сказали мальчики, сползая с уютного дивана.

При появлении Марии Александровны они вновь почувствовали прошедшую было неловкость и вспомнили, что их ждут дома.

— До свидания, молодые люди, заходите, — произнёс Александр Александрович.

— Я их выпущу, — сказала Мария Александровна и раскрыла перед ними тяжёлую дверь.

Оказавшись на лестнице, мальчики вдруг показались себе такими маленькими.

— Ай да дед! — с восхищением сказал Петя.

— А я сначала подумал, что он нас съест, — признался Миша.

— И я тоже.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

ПЕРЕД ШКОЛОЙ

Миша и Петя пойдут в школу, которой ещё нет, но они уже знают своего классного руководителя — Зою Васильевну. Весной она собрала родителей своих будущих учеников.

Зоя Васильевна рассказала, какие книги, тетради, пособия будут нужны детям для занятий. Но самое главное, — она просила родителей, — чтобы все первоклассники умели читать. Если кто ещё не умеет, пусть учится. Время есть. А кто умеет, пусть читает летом сам, чтобы читать ещё лучше. Она сказала, что неграмотность отдельных детей будет очень мешать ей работать с классом по новой программе.

— Я хочу заниматься с ними русским языком, — добавила она.

— Зачем заниматься русским языком? — недоумевали родители. — Ведь дети и так знают свой язык. — Тем не менее, многие постарались достать для детей интересные книжки.

Чтобы лето перед школой запомнилось Пете на всю жизнь, его решили отправить с бабушкой на Волгу, к деду Володе. А чтобы он читал ещё лучше, ему подарили «Сказки братьев Гримм» — большую книгу в картонном переплёте. Конечно же, он сразу отправился к Мише, и они стали вдвоём смотреть картинки. Миша тоже скоро уезжает, а значит, — надо попрощаться с Александром Александровичем. Они звонят в соседнюю дверь, без прежней робости, но с некоторым волнением.

— Здравствуйте, — сказали мальчики хором, когда дверь открылась.

— А... это вы!? — обрадовался Александр Александрович, — Заходите.

Они вошли, снова разместились на уютном диване. Петя заговорил.

— Я пришёл к Вам попрощаться. Я завтра уезжаю на Волгу.

— На Волгу! — Это хорошо! Я очень люблю Волгу, часто езжу на пароходе по всей Волге, от Москвы до Астрахани и обратно. А это что? — он указал на книжку.

— Это мне на дорогу подарили. Буду читать.

Александр Александрович сказал, что у него тоже есть сказки братьев Grimm, и достал с полки книгу в матерчатом голубом переплёте с золотыми буквами и золотым обрезаем.

Дети смотрели на книгу и не могли разобрать ни одной буквы, хотя они были достаточно крупными. Буквы плохо отделялись друг от друга, прямые, с острым верхом и низом, слегка изломанные посередине.

— Здесь не по-нашему! — наконец, произнёс Миша.

— Правильно, — сказал Александр Александрович — Книга написана по-немецки, да ещё напечатана не обычным, латинским шрифтом, а готическим.

Он раскрыл книгу. В самом начале была картинка, изображающая двух мужчин в гостях у опрятной и благообразной старушки. Один из них что-то пишет, другой — беседует.

— Это братья Якоб и Вильгельм Grimm, знаменитые немецкие филологи. Они жили почти двести лет тому назад. Они интересовались народными обычаями, сказками, преданиями. Братья изъездили всю страну, побывали во многих городах и деревнях, разыскивали народных сказителей и записывали у них сказки.

— Вы видите, в моей книге сказок больше, чем в Петинной. Но и это ещё не все. Был и в нашей стране такой собиратель сказок — Александр Николаевич Афанасьев. Вы, конечно, читали про Царевну-Лягушку. Это одна из сказок, записанных Афанасьевым. А собрал он их много-премного, не меньше, чем братья Grimm в Германии.

— А Вы не знаете сказку про Ваню и Машу, которые заблудились в лесу, нашли там пряничный домик, а в нём оказалась Баба-Яга? — спросил Миша.

— Знаю. Это тоже из сказок братьев Grimm. Только в моё детство этих детей звали Гензель и Гретель, а Бабу Ягу — Ведьмой. Она пригласила детей к себе в дом, накормила, спать уложила, а наутро посадила Гензеля в клетку и принялась откармливать, чтобы съесть, а Гретель заставила делать всю чёрную работу по дому. Каждую неделю она приходила и говорила: «Мальчик, дай мне свой пальчик», чтобы пощупать, насколько он стал пухленьким. А Гензель просовывал сквозь прутья клетки палочку. Ведьма щупала её и говорила: «Кормлю его, кормлю, а всё одни кости». А потом дети улучили момент и сбежали от Ведьмы.

Не хотелось уходить. И Петя задал вопрос, который давно мучил их с Мишей.

— Александр Александрович! А почему не говорят тридцать десять?

— Видите ли, в словах двадцать и тридцать есть маленький кусочек *-дцать*, что значит «десяток». В словах *пятьдесят*, *шестьдесят* этот кусочек присутствует в развёрнутом виде: пять десятков, шесть десятков. А в словах *сорок* и *девяносто* его нет. Интересно, что у южных славян сорок обозначается как *четыредесят*. Наше слово *сорок* заимствовано из греческого *сара-конта*. Ну а со словом *девяносто* ещё сложнее. Одни думают, что раньше это было *невено-сто*, что значит

неполное сто, а потом, поскольку десятков в этом числе девять, звучание его изменилось. Другие считают, что это значит девять до ста, т.е. не хватает девяти единиц до сотни. Вот видите, как хитро́. Кажется, своё слово, родное, а откуда оно взялось, — не знаем.

— А что такое *сорок сороко́в*? — спросил Петя. — Бабушка рассказывала сказку: прибегут сорок сороков медведей и волков.

— Ну, это просто, — улыбнулся Александр Александрович. — Это сорок раз по сорок. Считать умеете, герои? Это будет тысяча шестьсот. Но интересно другое. В старину в сказках, в легендах числа не понимались с точностью до единицы: числом *семь* обозначалось несколько (немного), *сорок* — несколько (много), а *сорок сороков* — очень много.

— Александр Александрович, — не выдержал Миша. — Почему Вы говорите *число*, а не *цифра*? Папа всегда говорит: *цифра*.

— Цифру мы пишем. А число держим в уме или называем. Кто же в сказках или легендах писал цифры?

На прощанье Александр Александрович предложил мальчикам на лето очень интересное занятие: внимательно слушать, как говорят в тех местах, куда они поедут. Говорят ли там, как в Москве, или по-другому. Он просил их по возвращении рассказать об этом.

КАК ГОВОРЯТ НА ВОЛГЕ

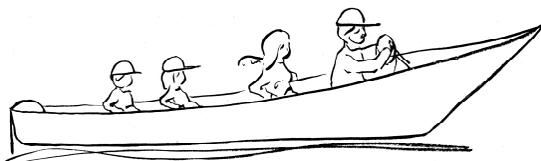
Петя с бабушкой сели в поезд и на следующее утро приехали в большой город на Волге. На вокзале их встретил бабушкин брат, Владимир Иванович, со своим внуком Серёжей. Несколько остановок на автобусе, и они на берегу Волги. Петя раньше видел Москву-реку, даже катался на речном трамвае, и она казалась ему очень широкой. Но что может быть такая большая река, он и представить себе не мог. Направо и налево, насколько хватало глаз, простиралась водная поверхность. Большие и маленькие суда чертили по ней свой след. Вдали, узкой полосой, едва виднелся противоположный берег.

— Гляди, Петенька, это наша Волга, великая русская река, — сказал дед Володя. — Не могу я без неё жить.

Он работал сторожем на спортивной базе. У него была моторная лодка, которая поджидала наших путешественников. Петя со страхом забрался в качающуюся лодку и почувствовал себя неуютно.

— А вдруг лодка потонет? — спросил он бабушку. Дно у лодки было мокрое, но под ногами лежали сухие деревянные решётки. Позже он узнал, что они называются *стлани*, или *рыбины*. Бабушка успокоила Петю: её брат волгáрь.

Они ехали довольно долго, пока, наконец, на берегу не показались небольшие домики, причал с лодками и различные спортивные сооружения. Они подошли к причалу, дед Володя ловко накинул веревочную петлю на металлический столбик. На причале их ждала баба Маня, жена деда. Радость встречи была беспредельна. Ба-

Они ехали довольно долго.

бушка радовалась тому, что после стольких лет разлуки снова увиделась с братом и его женой. Петя больше всего радовался тому, что стоит на твёрдой земле и что с лодкой, действительно, ничего не случилось, а Серёжа радовался предстоящему обеду.

И вот потекла спокойная жизнь в небольшом домике у входа в спортивный лагерь. Народ в лагере постоянно менялся: то это были гимнасты, то легкоатлеты, то гребцы. Серёжа как-то быстро в них разбирался, Пете же все они казались одинаковыми. До его слуха постоянно доносились то совершенно непонятные, то вроде бы понятные, но казавшиеся смешными слова. Вот тренируются гимнасты: *вис, сед, кач, хват, подхват*. Ну *соскок* и *наскок* ещё куда ни шло, а *сед* или *вис*? Тренируются гребцы: *навались, суши вёсла, табань, ... форштевень, уключины*.

— Так вот, значит, как говорят на Волге, — решил Петя.

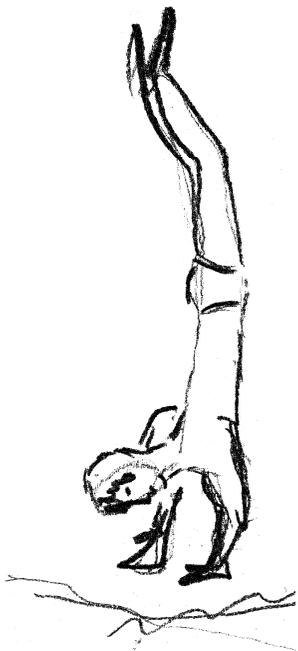
Один из тренеров по гимнастике жил на спортивной базе со своим сыном. Петя и Серёжа часто наблюдали за ними, когда ходили купаться. Тренер командовал тихим голосом и сам показывал упражнения, а мальчик за ним повторял: то руки вверх подымут, то присядут, то кувыряться начнут, а потом бегут в воду и долго плавают.

Однажды Петя и Серёжа подошли к ним совсем близко, когда мальчик делал стойку на руках. Решили и они с Серёжей попробовать. Размахнулся Петя, закинул ноги кверху и тут же плюхнулся на тёплый песок, хорошо,

что не ушибся. Такая же неудача постигла Серёжу. А тренер со своим сыном смотрят на них и смеются.

— Не так надо, и не сразу. У вас ещё мускулы не окрепли. Ну, давайте знакомиться: меня зовут дядя Юра, а это Павлик. Мы с ним давно тренируемся. Если хотите, можете с нами вместе зарядкой заниматься.

— А Вы тоже на руках стоять умеете? — спросил Серёжа.

Стойка.

— Конечно, — ответил дядя Юра, аккуратно поставил обе ладони на песок, там где он был плотнее, и, медленно оторвав ноги от земли, стал их вытягивать, при этом у него обозначились на руках и плечах мускулы, напоминающие туго переплетённые канаты.

— Здрóрово! — протянул Петя.

— А Вы и ходить на руках можете? — поинтересовался Серёжа.

Вместо ответа дядя Юра стал медленно переступать с руки на руку, дошёл таким образом до самой воды, медленно опустил ноги, а потом, разбежавшись, поплыл. Павлик разбежался и нырнул, Серёжа за ним, ведь он был волгарь! Дядя Юра долго плыл под водой. Петя даже начал беспокоиться, не утонул ли тот. Но дядя Юра благополучно вынырнул и поплыл, красиво взмахивая руками.

Только Петя плескался возле берега, боясь зайти глубже.

— Да ты, я вижу, плавать не умеешь, — удивился дядя Юра, — Это же так просто: лег на воду и поплыл. Вода тебя сама держит. Она — как мягкая постель. Ты только ложись поудобнее и постарайся расслабиться.

С этими словами дядя Юра подплыл к Пете, завёл его немножко глубже и положил на воду, лицом кверху, поддерживая его снизу. И вот Петя почувствовал, что под головой у него как будто мягкая подушка, а под руками и ногами — мягкий матрас, на котором очень удобно лежать. Дядя Юра осторожно вывел из-под него руки. В тот же миг Пете стало страшно, он яростно заколотил руками и ногами и скрылся под водой, но дядя Юра был рядом. Он поставил Петю на ноги и сказал:

— А теперь ложись на живот и тоже почувствуй воду. Старайся расслабиться. Когда ты с силой бьёшь руками и ногами, ты напрягаешься и идёшь ко дну, а ты должен *плавать*, значит все твои движения должны быть *плавными*.

И вот Петя очень плавно перебирает руками и ногами, а дядя Юра опять тихонько руки опускает. Заметил это Петя, испугался:

— Ой, это я сам плыву! — и опять пошёл ко дну, — хорошо, что на мелком месте!

— Никогда не надо бояться, — говорит дядя Юра. — Многие тонут от страха. Когда тебе страшно, ты напрягаешься, а надо держаться свободно. Ты плыви себе и не думай, что под тобой глубоко.

Опять он придерживает Петю, а тот потихоньку плывёт.

— Два метра проплыл, — говорит дядя Юра, — научился! Теперь каждый день будешь понемногу прибавлять. Но пока плавай вдоль берега. И помни: чтобы чему-то хорошо научиться, нужно захотеть и стараться самому себя этому учить. А упражняться надо каждый день.

Однажды, когда очередная группа гимнастов уехала, а гребцы ещё не прибыли — называется это смешно: *пересменок*, — бабушка с братом и Петя с Серёжей поехали на Мамаев курган. Баба Маня срезала для них по-

Ещё издали они увидели огромную фигуру...

что все свои цветы, дала сумку с едой. Они сели в лодку, к которой Петя уже начал привыкать, добрались до жилых мест, потом некоторое время ехали на автобусе.

Ещё издали они увидели огромную фигуру женщины с мечом, стоящую на возвышенности.

— Вот это и есть Мамаев курган, — объяснил дед Володя. Приблизившись, они оказались в гуще людей. Экскурсия за экскурсией подъезжала на автобусах. Звучала русская и иностранная речь.

Перед ними открылась широкая лестница, по которой медленно поднимался народ. Справа, у подножья лестницы, была высеченная из камня скульптурная группа. Один из экскурсоводов объяснил, что она называется «Память поколений». Там были изображены люди всех возрастов, несущие венки и цветы к подножию кургана. И бабушка положила несколько цветков к ногам этих каменных людей.

Они приблизились к небольшому пруду, из которого поднимался огромный, по пояс голый, каменный человек. В руках он держал гранату и автомат. Ноги его были завернуты в тяжёлое каменное покрывало, на котором написано: «Стоять насмерть» и «Ни шагу назад».

Серёжа любил играть в войну со своими сверстниками. Но с такой суровой войной встретился впервые. Он долго стоял у этой скульптуры, пока его не окликнули. Все пошли выше.

Сначала Пете показалось, что по обе стороны лестницы — простые серые камни. Потом он заметил, что

камни похожи на кирпичные стены, а на стенах в разных местах были каменные люди.

— Это «Стены-руины», — поясняли экскурсоводы.

Приблизившись к этим руинам, Петя услышал со всех сторон какие-то странные звуки. Он не сразу понял, что это плачут поднявшиеся сюда люди при виде того, что им открылось. Стены-руины — это страшное воспоминание

о войне. Здесь были дома, в которых жили люди. Война прошла через дома и через жизнь этих людей. В каждой квартире, возле каждого окна и каждой двери шёл бой. Вот люди тащат по лестнице пулемёт, вот человек с винтовкой ползёт на коленях, чтобы сделать может быть единственный выстрел. Из окна высунулась голова, а надпись на стене гласит: «За Волгой для нас земли нет. — Снайпер Зайцев». Человек с автоматом стоит на верху полуразрушенного дома и ведёт наблюдение. Молодой красноармеец прощается со своей невестой. Командир поддерживает умирающего солдата. А вот как будто бы из стены выходит новое подкрепление, выползают каменные танки, а девушки готовят снаряды.

Бабушка положила к этим стенам часть своих цветов. Она уже давно плачет и не сдерживает слёз. Дед Володя всхлипывает.

— Вот какая у нас война была, — говорит бабушка жмущимся к ней Пете и Серёже.

Когда кончились «Стены-руины», перед ними открылся большой прямоугольный бассейн. Справа вдоль бас-

*Это железный
русский солдат...*

сейна стояли скульптурные группы и были посажены берёзы, слева — тянулась длинная стена, за которой выстроились пирамидальные тополя. На стене огромными буквами написано: «Железный ветер бил им в лицо, а они всё шли вперёд. И снова чувство суеверного страха охватывало противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?» А эти «они» были изображены напротив: человек со знаменем; партизан, несущий раненого товарища; человек со связками гранат, идущий в атаку; девушка, выносящая с поля боя раненого воина.

— Вот так и я, бывало, тащила своих раненых, — говорит бабушка Пете.

— Да ведь это ой как тяжело! — удивляется он.

— А раненым ещё тяжелее, — возражает бабушка. — Иной раз берёшь живого, а пока донесёшь, он уже и умер.

И к ногам каждой скульптурной группы она положила по несколько цветков. Так они дошли до Большой подпорной стены, протянувшейся наверху поперёк лестницы. На стене изображены различные фигуры, а слева — очень большая скульптура «Скорбь матери», к подножью которой бабушка положила оставшиеся цветы. Справа — Зал воинской славы. Они вошли внутрь. Посреди круглого помещения из-под пола поднимается огромная рука, держащая зажженный факел. Вокруг цветы. По обе стороны стоят часовые. Много венков. К стенам прикреплены мраморные плиты, на которых перечислены имена погибших воинов, защищавших Город на Волге.

И вот они уже на самой вершине кургана, у ног величественной скульптуры «Родина-Мать», изображающей женщину, зовущую воинов на бой. Бабушка устало опускается на траву. Петя и Серёжа садятся рядом. Дед Володя стоит, опустив голову. Свежий ветер шумит в ушах, а далеко внизу виден город, защитникам которого сооружён этот памятник.

Поздно вечером, подавленные обилием впечатлений, они вернулись домой, привезя с собой открытки и книжки про Мамаев курган. Не один раз Петя с Серёжей пересматривали их, читая подписи под рисунками и удивляясь обилию новых слов, которые они таким образом узнали. Перед этим они несколько раз прочли Петины «Сказки братьев Grimm», но не обнаружили там почти никаких незнакомых слов.

— А мы-то думали, что весь наш язык знаем, — заметил как-то Петя.

— Ну, теперь уж наверное весь, — успокоил его Серёжа.

Эта поездка имела ещё одно последствие: у мальчиков пропала охота играть в войну. А вот спорт они любили всё больше и больше. После отъезда дяди Юры они сами пытались делать зарядку так, как он их учил, потом купались. И Петя выучился-таки плавать, вспоминая наставления дяди Юры.

Они подолгу наблюдали за тренировками гребцов и атлетов, пытаясь сами воспроизводить их движения. Владимир Иванович катал их на лодке.

Так незаметно подошло время расставания. Пора было ехать в Москву.

КАК ГОВОРЯТ В ЛИТВЕ

После отъезда Пети Миша скучал. Но потом произошло событие, перевернувшее всё в его жизни. Папа купил машину «Жигули». Несколько дней Миша совсем не видел своего отца: тот пропадал в разных учреждениях. И вот, наконец, всё позади, а под окнами их квартиры стоит новенький «Жигуль» как величает его папа. Миша ни на шаг не отходит от отца, а тот осваивает новую технику: забирается в машину, что-то крутит внутри, протирает, смазывает, включает мотор. Наконец, он приглашает Мишу сесть рядом с собой, и они делают «круг почёта» по микрорайону. Миша страшно доволен. Неразъехавшиеся детишки провожают его восхищённым взглядом.

— Ну вот, — говорит папа, — всё в порядке. Можно ехать.

Теперь хлопочет мама. Она делает закупки, собирает вещи. Папа укладывает всё это в багажник. Здесь и спальные мешки — вдруг придётся заночевать в дороге, и еда, и купальное снаряжение, и посуда. Папа берёт фотоаппарат и обещает научить Мишу снимать.

До позднего вечера они вспоминают, не забыли ли чего: нитки, иголки, пуговицы, одеколон, мыло... Наконец, все заснули. А в шесть утра, вместе с первыми звуками радио, — общий подъём. Лишь слегка позавтракав — есть совсем не хочется, — они выходят из дома, усаживаются в машину, выезжают на кольцевую автодорогу, окружающую всю Москву. Папа сообщает, что длина этой дороги — 109 километров и по ней можно выехать на любое шоссе, минуя центр.

Через некоторое время они увидели дорожный указатель с надписью «Минское шоссе», проехали по мосту, затем под мостом и оказались на этом шоссе. Перед ними замелькали зелёные рощи, возделанные поля, небольшие домики.

Миша, в полном упоении от быстрой езды, от бесконечно меняющихся впечатлений, не заметил, как заснул. Когда он начал съезжать набок, папа осторожно притормозил. Мама вышла из машины укрыла его пледом, подоткнула, чтобы он случайно не свалился. Они продолжали путь, пока не приехали в город Смоленск. Миша успел хорошо выспаться.

В Смоленске они остановились в гостинице, пообедали в ресторане и пошли осматривать город. Спать они легли рано, потому что все очень устали. А на утро продолжили путь.

Папа объяснил, что они поедут по разным странам. Смоленск — русский город. Потом они проедут через Витебск и Полоцк — это Белоруссия, потом будет Даугавпилс — это латышский город. Лишь после этого они окажутся в Литве, минуют города Паневежис и Шяуляй. Миша удивился:

— А как же мы будем разговаривать, ведь мы ни по-белорусски, ни по-латышски, ни по-литовски не умеем.

Папа успокоил его: везде найдутся люди, которые говорят по-русски. Это особый язык, международный.

Папа взял с собой Атлас автомобильных дорог. Это такая книга, на всех страницах которой изображены красные линии — дороги — и подписано, через какие города и деревни эти дороги проходят. Позже Миша с большим интересом рассматривал этот атлас, вспоминал, как они ехали. А тогда он был ещё слишком мал.

Сверяясь с Атласом и следуя дорожным указателям, к вечеру второго дня они приехали в Палангу — небольшой, очень чистенький курортный городок с широ-

Балтийское море

кими улицами и остановились в кемпинге для автотуристов.

Моря не было видно, но свежий, шумящий в ушах ветер говорил о его близости. Они поставили машину, схватили купальные принадлежности и быстро, почти бегом, двинулись навстречу морю.

Поднявшись на невысокую песчаную грядку, они застыли в восторге. До самого горизонта, сколько охватывал глаз, простиралось море, Балтийское море! Крепкий, но нехолодный ветер гнал по нему низкие волны. Они накатывались на песчаный пляж, обрамлённый соснами. От постоянного морского ветра многие сосны наклонились. Солнце садилось, и облака над морем были почти красными.

Миша никогда раньше не бывал на море. Он спросил:
— Когда все волны кончатся?

Папа ответил, что никогда. Они бывают большие и маленькие, но море без волн не бывает. Поэтому не нужно пережидать волны, и они дружно пошли купаться.

Народу на пляже было немного. Но на деревянном помосте, далеко уходящем в море, стояли люди, любовавшиеся закатом. Несколько человек купались вдали, но почему-то вода им была только по колени. Миша спросил у папы, на чём они стоят. Папа объяснил, что здесь море очень мелкое и нужно отойти далеко от берега, пока можно будет плыть. Они пошли по тёплому песку, затем по прохладной воде, сквозь набегающие волны. Наконец, вода сделалась Мише по грудь, а потом и по шею. Он лег на воду, а папа и мама продол-

жали идти и тянули его за руки. Он бил ногами по воде и думал, что плывёт. Наконец, папа сказал:

— Ну, я пошёл! — И он поплыл далеко-далеко в волнующееся море.

Миша беспокоился за папу. Но мама сказала, что он хороший пловец. Миша купался с мамой. Она тоже хорошо плавала и учила плавать его. Когда, наконец, вернулся папа, они направились к берегу. Миша заметил, что чем ближе к берегу, тем вода теплее. Папа объяснил, что за день песок хорошо прогрелся, а сейчас он отдает своё тепло воде.

Они поужинали в кафе и отправились в кемпинг, где им отвели небольшой домик, так укромно расположившийся среди сосен, что его было трудно увидеть даже днём. Он чем-то напоминал Петину копилку, и Миша прозвал его «Пряничный домик».

На утро мама сказала:

— Идите купаться вдвоем, а я хочу разобрать вещи и устроить наш дом поуютнее.

Папа решил, что они с Мишей пойдут в разведку, узнают, что где находится, и вернуться к обеду, чтобы вести маму в столовую. Они направились в курортный парк. Миша был поражён скульптурами, попадавшимися в самых неожиданных местах. Папа сказал, что в Литве много легенд и что с ними следует непременно познакомиться. Он фотографировал Мишу возле каждой скульптуры, а Мише захотелось их нарисовать. В конце парка был красивый двухэтажный дом — Музей янтаря.

— Где же мы будем купаться? — спросил папа. — Ходим-ходим, а до пляжа так и не дошли.

— Здесь, — сказал Миша, увидев большую букву *М*. — Ведь мы же мужчины!

— Хорошо, — сказал папа, и они двинулись в ту сторону.

Подойдя ближе, они посмотрели друг на друга, на надписи, картинки и расхохотались. Небольшими буква-

ми по-русски было написано: «Женский пляж». А по-литовски — «Мотеру пляжас».

— Мамин пляж! — догадался Миша.

При входе на пляж было много интересных картинок. Главным героем их была свинья в полосатой майке. То она что-то ела, разбрасывая вокруг обёртки и объедки, то безобразно курила, пуская дым в сторону маленьких котят, то она смотрела в бинокль на «Мотеру пляжас» и, наконец, на последней картинке эта свинья была пере-чёркнута красной краской крест-накрест.

— Понял? — спросил папа.

— Да тут ясно без слов: не будь свиньёй! А как же всё-таки по-литовски мужской?

Лишь через несколько дней Миша узнал, что мужской по-литовски *виру*, мужчина — *вирас*, а женщина — *мотерис*.

Но мужского пляжа они так и не нашли. Им объяснили, что мужчины купаются на общем пляже, а он — ух какой большой! Где хочешь, там и купайся!

Вернувшись домой, Миша попросил маму достать его альбом, карандаши, краски и вместо послеобеденного отдыха принялся по памяти рисовать уголки парка со скульптурами, свинью и море. Рисовал он быстро. Получалось не очень хорошо. Он показал рисунки проснувшемуся папе, и тот порекомендовал, во-первых, не спешить и, во-вторых, брать с собой альбом на прогулку, чтобы рисовать «с натуры», то есть глядя на изображаемый предмет. Тогда рисунок будет более правильным.

Сначала Мише казалось, что в Литве говорят так же, как и в Москве. Просто их собеседники оказывались русскими. Но вот постепенно, когда первое знакомство с Палангой уже состоялось, Миша понял, что здесь далеко не все русские. В столовой, на пляже, в парке он часто слышал, что некоторые люди говорят иначе.

Как-то днём он сидел в парке на скамейке, рисовал Эгле — королеву ужей и поджидал своих родителей, которые пошли за билетами в кино. К нему приблизился аккуратно одетый старичок и сказал:

— *Лáба диéна!* — Миша не понял. Но слова относились явно к нему. Он посмотрел на старичка и тоже сказал:

— *Лáба диена!*

— Добрый день, молодой человек, проговорил старичок по-русски. Могу я посидеть на этой скамейке?

— Да, — ответил Миша. — Зачем Вы спрашиваете?

— А может быть молодому человеку будет неприятно моё общество?

— Что Вы, что Вы?

— А могу я узнать, откуда приехал молодой человек?

— Из Москвы.

— Вот как! И где же Вы остановились?

— В кемпинге! А Вы литовец?

— Да, литовец. Я приехал сюда в гости к своей дочери.

— А как Вы сказали мне «добрый день»? Я не запомнил.

— *Лáба диена.* А добрый вечер — *лабас вакарас.* Ну а спокойной ночи — *лаба накт.*

— Ой, как легко, — обрадовался Миша и стал повторять новые слова.

В это время в аллее появились папа и мама. Они сначала удивились Мишиному знакомому, а потом спросили, не знает ли он местных легенд. Старичок ответил, что, конечно, знает и с удовольствием расскажет им про Эгле — королеву ужей.

Эгле — королева ужей

Давно-давно жили старик со старухой, и было у них двенадцать сыновей и три дочери. Младшую звали Эгле.

Вот раз пошли дочери купаться, искупались, стали одеваться, а к Эгле в одежду забрался уж. Старшая сестра хотела его прогнать палкой, но он обратился к младшей и сказал человеческим голосом: «Обещай, что выйдешь за меня замуж, и я сам уползу». Заплакала Эгле, говорит ему: «Уползай откуда приполз». А он своё твердит: «Не уползу, пока не дашь обещания». И пришлось ей пообещать.

Через три дня к ним во двор приползло множество ужей и стали требовать отдать им Эгле. Родители нарядили в платье белую гусыню и отдали ужам, но они обнаружили обман и вернулись. Тогда нарядили белую овечку, потом белую тёлку, но ужи каждый раз узнавали, что их обманывают. Они очень рассердились и пригрозили родителям Эгле засухой, потопом, голодом за то, что не держат своего слова. Пришлось отдать Эгле. Привезли её ужи на берег моря, а там их встретил красивый молодой человек Жильвинас и сказал, что он и есть тот самый уж, который заполз в рукав её рубашки.

Они поплыли на ближний остров и там спустились под землю и под воду, на самое морское дно, где был его дворец. Устроили пышную свадьбу, три недели пировали, пели, плясали.

Стали они жить-поживать во дворце. Всего у них было вволю. Прожили они так девять лет, и было у них три сына: Ажуолас, Уосис, Бержас и дочь Дрябуле.

Однажды старший сын стал допытываться у Эгле, где она жила раньше, где живут её родители. Вспомнила их Эгле и затосковала. Стала просить Ужа отпустить её домой. Уж не хотел, но, наконец, согласился, привёл на то место, откуда её на остров увез и сказал:

— Гости не дольше девяти дней, а на десятый возвращайся. Выходи на берег с детьми без провожатых и покличь меня:

*Если жив ты, муж мой верный,
Брызнут волны белой пеной,
Если умер — пеной красной.*

Он просил, чтобы ни она, ни дети не проговорились, как его вызывать.

Когда она пришла в родительский дом, все очень обрадовались и стали думать, как удержать её дома подольше, не пустить снова к Ужу. Решили они выведать тайну у детей: завели старшего сына в лес, спрашивали, но ничего от него не добились. Потом так же поступили со средним и младшим сыном, и, наконец, дошло дело до дочки. Завели её в лес, пригрозили розгами. Она сразу всё и рассказала.

Тогда двенадцать братьев пошли на берег моря с острыми косами, кликнули Ужа. Вскипело море белой пеной, и он выплыл на гребне волны. Напали на него двенадцать братьев и зарубили, а своей сестре Эгле ничего не сказали.

Прошло девять дней, попрощалась Эгле с родителями, братьями, сёстрами, пришла с детьми на берег моря, стала кликать Ужа, а море вскипело красной пеной. Поняла Эгле, что Уж погиб, и услышала его голос: «Двенадцать братьев твоих косами зарубили меня, а выдала меня любимая наша дочь».

Ужаснулась Эгле и, обернувшись к дочери, сказала: «Стань пугливым деревцем-осиной, век дрожи, не ведая покоя». А сыновьям своим верным сказала: «Станьте дубом, ясенем, берёзой!». Сама же стала елью. И политовски *эгле* значит ель, *ажуолас* — дуб, *юосис* — ясень, *бержас* — берёза, *дрябуле* — осина, *жильвинас* — уж.

Старичок водил Мишино семейство по парку, показывая одну скульптуру за другой. Они расстались добрыми

друзьями. Старичок сказал, что в конце недели в парке будет большой праздник. Вход свободный, только все должны быть очень нарядными и желательно иметь украшения из янтаря.

Наши москвичи решили обязательно прийти на праздник. А чтобы к нему как следует подготовиться, они на другой же день отправились в Музей янтаря. Экскурсовод рассказал, что янтарь — это народное богатство, а также гордость и символ Литвы. Давно-давно сосны на берегу Балтийского моря были ещё больше, а климат был более жарким. Смола стекала с сосен и попадала в воду. Пролежав в воде тысячи лет, смола стала похожей на камешки. С давних пор литовцы собирали такие камешки и изготавливали из них украшения. В музее было выставлено много бус, подвесок, брошей из янтаря. Лежали необыкновенно большие куски янтаря, а в последнем зале можно было рассмотреть под микроскопом козявок, мошек и прочих таракашек, которые приклеились к смоле тысячи лет назад и оказались внутри янтаря. При выходе продавались изделия из янтаря, и мама захотела купить янтарные бусы.

А потом в книжном магазине Мише купили книжку «Ель — королева ужей». Миша выучил её почти наизусть, но всегда, вспоминая старичка, думал, что значительно красивее звучало бы *Эгле* — королева ужей. Только в конце сказки следует объяснить, что *эгле* по-литовски значит ель, ёлка, и так же объяснить имена её детей.

Миша делал свои рисунки к этой сказке и думал, что ужи оказались честнее людей. Он вспоминал, что и у них в семье, бывало, мама скажет папе, что сама купила какую-нибудь вещь, а на самом деле принесла её от бабушки. Бабушка не слишком хорошо относилась к папе. Часто она что-нибудь рассказывает маме и предупреждает: «Только смотри Степану не говори». Потому они и живут отдельно.

Литовский народный праздник запомнился Мише на всю жизнь. Многие женщины были одеты в старинные литовские костюмы: длинные тёмно-красные или тёмно-синие юбки, светлые кофты особого покроя, на плечах — серебряные застёжки, украшенные янтарём, на головах — белые кокошники. У кого не было национальных костюмов были одеты в обычное городское, но очень нарядное платье. На всех женщинах — великолепные янтарные изделия: броши, кулоны, подвески, серьги, пряжки. Зрелище было ещё более впечатляющим, чем в музее. Это был живой музей, прогуливающийся по парку.

Потом выступал литовский фольклорный ансамбль. Нашим москвичам объяснили, что фольклорная группа ездит по деревням, записывает песни, которые там поются, изучает танцы, обряды. Ансамбль пел по-литовски. Миша и его родители не понимали слов. Поэтому вскоре ушли с концерта. А когда стемнело, до их слуха донеслась нежная музыка. На террасе Музея янтаря разместился симфонический оркестр. Тоненькими голосами пели скрипки. Им вторили виолончели.

— Моцарт, Гайдн — услышал Миша имена композиторов, живших очень давно и написавших эту музыку.

Дни летели за днями. Миша вполне освоился в Паланге. Особенно нравилось ему гулять по дюнам и смотреть, как их закрепляют. Вбивают в песок ровными рядами колья, соединяют наискось плетеными заборчиками. И вот, вместо неровной, бугристой массы легко движущегося песка получается ровная горка «в клеточку». Вскоре на «клеточках» начинают зеленеть молодые посадки.

Полюбились ему и вечерние прогулки на берегу моря, когда освещение всё время меняется. Кажется, что солнце зашло совсем, но вот оно снова находит просветы между туч, и последние лучи его неожиданно озаряют

сосны рыжеватым пламенем. Облака становятся ярко-розовыми, а море — нежно-голубым, перламутровым.

И ещё у него появилось занятие — поиски янтаря. Пока папа и мама загорали, он копался в песке, пытаясь обнаружить хоть маленький кусочек. Ему объяснили, что искать следует после бури, когда море хорошенько перемешает песок. И действительно, он нашёл несколько кусочков, разумеется, не таких больших и красивых, как в Музее. Но всё же было, что показать Пете, когда они вернутся.

Как известно, всему на свете приходит конец, а быстрее всего кончается отпуск. И вот папа уже проверяет машину, а мама укладывает вещи. Они едут в Москву. Папа снова ходит на работу, а Миша ждёт, когда вернётся Петя, и настанет первое сентября.

ПОЧЕМУ ТАК ГОВОРЯТ?

Петя с бабушкой вернулись за неделю до начала школьных занятий. Радостной была их встреча с Мишей.

Друзья вместе надевали, снимали и вновь надевали свои школьные куртки, менялись ими, пробовали, кому какая больше к лицу. Бабушка даже сказала: «Хватит, а то изомнёте, и первого сентября окажетесь в жёваных куртках». Это их немного охладило. Но почему в жёваных? Ведь они их только примеряли.

— Так говорят о мятых вещах, — ответила бабушка, — а ещё говорят: ровно их телёнок жевал. У него зубов-то нет. Порвать он не порвёт, а только всё изомнёт и обслюнявит.

— Пойдём к Александру Александровичу, — предложил Миша. — Надо ему рассказать, как там люди говорят.

И они пошли. Александр Александрович встретил их, как всегда, радушно, усадил на свой знаменитый диван, попросил рассказать о летних впечатлениях. И они принялись наперебой говорить о том, что мы уже знаем.

— Я даже по-литовски выучился, — сказал Миша: *юра* — море, *эгле* — ёлка, *лаба диена* — добрый день, *лабас вакарас* — добрый вечер, *лаба накт* — спокойной ночи, *мотерис* — женщина, *вирас* — мужчина.

Петя засмеялся:

— А у нас был дядя *Юра*, а *вирус* это такой микроб. — Александр Александрович весело подмигнул.

— Такие слова называются **омонимами**. А ну-ка, найдите и в русском языке такие омонимы.

— *Лук*, который едят, и *лук*, из которого стреляют, — сказал Петя

— *Коса*, которую заплетают, и песчаная *коса*, — сказал Миша.

— И которой косят траву, — добавил Александр Александрович.

— *Тузик* — маленькая лодка и *Тузик* — собачка, — сказал Петя.

— Ну а как по-особенному говорят на Волге? — спросил Александр Александрович.

— Вис, жим, сед, хват, кач, наскок, соскок, упор, дохват, переворот, перемах, оборот... — затараторил Петя.

— Стой, стой! Это ты что-то не в ту степь загнул.

— Ну как же, на Волге был спортивный лагерь все там так говорили.

— А кто были эти все?

— Спортсмены.

— А откуда они приехали туда?

— Из разных мест, я точно не знаю.

— А может быть там говорили ещё как-нибудь?

— Говорили: монумент, руины, архитектура, стела, скульптурная группа, колоннада, пилястры, купол, облицовка, ансамбль, изваяние, барельеф, горельеф, арка...

— Ну брат, ты прямо-таки перестарался! Выучил всю гимнастическую и архитектурную терминологию! А неужели никто вокруг тебя не говорил: *вОрОна, хОрОшО, пОшёл?*

— Так только дедушкина жена говорила, баба Маня. Она простая женщина, мало образованная...

— Ты-то уж, наверное, хорошее образование получил! — подмигнул Александр Александрович. — Ничего-то ты, дружок, не понял! В таких случаях говорят: «слона-то я и не приметил». У Крылова такая басня есть «Любопытный». В ней рассказывается об одном чудеке,

который ходил по зоологическому музею, рассматривал мельчайших букашек, а слона не заметил.

Спортсмены говорят на своём особом «языке», в котором все слова, казалось бы, русские, употребляются особым образом. Это **термины**. Один мой старый товарищ участвовал в разработке гимнастической терминологии, Борис Александрович Ларин, известный языковед.

А вот архитектурная терминология всё больше французская, латинская да итальянская. Например, *ансамбль* по-французски значит «вместе». Бывает музыкальный ансамбль, когда играют вместе несколько музыкантов, и архитектурный ансамбль — вместе несколько домов, фигур, сооружений.

Ба-рельеф и *го-рельеф* по-французски значит низкий рельеф и высокий рельеф. Барельеф это слегка выпуклое изображение, на горельефе есть и лепные фигуры. *Стела* — слово греческое. Оно означает каменный столб или плиту с надписью или рельефным изображением. Слово *скульптура* — латинское, первоначально оно обозначало всё, что высечено, вырезано. Позже им стали обозначать также любые лепные и даже отлитые из бронзы или других материалов фигуры.

Потом, обратившись к Пете, Александр Александрович спросил, откуда он узнал архитектурные термины, не ездил ли на Мамаев курган. Петя ответил, что ездил.

Александр Александрович сказал, что и он каждый раз, когда бывает на Волге, обязательно туда ходит отдать дань памяти погибших.

— А где Вы были во время войны? — спросили мальчики.

— В Москве. На фронт меня не взяли из-за зрения. Я исполнял тогда обязанности директора Института и даже жил в Институте. В мой дом попала бомба. Семья моя уехала в эвакуацию. Знаете, что это такое? Это ко-

гда не по своей воле человек едет, а в связи с войной или стихийным бедствием; едет, потому что так надо. Днём мы проводили занятия с корреспондентами фронтовых газет. Тогда много нового народа обратилось к журналистике. Надо было их хотя бы в малой степени подготовить, прежде чем отправлять в действующую армию. Вечерами и ночами мы дежурили на крышах, тушили пожары. Однажды на Институт упало несколько зажигательных бомб. Мы их сбросили на землю, а там уже другие товарищи забросали песком. Когда не было ночных тревог, я занимался своим словарём. К моим услугам была институтская библиотека, и я мог сколько угодно работать в ней. — Он достал с полки большой толстый «Словарь русского языка».

— Вот моё детище, — сказал он. — Словарной работой я заинтересовался значительно раньше. Перед войной вышел Толковый словарь русского языка, в четырёх томах. Его составлял коллектив авторов под руководством профессора Дмитрия Николаевича Ушакова. И я был одним из них. Словарь получился очень хороший, полный, но четырьмя томами сразу пользоваться неудобно, и мне захотелось составить словарь в одном томе.

— А почему Вы сказали, что словарь толковый? Разве бывают бестолковые?

— *Толковый*, потому что в нём даются толкования слов, объясняется, что это такое. Он указал на полку, где стояли в ряд четыре тома в тёмно-зелёных переплётках. — Вот словарь Ушакова. — Он достал один том, раскрыл его наугад и стал читать, как толкуются в нём слова.

— Ну а теперь о самом главном, чего ты не заметил, — продолжал Александр Александрович. — Правильно говорит твоя баба Маня. Раньше на Волге все так говорили, и на русском Севере тоже. И царь Иван

Грозный «на о» говорил. Удивительно не то, что и сейчас многие говорят «на о», а что «оканье» заменяется «аканьем».

И Александр Александрович рассказал нашим друзьям о том, что кроме русских есть и другие славянские народы: украинцы, белорусы, чехи, словаки, поляки, сербы, болгары, македонцы, хорваты. Из них акают только белорусы. Но возникновение русского (или как ещё говорят великорусского) аканья под влиянием белорусов невозможно. Русское аканье появилось в XVI—XVII веках в южных областях и стало постепенно распространяться к северу. Оно захватило и Москву. Поэтому нормой русского литературного произношения стало «аканье». Во многих деревнях к северу от Москвы, даже совсем недалеко, можно встретить окающее произношение. Ещё совсем недавно окало всё Поволжье. Теперь, с появлением радио, телевидения, звукового кино, московское акающее произношение распространяется по всей стране, особенно в городах. Но в деревнях ещё многие говорят так, как в старину. И это особенно ценно для языковедов. Они выезжают в экспедиции и слушают, как говорят люди старшего возраста, записывают их речь специальными значками в тетради, а также на магнитофон. Потом, вернувшись из экспедиции, пишут научные статьи и книги.

И ещё он сказал Пете, что нельзя с таким неуважением говорить о пожилых людях. Для науки, наоборот, ценно, когда встречаются мало образованные бабушки. Они говорят так, как говорили их родители, деды, прадеды. Это позволяет учёным заглянуть в прошлое нашего языка. Они специально разыскивают таких старушек, которые помнят рассказы своих предков, фольклор...

— Вспомнил! — закричал вдруг Миша. — *Фольклорный ансамбль!* А что это такое?

— *Фольклор* — это значит народная мудрость! Чем занимается ансамбль?

— Собирает народные песни, танцы, загадки...

— Да, дети мои, всё это народная культура, народная мудрость. И сказки тоже фольклор, и загадки. Кстати, Петя, ты осилил «Сказки братьев Гримм»?

— Осилил.

— И что же тебе там больше всего понравилось?

— Как один дядя на бегу зайца побрил.

— А как ты думаешь, на самом деле так бывает?

— Нет, не бывает. Так ведь это же сказка...

— Сказка-то сказка, да в каждой сказке доля правды.

Петя вдруг вспомнил, что его баба Маня иногда что-то бормотала. На его расспросы она ответила, что говорит: «Икота, икота, сойди на Федота, с Федота на Якова, с Якова — на всякого», и это ей помогало от икоты.

Александр Александрович объяснил, что это заговор, и заговор — тоже фольклор. Он рассказал, что в старину, когда ещё не было врачей, люди думали, что с помощью слов можно избавиться от болезней. Заговаривали от страха, от сглаза, от зубной боли. Заговоры по возможности держались в тайне и составляли профессиональный секрет отдельных людей.

А Петя добавил, что у бабы Мани был заговор от сглаза. Если кто-нибудь из соседей хвалил мальчиков или говорил, что всё очень хорошо, баба Маня начинала легонько постукивать пальцами по ближайшему деревянному предмету, приговаривая: «Сухо дерево да не пятится», а Серёжа переиначивал: «Сохни, дерево, завтра — пятница».

Александр Александрович пояснил, что такой заговор мог возникнуть только у людей, живших среди лесов и изготавливавших все свои вещи из дерева. Хорошие столяры по много лет выдерживают куски дерева для поделок, потому что вещь, изготовленная из сырого де-

рева, может покривиться и даже треснуть. Заговор как бы уподобляет человека древесине. В древности думали, что от преждевременной похвалы человек или дело, которое он начал, может испортиться, как портится изделие, изготовленное из непросохшего дерева.

— Вы, наверное, и сейчас наблюдали, как кто-нибудь стучит по деревянному столу, шкафу или двери, мечтая, что его желание сбудется или начатое дело благополучно закончится. Это — отголосок тех древних времён.

Они ещё долго разговаривали о многом интересном. Александр Александрович рассказал, что в древности Русь — так тогда именовалась Россия — называлась у соседних германских народов *Гардарики*, т.е. богатая городами. Князья жили в городах и строили города. Слово *город* связано с понятием *городить, огораживать*. Древний город не был похож на современный с его улицами, проездами, магазинами. Это было укреплённое место, где находился княжеский терем и жилища воинов. Позже люди, обслуживавшие войско (шорники, оружейники, сапожники, пекари), стали селиться вблизи городских стен, но снаружи, окружая таким образом город, а в случае опасности все прятались в городе.

Прибалтийские народы (литовцы, латыши) родственны славянам. Поэтому так похожи слова *день* и *диена*, *вечер* и *вакарас*, *люб*, *любезный* и *лабас*. В старину литовцев и славян различали недостаточно хорошо. Литовские князья, подобно русским, жили в городах, и многие из них говорили по-русски. Крестьяне жили в деревнях и говорили по-литовски или по-белорусски. Часть населения была двуязычной. На территории современной Литвы и Белоруссии сложилась своеобразная западно-русская культура. Город *Вильна* (не *Вильнюс*, как его сейчас называют по-литовски) был культурным центром белорусов, которых тогда звали *литвинами*. В Литву

бежали люди из Московского государства, если их обижали или преследовали, как, например, князь Курбский во времена Ивана Грозного. Первопечатник Иван Фёдоров, после того как его московскую типографию сожгли, тоже переселился в Литву, где открыл новую типографию. В Вильне печатались книги для всех славян.

ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Миша и Петя пошли в новую школу, которую только что построили. Они следили за тем, как продвигается строительство, волновались, успеют ли всё закончить к первому сентября. Оказалось — успели.

И вот наступило первое сентября. Нечего и говорить, с каким волнением прошёл предыдущий день. Нужно было всё собрать, проверить и перепроверить. Мальчики никак не могли с вечера заснуть. Им казалось, что они проспят, опоздают...

И вот, наконец, они выходят из дома в новеньких формах, с новенькими ранцами, с букетами цветов, в сопровождении родителей.

Вокруг невероятно много народа. Собрались даже те, кто не имел к школе никакого отношения, — посмотреть. На школьном крыльце небольшой стол. На нём микрофон и колокольчик. Вдоль здания стоят военные с блестящими трубами. Директор и завуч благодарят строителей. Те желают детям и учителям хорошего учебного года. Звучит музыка. Десятиклассница после небольшой взволнованной речи передает колокольчик первокласснице, та звонит. Учебный год начался.

Петя и Миша вместе с другими первоклассниками под музыку входят в школьное здание. Родители машут им вслед. Многие фотографируют.

Вот и класс. Все рассаживаются по местам, кладут букеты на стол учительницы. Начинается великое таинство — превращение вчерашних дошкольников в учеников.

Дети, как зачарованные, смотрят на Зою Васильевну. Молодая, стройная, подтянутая, на высоких каблучках, такая далёкая и в то же время близкая. Кажется, что в классе находится она одна. Дети полюбили её с первого мгновения, во всём хотят ей подражать, слушаются беспрекословно, хотя и не всё понимают.

Через несколько дней, когда они немножко привыкли быть школьниками, она сказала, что сейчас они начнут заниматься русским языком по новой программе.

Она спросила детей, как они думают, из чего состоят слова. Кто-то ответил:

— Из букв.

Другой возразил:

— Из звуков.

Петя и сам часто думал, из чего же «сделаны» слова. С тех пор, как он пытался сложить из кубиков слово «медведь», он понял, что не из букв они состоят. Слово *медведь* существовало до того, как его сложил Петя и до того, как его написал первый грамотей. И не из звуков сделаны слова: ведь слышится *мидьветь*. А название зверя происходит от мёда. Значит у этих слов есть общее начало. Таким же образом слова *постель* и *стелька* связаны чем-то общим. И то, и другое *стелется*. А *пирог*, наверное, происходит от слова *пир*, *пировать*. Но из чего же сделаны слова Петя так и не определил, а потому не смог ответить на вопрос Зои Васильевны.

Она сказала, что те, кто думает, что слова состоят из букв, правы лишь отчасти. Из букв состоит написанное слово. Из звуков состоит звучащее слово. А ведь у слова есть ещё и смысл, его мысленный образ. Когда мы о чём-то думаем, нам прежде всего в голову приходит смысл, который мы облакаем в слова. А когда думаем, как писать какое-нибудь слово, перед нами появляется его мысленный образ. Именно он подсказывает нам, что

писать следует не *нош*, а *нож*, не *немношко*, а *немножко*. И в этом мысленном представлении слова состоят не из звуков или букв, а из **фонем**. Ведь слово можно произнести и можно написать. Законы устной речи одни, письменной — другие, а слова остаются самими собой.

Зоя Васильевна научила детей простому стишку:

Звуки слышим мы ушами,
Буквы видим мы глазами.

Поэтому неверно говорить: «Он картавит *букву р*». Букву картавить нельзя. Картавят звук.

В устной речи фонемы меняют свой вид. Например, глазами мы видим: *из чего*, ушами слышим: [ищиво]. Но мы никогда не спутаем это слово ни со словом *ищи* (искать), ни со словами *и щи* (щей). Даже совсем одинаково звучащие фразы: *кашу и щи*, и *кашу ищи* мы не перепутаем, потому что знаем наш язык. У нас сложился звуковой образ слов. Мы изучаем их письменный, зрительный образ. Но все слова, кроме того, связаны со смыслом. И постигать эту связь нам помогают фонемы, хотя сами они смыслового значения не имеют. Нельзя, например, утверждать, что фонема [а] означает размер, величину, а фонема [р] — силу. Фонемы — это мельчайшие единицы, из которых состоят слова, это своеобразный «строительный материал», из которого строится весь язык: слова, предложения. Как из кирпичей можно построить и стену, и дом, и дворец, так из фонем строится любое высказывание. Таким образом фонемы помогают нам создавать слова и отличать их друг от друга.

Про фонемы нельзя сказать, что они невидимы или неслышимы. Когда мы произносим слова, мы слышим фонемы, когда пишем слова — мы изображаем фонемы. Но очень часто написание слова отличается от его произношения, потому что под влиянием звукового ок-

ружения произношение отдельных фонем меняется. Это не искажение, не неправильность, а закономерность нашего языка. Даже в древнем летописном тексте встречается написание *ищернигова*, т.е. из Чернигова, поскольку [з] и [ч], при слитном произношении превращаются в долгое мягкое [ш] (на письме — *щ*).

Разумеется, всё это Зоя Васильевна рассказала им не сразу. Урок за уроком, они осваивали премудрости своего языка. Зоя Васильевна пояснила, что фонемы бывают **гласные** и **согласные**. При произнесении гласных воздух свободно проходит у нас через рот: *а, о, у, э, и*. При произнесении согласных выдыхаемый воздух встречает на своём пути какую-нибудь преграду. Это может быть губная преграда, когда мы произносим *п, б, м, ф, в*, зубная преграда — *т, д, с, з, л*, передненёбная — *н, р, ж, ш, ч, щ*, задненёбная — *г, к, х*, средненёбная, она же среднеязычная: *й*.

Однажды Зоя Васильевна попросила детей достать коробочки, в которых лежали заготовленные по её просьбе красные и розовые треугольнички и синие квадратики. У ней тоже были такие, только большие. Зоя Васильевна объяснила, что синими квадратиками они будут обозначать гласные фонемы. Потом она произнесла слово из одних гласных: *ау* и предложила ученикам изобразить его с помощью квадратиков.

Одного мальчика она вызвала к доске, и тот на специально приделанной линейке поместил два синих квадрата. Остальные положили подряд два синих квадратика на своих партах. Зоя Васильевна ходила по рядам и смотрела, правильно ли они раскладывают.

Петя сначала не понимал, зачем для согласных приготовлены треугольнички двух цветов, красные и розовые. Наконец, настало время и в этом разобраться. Они уже знали, что согласные, хотя иногда их можно произнести отдельно и даже тянуть, как например, *с....* или *м...*,

сами по себе слога не образуют. Потому они и называются **со-гласными**, что существуют вместе, совместно с гласными.

— А теперь послушайте, как я произношу, — сказала Зоя Васильевна: *мыл — мил, мал — мял, мол — мёл*. Что звучит в начале каждого слова?

— *М...*

— Правильно, *м*, но какое *м*? Какая разница между словами *мыл* и *мил*? *мал* и *мял*? *мол* и *мёл*?

— Там другие гласные.

— Ничего подобного! Давайте тянуть эти слова.

— *Мяаал, мыиил, мёоол...*

— Вот и оказывается, что гласные там одни и те же: *а, и, о*, а имеется какая-то разница в согласных. В словах *мил, мёл, мял* первая согласная фонема мягкая, а в словах *мыл, мол, мал* — твёрдая. А какая фонема *л* в словах *мал* и *мял*?

— Твёрдая.

— Правильно.

— А если мы скажем *мел* и *мель*, в чем разница между этими словами?

— В слове *мел* твёрдое *л*, а *мель* — мягкое.

— А в словах *мил* и *милль* (например, *десять милль*, это такая мера длины)?

— У них всё одинаково, только конечная фонема *л* в слове *мил* — твёрдая, а в слове *милль* — мягкая.

Потом в течение многих уроков они упражнялись: выкладывали из синих квадратов и красных и розовых треугольников слова, которые им диктовала Зоя Васильевна. Для твёрдых согласных треугольники были красные, для мягких — розовые.

— В этом основная особенность русского языка, — много раз повторяла она. — У нас только пять гласных: *а, о, у, э, и*, а согласных много, и они делятся на твёрдые и мягкие. У нас 20 пар согласных, которые отлича-

ются по твёрдости и мягкости. После твёрдых согласных мы пишем *а, о, у*, после мягких — *я, ё, ю*. Когда вы хорошо это усвоите, вы будете правильно писать. Для гласных *и, е* и их «твёрдых» вариантов *ы, э*, есть ряд исключений, которые мы узнаем позже.

ГИПЕРБОЛА

Александр Александрович вернулся из своего путешествия в октябре. К дому подъехало такси. Они с Марией Александровной вышли из машины, выгрузили чемоданы, портфель, пишущую машинку, сумку. Миша и Петя как раз возвращались в это время из школы. Они радостно приветствовали своего старшего друга, изъявив готовность помочь ему с вещами. Проводив его до квартиры, они ушли к себе, пообещав Александру Александровичу, что в самое ближайшее время зайдут к нему и расскажут о своих школьных успехах.

И вот они сидят на кожаном диване, который уже давно перестал их пугать, а Александр Александрович — как всегда напротив них в кресле, возле стола.

Они наперебой рассказывают о том, что учатся по новой программе и что теперь вся ответственность за успеваемость ложится на них, потому что никто не может им помочь: ни мама, ни папа не имеют ни малейшего представления о том, что они проходят, и если кто-нибудь что-то прослушал, то всё пропало потому что «Нынче в школе первый класс вроде института»...

— Да ведь это гипербола, — останавливает их Александр Александрович, — гипербола! Насчёт ответственности — правильно, а никто не сможет помочь или никто ничего не понимает — это какое-то недоразумение. Ведь ваши родители с высшим образованием. Да потом и книги, и энциклопедии на свете существуют, а там уже давно написано всё то, чему вас обучают. Ведь не вчера же науки придумали.

— А что такое *гипербола*?

— Гипербола — слово греческое. *Гипер* значит высоко, *бола*, *боле* — бросил, закинул. Ну а по-русски говорят: «Эк далеко ты хватил»; или: «Это ты через край хватил» или «Ну, это ты загнул!» И что же, это вы сами придумали, что в институте учитесь?

— Нет, это песенка такая:

«Нам учитель задаёт
С иксами задачу
Кандидат наук и тот
Над задачей плачет».

— Значит, плохой кандидат. Я таких у себя не держу. А вы что же, так хорошо в иксах разбираетесь?

Миша и Петя съёжились, замялись. Диван опять показался им жёстким и неудобным.

— Вредная, очень вредная песенка... Если вы хотите немножко развлечь своих родителей, вы, конечно, можете им спеть. Но ни в коем случае не вздумайте сами поверить в эту чушь. Что значит новая программа? Учились же люди раньше и были образованными. Менделеев, Филатов, Зинин, Фортунатов, Ушаков, Лебедев, Павлов... Можно по любой программе учиться и остаться невеждой. А эти люди двигали науку дальше, овладевали её высотами.

Есть такая поговорка: «Чемодан адмирала Нельсона весь мир объехал, а так чемоданом и остался». Это, конечно, в переносном смысле. Применительно к человеку это значит: какие условия для учения некоторым ни создавай, они всё равно останутся неучами. В учении, как и в любом деле, чтобы чем-нибудь овладеть, надо всё делать самому. Даже самый хороший учитель не может научить того, кто не хочет учиться. Учитель показывает, направляет вашу мысль, а думать каждый должен сам.

Вот в Историческом музее, например, долгое время работала Мария Ивановна, образованнейшая женщина.

В её родной деревне не было школы, и она каждый день ходила пешком в соседнее село шесть километров туда и шесть обратно. Так велика была тяга к знаниям.

В Московском университете в течение многих лет преподавала Евдокия Михайловна, профессор. А она лишь в девять лет начала учиться. Детство она провела в глуши. Мой дед там иногда охотился и знал её деда. Однажды тот говорит: «Внучка у меня, Дуня, больно смышлёна». Мой дед загадал ей старинную русскую загадку: Летел гусь. Навстречу ему — стая гусей. «Сколько вас? — спросил гусь. Вожак стаи ответил: «Если бы нас было столько, да ещё столько, да полстолько, да четверть столько, да и ты бы, гусь, был с нами, то было бы нас ровно сто».

Дуня сказала: «Орехи надО» (она говорила «на о»). Разложила их по кучкам — и в миг решила задачу, без всяких иксов. А вы можете? Мой дед посодействовал, чтобы её подготовили в гимназию — так до революции называлась средняя школа.

Ну а про Ломоносова и говорить нечего. В девятнадцать лет, вместе с рыбным обозом, пешком пришёл в Москву, чтобы учиться. Он организовал первый русский университет, и сам был целым университетом. Ведь он занимался и физикой, и химией, и металлургией, и минералогией, и мозаичным искусством, и стихосложением. Ломоносов первый почувствовал, что для того, чтобы хорошо излагать по-русски основы наук, необходима серьёзная работа над русским языком, и создал свою «Российскую грамматику».

У меня сложилось впечатление, что в связи с новой школьной программой вас просто балуют. К вашим услугам и компьютеры, и магнитофоны, и дорогие приборы. Вас окружают родители, бабушки, дедушки. Все только и ждут, чтобы вы начали заниматься, и этим лишают вас самостоятельности.

Вокруг новых программ ведётся слишком много разговоров. Но ведь науки заново не переделали. Просто те же знания излагаются в иной последовательности. Дважды два осталось четыре. И от того, что мы сначала учили арифметику, а потом — алгебру, а вы — наоборот, сами науки не изменились. Ваши мамы, папы, бабушки прекрасно вам смогут во всём помочь, потому что знают неизмеримо больше вас. По-вашему выходит, что если кто-то заболел и пропустил, он уже пропащий человек, потому что никто не сможет ему помочь. Тогда что с ним делать?

— Ему товарищи расскажут.

— А если товарищи что-то неправильно поняли? Нет, к зазнайству ведёт всё то, что вы мне рассказали. А что вы проходите по русскому языку? — спросил он после некоторого молчания.

— Фонему.

— И вы думаете, что про фонему никто ничего не знает?

— Конечно...

Александр Александрович рассмеялся.

— Да ведь все ваши учителя у меня учились. А учение о фонемах разрабатывал я со своими друзьями. Он достал с полки книгу, на которой было большими буквами написано «Фонема». Я рад, что наша теория дошла, наконец, до школы. Но очень вы меня расстроили тем, что из этой теории делаете какую-то непостижимую тайну. Любая программа должна воспитывать в детях уважение к старшим, а не внушать превосходство маленького над большим. А то через год-другой вы своих родителей предками назовёте, потом скажете, что предки устарели, того гляди из дома их выгоните, хотя сами будете продолжать есть их хлеб и буквально сидеть у них на шее.

Александр Александрович говорил мягким, ровным голосом, но внутренне был очень взволнован.

— А кто ваша учительница! — спросил, наконец, Александр Александрович.

— Зоя Васильевна...

— Так ведь это лучшая моя ученица... поговорю с ней, обязательно поговорю...

— А что, *сидеть на шее* — тоже гипербола? — неожиданно изменил тему разговора Петя.

— Нет, — ответил Александр Александрович. — Это **метафора**. Слово, между прочим, тоже греческое. Означает перенос по сходству. Например, когда человек не работает, не зарабатывает, а пьёт-ест в своё удовольствие, говорят: *он сидит на шее* у того, за чей счёт существует.

— Так значит и мы сидим на шее у своих родителей? — удивился Миша.

— Нет. О детях так не говорят. Во всяком случае о маленьких детях, которые хорошо учатся. Родители верят, что дети подрастут, начнут работать и будут им помогать. Это называется взаимная поддержка в семье. А вот когда дети, уже большие, не хотят ни учиться, ни работать, тогда говорят, что они сидят на шее у своих родителей. Это очень тяжело для всех, а особенно для родителей. И тяжесть их переживаний как бы сравнивается с той физической тяжестью, которую испытывает человек, если к нему на шею, действительно, усядется другой.

— А *съел тарелку* — тоже гипербола? — спросил Миша, — Ведь тарелки не едят.

— Нет, это **метонимия**. *Съел две тарелки супу* — съел не сами тарелки, а их содержимое. *Три стакана выпил* — тоже не сами стаканы пил, а то, что в них налито. Это перенос по смежности. Метонимия тоже слово греческое. Значит «изменение имени», ведь вы употребляете одно название вместо другого. А теперь подумайте хорошенько и сами приведите мне примеры метафоры, метонимии, гиперболы.

- Весь город спит...
- Правильно, метонимия. Спит не сам город, а его жители.
- *Пробка* в бутылке и *пробка* на шоссе...
- Метафора, по сходству.
- *Гóры сверну*...
- Гипербола.
- *Вино лилось рекой*...
- Тоже гипербола.

И Александр Александрович рассказал им старый-престарый анекдот, который слышал ещё в молодости. Одного студента на экзамене спросили: «Сколько в день съедает слон?» Он ответил: «Сто пудов». Профессор возразил: «Да ведь это гипербола!» — Студент переправился: «Да, да, это гипербола столько съедает, а слон ест ещё больше!».

— А вот у Мишиной бабушки какая-то *гипертония*, — вдруг вспомнил Петя. — Это тоже вроде гиперболы?

— Ты прав, — оживился Александр Александрович. *Гипер* — тот же греческий элемент «высоко». *Тония* — от *тонос* — «напряжение». А всё вместе значит повышенное кровяное давление. А пониженное — *гипотония*, от греческого *гипо* «низко, внизу».

— А *гиппотам* тоже отсюда? — не выдержал Миша.

— Нет, не забывайте, что в слове *гиппотам* пишется два *п*. *Гиппос*, или *иппос* по-гречески «лошадь». *Гиппотам* значит «речная лошадь». Так греки в древности называли бегемотов за то, что те фыркают, подобно лошадям, когда купаются. Как видите, в основе этого названия лежит метафора по сходству. А теперь подумайте, что значит *ипподром*.

- *Иппос* — «лошадь», — начал Петя.
- Правильно, а *дромос* значит «бег».

— Лошадиный бег! — радостно воскликнули оба мальчика.

— Элемент *дром* вы, наверняка, встречали и в других словах.

— *Аэродром!*

— *Танкодром!*

— *Космодром!*

— Вот видите, теперь и эти слова стали вам понятны. А *гипо* и *гиппо* это своеобразные **омонимы**. Они звучат для русского уха одинаково, хотя пишутся по-разному. Это особые научные слова, поэтому важно их правильно писать. Когда вы будете немножко старше, вы узнаете, что в зелёных листьях содержится *хлорофилл*, два *л*, от греческого *хлорос* — «зелёный» и *филлон* — «лист». А кто любит книги зовётся *библиофил*, одно *л*, от греческого *библион* — «книга» и *филео* — «любить». Так же одно *л* в словах *философ* — «любитель мудрости» и *филолог* — «любитель слова».

— А мы тоже филологи? — спросил Петя.

— Да. А знаете ли вы, что такое **слово**?

— Конечно! — оживились мальчики. — Это всё, что мы говорим.

— Не только, — возразил Александр Александрович. — В греческом языке есть два слова для одного нашего *слово*: *лексис* и *логос*. Первое звучит в нашем слове лексика. Это, действительно, сами слова и выражения, которые мы произносим. *Логос* греки относили к глубинному содержанию слов, их связи с понятиями. В русском языке мы его находим в названиях наук и их разделов: *геология* наука о земле, *стоматология* — наука, изучающая то, что входит в череп человека. В наши дни — преимущественно зубы. То же греческое слово *логос* входит в название науки *логики*, изучающей процессы мышления, и в словах *логичный*, *логично*. Можно сказать: *Он мыслит нелогично*, если в его словах сунбур и неразбериха.

Александр Александрович продолжал, подмигнув мальчикам:

— А если скажут, что *слово* предоставляется Мише или Пете, разве это значит, что кто-то из вас произнесёт одно слово? Это значит, что Миша или Петя выступит перед всем классом или даже школой.

Когда вы будете постарше, вы будете изучать «Слово о полку Игореве» — это целая повесть о походе князя Игоря на половцев. Вот, как многозначно наше слово *слово*.

Есть рассказ о мальчике, которого заинтересовала книга его старшего товарища, и он попросил дать ему эту книгу хотя бы до вечера. Он дал честное слово, что книгу вернёт. К вечеру разразилась гроза. Мать отговаривала его идти. Но он всё-таки пошёл и, мокрый, в темноте, принёс книгу: ведь он *дал слово*, значит обещал.

Мальчики задумались, пытаюсь определить, какое же *слово* любит филолог. Затем Миша спросил, не считает ли Александр Александрович, что теперь детей загружают больше, чем в былые времена.

— Нет, ответил Александр Александрович. — Я в ваши годы занимался музыкой, даже играл в домашнем детском оркестре, на барабане. Мы исполняли «Детскую симфонию» Гайдна. Играл в домашних спектаклях. Когда был чуть старше — играл в футбол...

— А разве тогда футбол уже был?

— Был. Я как раз играл в одной из первых команд. Футбол пришёл к нам из Англии, поэтому терминология футбола почти вся английская. Само слово *футбол* в переводе значит «ножной мяч», *пенальти* — «наказание», *гол* — «цель», *корнер* — «угол», *офсайд* — «в стороне» и так далее.

— А почему мы не говорим всё это по-русски?

— Пробовали, в пятидесятые годы говорили: *угловой удар*, *состязание* вместо *матч*, *вне игры*, но не всё

оказалось удачным. Игра ведь международная, значит и терминология должна быть единой, международной.

Потом мне купили велосипед, и у нас с ребятами была забава: ездить на велосипеде по кругу «без рук» и одновременно играть на гитаре, кто дольше сможет.

И всё это помимо школы. Я много читал, интересовался географией. Путешествовал по картам и атласам. Лет с четырнадцати занялся теннисом. Играю по сей день. — И он указал на ракетку, лежащую на подоконнике. — Марками интересовался — ведь это тоже география. Дочь моя, Мария Александровна, помимо обычной школы, училась в музыкальной, а по воскресеньям ходила рисовать, в студию. Теперь она искусствовед, всесторонне образованный человек.

— А Вы тоже на рояле играете?

— Иногда. Когда бывает настроение. Так что не воображайте, что вас уж больно загружают. На всё можно найти время, если не тратить его зря.

Петя не выдержал и спросил, не тратит ли Александр Александрович время зря, когда беседует с ними.

— Я так не думаю, — ответил Александр Александрович. — Я прежде всего педагог, и полагаю, что наши совместные беседы идут вам хоть капельку на пользу.

СЛОВАРЬ

Во втором классе Зоя Васильевна как-то спросила у своих учеников, все ли слова они знают. Они ответили, что, конечно, все. Тогда она произнесла: *эксцесс, тригонометрия, синдром, бронтозавр*, и оказалось, что они этих слов не знают. Один ученик заметил, что все слова какие-то «ненаши». Зоя Васильевна перечислила несколько «наших» слов: *вёкша, сохáтый, лузán, балá кирь, осóкорь*. Оказались незнакомыми и они.

Зоя Васильевна объяснила, что слова бывают разные. Могут быть слова, русские по происхождению, но областные. Они не вошли в состав литературного языка, но их хорошо знают жители отдельных мест. Например, *вёкша* в восточных районах нашей страны значит «белка», *сохáтый* — «лось».

Много в нашем языке и заимствованных слов, пришедших из других языков. Нередко они бывают настолько обрусевшими, что трудно даже предположить, что они иноязычные. Например, *керосин, сахар, тетрадь* заимствованы из греческого языка; *колпак, башмак, барабан* — из тюркских языков (татарского, турецкого). В них часто бывают одинаковые гласные. Слова, относящиеся к музыке, заимствованы из итальянского языка (*аллэгро, андáнте*), слова, обозначающие предметы роскоши (*брошь, кольé*) — из французского. Французский язык дал нам также множество слов, относящихся к одежде, моде, парфюмерии, галантерее (*пальтó, мантó, одеколóн*) и почти всю терминологию балета. Названия машин, механизмов пришли к

нам из немецкого и английского языков, медицинские термины — из латинского и греческого.

Многие наши имена заимствованы из греческого языка. Они связаны по своему происхождению с греческими словами и с некоторыми образами, которые эти слова символизируют. Например, имя *Пётр* связано с греческим словом *петрос* — «камень» и с идеей твёрдости, нерушимости, имя *Ирина* — со словом *ирини* — «мир» и с идеей мира, *Алексей* — со словом *алексо* «помогать, охранять, защищать» и с идеей помощи во всех случаях жизни. Но, как видите, наши имена так глубоко вросли в наш язык, что без специального изучения мы едва ли догадаемся, что они иноязычны по происхождению.

— Вот сколько на свете разных языков, — продолжала Зоя Васильевна, но это ещё далеко не все языки. Знает кто-нибудь, какие ещё бывают языки?

— Литовский.

— Польский.

— Украинский.

— Белорусский.

— Болгарский,

— Правильно. А вот английский язык вы и сами начинаете учить.

На следующем уроке Зоя Васильевна сказала, что теперь они уже большие и должны знать больше о своём родном языке. Самые лучшие, самые подробные знания может дать словарь. Словарей на свете очень много, и постепенно они познакомятся, если не со всеми, то со многими. Но пока они будут работать лишь с одним словарём. И она достала словарь, составленный Александром Александровичем. Она рассказала, какой замечательный человек Александр Александрович и добавила, что сама у него училась.

Петя и Миша ёрзали, как на иголках.

— Сказать?

— Не сказать?

Наконец, Зоя Васильевна не выдержала и спросила:

— Кузнецов, чего вы там не поделили с Гвоздевым?

Петя покраснел, встал и робко сказал:

— А Александр Александрович живёт в нашем доме...

— И вы с ним знакомы? — спросила Зоя Васильевна.

— Да.

Весь класс зашумел. Одни выражали удивление, другие — восхищение, третьи — недоумение...

— Ну что же, — восстановила тишину Зоя Васильевна. — Если это так, вы должны очень хорошо учиться. На следующем уроке на каждой парте будет лежать по такому словарю. Посмотрим, как вы справитесь с работой.

И действительно, на следующем уроке они сами отыскивали в словаре слова, которые называла Зоя Васильевна, и по очереди вслух читали их толкование. Чтобы им было легче справляться с работой, Зоя Васильевна написала на доске русский алфавит. Она объяснила, что в словарях соблюдается строгий алфавитный порядок не только первых букв каждого слова, но и последующих. Чтобы быстро находить нужное слово, необходимо твёрдо выучить, какая буква идёт после какой. Несколько уроков они работали со словарями, и оказалось, что они не знают ещё многих и многих слов своего родного языка.

Зоя Васильевна объяснила, что из всего множества словарей, какие бывают на свете, им в первую очередь понадобятся несколько: орфографический — по нему они будут смотреть, как правильно писать то или иное слово; словарь иностранных слов — из него они узнают, что значат незнакомые слова и откуда они к нам пришли. Она попросила тех, у кого дома пока что нет этих словарей, при случае их купить, потому что они нужны человеку всю жизнь.

Кроме того, существуют энциклопедические словари, или энциклопедии, большие и малые, в которых объясняются не только и не столько сами слова, сколько те вещи, которые этими словами названы. Бывают энциклопедические однотомники, в которых написано не обо всём, но о многом. Наконец, есть отраслевые энциклопедии, например, по химии, по космическим исследованиям. Есть даже энциклопедия «Русский язык», однотомник, целиком посвящённый нашему языку.

Зоя Васильевна объяснила, что энциклопедии занимают много места и стоят дорого. Поэтому, возможно, не каждый в состоянии их купить.

— Но, если вы будете в гостях, — добавила она, — и увидите там энциклопедию, обязательно познакомьтесь с этой умной книгой.

ИКС

Учительницу английского языка звали Светлана Александровна. Небольшого роста, с пучком пышных рыжеватых волос, в аккуратной вязаной кофточке, она как будто пришла из другого мира, с которым хотела познакомить и детей. Показывая им, что иностранный язык — это совсем не то, что свой родной, она знакомила их и с иной культурой.

Несмотря на то, что есть слова, заимствованные из английского языка в русский, это не сближает языки. Бывает и так, что слово заимствуется немножко не в том значении, в котором оно употребляется в своем языке. Например, русское слово *спутник* обозначает прежде всего человека, идущего или едущего вместе с кем-то. Спутником своей жизни муж может назвать жену, а жена — мужа. И лишь в одном из своих значений, специальном, это слово обозначает спутник небесного тела: Луна — спутник Земли. Когда в нашей стране был произведён запуск первого искусственного спутника Земли, слово *спутник* было заимствовано из русского в английский только в одном этом значении. И, наоборот, в английском языке слово *комбайн* значит «соединять, сочетать». В русский язык это слово было заимствовано лишь в одном значении — как название сельскохозяйственной машины, которая сама жнёт и обмолачивает хлеб. Позже, с развитием техники, у нас появились и другие машины, выполняющие несколько операций, которые тоже стали называть комбайнами: свеклоуборочный комбайн, хлопкоуборочный комбайн, угледобываю-

щий комбайн. Сейчас существует даже кухонный комбайн для домашних хозяек — набор мясорубок, соковыжималок и т. п.

Когда Александр Александрович вернулся из своего очередного путешествия по Волге, мальчики едва сдерживали своё нетерпение поскорее к нему прийти и всё ему рассказать. Но приехал он не один, а... с собакой. Это осложняло дело. Помог случай. Возвращаясь однажды из школы, они встретили Александра Александровича, гулявшего с собакой. Они поздоровались.

— А.., мои юные друзья! — ласково отозвался он. — Что же вы не заходите?

— Да неудобно... У Вас собака...

— Вы что, боитесь её что ли? Или я изменился из-за собаки?

— Не боимся....

— Ну так пошли. Только занесите домой ранцы и скажите, что вы у меня. Я дверь запирать не буду.

И вот они опять в такой знакомой, почти родной комнате. Собака двинулась было в их сторону, но Александр Александрович скомандовал:

— Икс! На место! Свои!

И собака улеглась под роялем, а они стали спокойно беседовать. Александр Александрович рассказал, что в этом году он не только ездил на пароходе, но и охотился на Верхней Волге.

— Это собака не моя, — добавил он. — Я охотился с приятелем. Это его собака. Он скоро её заберёт.

— А почему её так смешно зовут? *Икс* — это же математика! — Икс пошевелил ухом.

— Дело было так: когда купили эту собаку, ещё щенком, надо было придумать ей имя, обязательно на букву *И*. Так принято в собаководстве. В специальных клубах ведётся учёт собак по поколениям. Все щенки, родившиеся в одно время у одной матери, имеют клички, на-

чинающиеся на одну и ту же букву, например, у него сестры: *Ирида*, *Иволга*, брат *Ирис*.

Пошёл мой приятель щенка регистрировать, а у него спрашивают, какую кличку он придумал. Он отвечает: «Пока ещё не придумал». Ему говорят: «Ну не *икс* же писать». А он: «Очень хорошо, пишите: *Икс!*». Так собака и стала *Иксом*. Икс зашевелился.

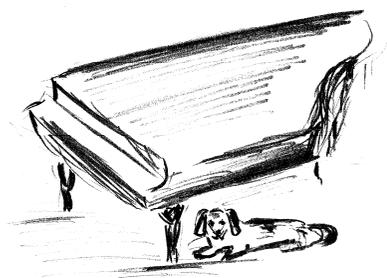
— Лежи, лежи, — сказал Александр Александрович.

— А можно его погладить?

— Можно. Икс, пойдись сюда!

Икс вылез из-под рояля, приблизился к Александру Александровичу. Подошли и мальчики и стали ласкать собаку. Они поинтересовались, какой он породы и что

умеет делать. Александр Александрович рассказал, что это пойнтер. У него очень тонкий нюх. Когда он чует добычу, он делает стойку.

Икс! На место!

— А как это собака на стойку становится? — поинтересовался Петя. — Как человек? — Он вспомнил спортивный лагерь и гимнастов.

— Нет, — ответил Александр Александрович. Это омонимы. Когда собака делает стойку, она как бы замирает на ходу, все мышцы напряжены. В гимнастике, в военном деле может быть *стойка смирно*, это не вверх, а вниз ногами, — ещё одно значение слова *стойка*. Кроме того, *стойкой* в строительстве называют вертикальный брус. В буфете прилавков называют *стойкой*. *Стойкой* называют и небольшой стоячий воротничок. Вот сколько значений у одного простого русского слова.

— Откуда Вы всё это знаете? — восхищались мальчики.

— Работа, друзья, книги...

Мальчики сообщили ему, что учатся по его словарю и начали заниматься английским языком.

Александр Александрович спросил, знают ли они, кто такой Гёте. Они не знали. Он объяснил, что это великий немецкий писатель, автор таких вещей, как «Фауст», «Страдания молодого Вертера», «Лесной царь» и многих других. Так вот, Йоханн Вольфганг Гёте написал в записную книжку своему племяннику: «Кто чужих языков не знает, не имеет ни малейшего представления о своём собственном».

Действительно, знакомство даже с одним иностранным языком показывает, какими качествами обладает, а какими не располагает наш родной язык. Например, если бы вы не начали учить английский, вы никогда не узнали бы, что в русском языке нет дифтонгов, нет артиклей. Английские звуки [ай] или [ой] — это совсем не то, что русские *ай* и *ой*. В английском это особые фонемы, а в русском — сочетания фонем [а] и [о] с «йотом».

Вы никогда бы не задумались о распределении русских слов по родам, если бы не узнали, что в английском это деление осуществляется иначе. Что такое грамматический род? Это своеобразный согласовательный класс. В каждом языке эти классы организованы по-своему. Так, в русском языке мужской, женский и средний роды — остаток более древнего языкового состояния, в английском же — явление относительно новое. Слова, называющие одушевлённые предметы, распределяются между мужским и женским родом на основе естественного деления: мужчина, мальчик, юноша — мужского рода; женщина, девочка, девушка — женского, а слова, называющие неодушевлённые предметы, относятся к среднему роду. Некоторые специалисты по-

лагают, что в шведском языке — четыре рода. Помимо названных трёх, есть ещё «реальный» род, к которому относится, например, книга. В тюркских языках совсем нет родов. А в некоторых африканских языках слова делятся на классы, обозначающие предметы лежащие и стоячие, длинные и круглые. В некоторых кавказских языках классы выделяются по принципу активный — пассивный, разумный — неразумный. Так что организация слов по родам в русском языке не единственная, но, очевидно, и не самая трудная. Ведь вы с самого младенчества понимаете, как надо склонять и что с чем согласовывать.

ИГРЕК

Успешно окончив второй класс, наши друзья поехали в лагерь. Когда они зашли попрощаться к Александру Александровичу, они нашли его очень грустным. Он объяснил, что ему было и печально, и досадно, поскольку накануне он экзаменовал двух аспирантов. Аспирант — это такой особый студент, который продолжает учиться после окончания института или университета. Когда он хорошо всему выучится, он будет защищать диссертацию и станет кандидатом наук.

— Так вот, экзаменовал я по русскому языку двух аспирантов, одного русского, а другого — негра из Африки. И что же вы думаете? Негру я поставил пятёрку, а русскому — тройку! Стыд и позор! Мне не жалко пятёрки для негра. Он много работал. Он окончил Воронежский университет. Там хорошо готовят иностранных студентов. Но русский, для которого этот язык родной! Так путался в фонемах! Вот вы теперь с первого класса про фонемы всё знаете!

— А моя бабушка говорит, — вдруг сказал Миша, — раньше никакие фонемы не учили, а писали грамотно.

— А сколько при этом зубрили твоя бабушка тебе не рассказывала?

Александр Александрович достал с полки небольшую старинную книжцу в кожаном переплёте. Её жёсткие плотные страницы от времени пожелтели. Мальчикам сначала показалось, что буквы в книге были чужие. Александр Александрович объяснил, что это славянские буквы. Они совсем такие же, как наши, только у них чу-

точку не такие «фигуры». Он перевернул несколько страниц и показал заглавие: «Склады». Там были сочетания *ба, ва, га, да.., бе, ве, ге, де* и так далее.

— Вот, — сказал Александр Александрович — как раньше учили читать и писать: по складам. И одни только эти склады учили чуть ли ни целый год. Так и повторяли: «буки» — «аз» — *ба*, «веди» — «аз» — *ва*, «глаголь» — «аз» — *га*. «Аз», «буки», «веди» — так в старину назывались буквы *а, б, в*. Не догадываетесь, откуда происходит слово *азбука*?

— Из аз и буки?

— Правильно. А слово *алфавит*? — Из названия тех же букв по-гречески: *альфа* и *вита*.

Только вот мягкий знак в этом слове не пишется, и произносится твёрдое *л*: не альфавит, а алфавит.

Александр Александрович сказал, что наш алфавит в IX в. составили братья Кирилл и Мефодий. Поэтому нашу азбуку называют также *кириллицей*. Братьев Кирилла и Мефодия очень почитают в Болгарии как славянских просветителей. Их имя носит университет и библиотека. Ежегодно в Болгарии празднуется День Знания и день их памяти. Александр Александрович достал с полки свежий номер болгарского журнала и показал портреты Кирилла и Мефодия.

Он рассказал мальчикам, что грузинский и армянский алфавиты (ещё раньше славянского) составил просветитель Месроп Маштоц, память которого высоко чтится в Грузии и Армении.

Мальчики сообщили Александру Александровичу, что едут в подмосковный лагерь. Он одобрил их поездку, а напоследок сказал:

— Сейчас самое лучшее время. Птички поют. Послушайте соловья и попытайтесь записать, как он поёт.

— А как записывать?

Кирилл и Мефодий

— Буквами, словами. Он будет выводить свою трель, а вы подумайте, можно ли записать это буквами, и если можно, то как.

В лагере мальчикам не повезло с погодой. Было холодное дождливое лето. Некоторые родители забирали своих детей и отправляли на юг. Хотели так поступить и Мишины родители. Но Миша наотрез отказался. Несмотря на дождливую погоду, ему было очень интересно. В лагере работали кружки. Мишу увлѣк кружок

«Умелые руки», а Петю — «Юный филолог». И так как мальчики были очень дружны, они с удовольствием посещали оба кружка.

Руководительница кружка «Умелые руки», Анна Владимировна, женщина небольшого роста, средних лет, с пепельными волосами, подстриженными и слегка завитыми, с первого момента покорила детей вещицами, которые она сама сделала из кусков самого обыкновенного дерева, начиная от небольших полированных пластинок и кончая причудливыми человечками и зверюшками. Нужно только постараться увидеть в засохшей коряге что-нибудь и потом с помощью пилы-ножовки, стамески, напильника и наждачной бумаги «извлечь» увиденное.

Анна Владимировна сказала, что лишь только прекратится дождь, они пойдут в лес и сами будут всматриваться в засохшие деревья, корни, кусты. И тогда каждый может сделать какую-нибудь фигурку или бусы, подсвечник, что ему покажется наиболее интересным. А пока на улице сыро, можно воспользоваться имеющимся у неё материалом и сделать маме в подарок брошку. Ребята радостно принялись пилить, скоблить, полировать.

Николай Николаевич, руководитель кружка «Юный филолог», знал миллион забав, как будто нарочно рассчитанных на дождливую погоду. Дети не только с удовольствием проводили с ним дообеденные часы, предназначенные для занятий, но просили его побыть с ними и после обеда. Высокий стройный блондин, хороший спортсмен, он быстро сделался всеобщим любимцем. В комнате, где он занимался со своим кружком, была классная доска и висела большая политическая карта мира. Когда он что-нибудь объяснял, он часто рисовал на доске забавные фигурки или что-то писал.

Первая игра, которую он предложил в дождливый день, называлась «Грузить пароход». Николай Николае-

вич сказал, что все они садятся на пароход и едут очень далеко. Необходимо взять с собой много-много всевозможных вещей, чтобы у них ни в чём не было недостатка. Единственное условие игры, что на один пароход можно погрузить лишь вещи, названия которых начинаются на одну какую-нибудь букву, и что это должны быть имена существительные. Собственные имена запрещались. Николай Николаевич предложил грузить пароход вещами, названия которых начинаются на к. Каждый говорит в свою очередь, по кругу (они непринуждённо сидели на скамейках). Называть одно и то же слово дважды — нельзя.

Николай Николаевич сам первый предложил взять на корабль крупу, и пошло по кругу: Керосин! Какао! Кефир! Кирпичи! — ребята заволновались, пароход не выдержит.

— Ничего, — успокоил их Николай Николаевич. — Наш пароход особенный.

— Крысу! — сказал кто-то.

— Вот её лучше не надо!

— А кошку?

— Пожалуйста.

— Красную смородину.

— Стоп, стоп, какая часть речи красная?

— Прилагательное.

— А мы уговаривались называть только существительные. Так что касторовое масло тоже не возьмем, а касторку, пожалуй, захватим.

И погрузка продолжалась: Кисель! Кастрюлю! Карандаши! Кнопки! Кислород! Комбайн! Киноаппарат! Календарь! Канарейку...

Когда сделалось трудно назвать что-либо новое, Николай Николаевич сказал:

— Хватит. Пароход отправляется. Пусть кто-нибудь назовет другую букву и сам предложит первое слово.

Пока Петя и Миша соображали, что к чему, кто-то из более старших ребят предложил *о* и *огурцы*. Но с этой буквой оказалось сложнее, потому что на неё начинается немного слов, называющих предметы, которые можно погрузить на пароход. Ведь не положишь на него *обязанность*, *охоту*, *обман*, *озноб*... Николай Николаевич объяснил, что хотя это и существительные, но они не именуют конкретные вещи; нельзя потрогать рукой *опоздание*, нарисовать *обещание*. Такие существительные называются абстрактными. А грузят — конкретные. Мало конкретных существительных оказалось на *щ*, *ю*, *я*. Зато на *м*, на *с* их было очень много.

Следующий раз Николай Николаевич предложил играть «В города». Участники, по кругу, выкрикивали наименования городов, но не просто так, а на какую букву кончается название одного города, на такую должно начинаться название следующего. Разумеется, самым первым было предложено имя нашей столицы — *Москва!*

— *Архангельск! Ковров! Вологда! Актюбинск! Кривой Рог! Гомель! Львов! Владивосток! Каунас!*

Если кто-либо в свою очередь не знал названия города на нужную букву, Николай Николаевич разрешал подойти к карте и искать где угодно, хоть в Австралии, лишь бы это был город. Особенно трудно приходилось тем ребятам, кому надо было найти названия на *а*. Ведь на *-а* кончается большинство слов женского рода: *Игарка*, *Анапа*, *Аскания-Нова*, *Алупка*. Названия городов мужского рода часто оканчиваются на *-ск*. Так что следующим приходилось без конца отыскивать города на *к*: *Кишинёв*, *Кемь*, *Кинешма*...

Некоторые названия вызвали недоумения. Например, *Каушаны*. Ведь слов, начинающихся на *ы*, в русском языке нет. Николай Николаевич сказал, что на *ы* можно найти название в Эстонии, в Казахстане, на далёком севере. Но, поскольку *ы* и *и* — одна фонема, не будет

ошибкой, если следующий участник назовет город на *и*, например, *Ирпень*.

Новое недоумение. Ведь если на *ы* слова начинаются очень редко, то на *ь* они вообще не начинаются. Но Николай Николаевич напомнил, что «мягкий знак» (потому он и называется знаком, а не буквой) не имеет своего самостоятельного звучания, а лишь указывает на мягкость предыдущей согласной, то есть на то, что в слове *Ирпень* — *н* мягкое. Значит, следующий должен подыскивать название, начинающееся на мягкое *н*, например, *Николаев*. Но, если ему это трудно, то, в крайнем случае, можно и на твёрдое, например, *Норильск*.

Пришлось как следует подумать и тем, кто отыскивал свой город после названия, оканчивающегося на *-й*, например, *Кустанай*. Николай Николаевич объяснил, что города на *й* можно найти в Эстонии, Японии, а также в Англии и в США. Но *й* — буква хитрая. Она обозначает звук «йот», который имеется также в начале букв *я*, *ю*, *ё*, *е*, когда их произносят отдельно, изолированно, а не после согласных. Поэтому после *Кустанай* можно сказать не только *Йокогама*, но и *Югань*, *Ярославль*, *Елец*.

Николай Николаевич рассказал, что в сербском языке есть специальная буква «йот», которая пишется, например, в слове *југ* — юг, *јабuka* — яблоко. Было предложение ввести эту букву и в русский алфавит. Но, поскольку звук «йот» входит в состав букв *ю*, *я*, *ё*, *е* (и частично *и*, например, многие говорят *йих*, *свойи*, *Ильйи*), то предложение не было принято.

Эта игра так понравилась ребятам, что после занятия многие попросили разрешения остаться, чтобы получше познакомиться с географической картой. Петя и Миша не очень активно участвовали в этой игре, потому что имели ещё очень слабое представление о географии. Но игра им всё-таки понравилась. Один шестиклассник спросил, нельзя ли играть таким же образом «В реки».

Николай Николаевич ответил, что вообще-то можно, но трудно. Во-первых, для этого нужно знать много названий рек, сколько они не знают. Во-вторых, названия многих рек оканчиваются на *-а*: *Десна, Ангара, Волга, Кама, Самара, Лена*, и трудно будет набрать соответствующее количество названий рек, начинающихся на *а*. Но желающие могут попробовать.

С большим интересом включились Петя и Миша на следующий день в весёлую игру «Один, два, пять». Оказывается с этими числительными существительные стоят в разных падежах, и найти нужную форму слова бывает порой нелегко.

Николай Николаевич начал с очень простого примера: *один галстук, два галстука (три и четыре для нас не представляют интереса, так как с ними тот же падеж, что и со словом два), пять галстуков; один зуб, два зуба, пять зубов; одна голова, две головы, пять голов...* Николай Николаевич называл слова в именительном падеже и числительные, а дети хором выкрикивали формы слов в нужном падеже. Сначала всё шло гладко, но вот со словом *кувшин* произошла небольшая заминка: одни кричали *кувшінов*, а другие — *кувшинóв*. Пришлось Николаю Николаевичу рассказать ребятам о двух разных возможностях произнесения слов: литературной и просторечной. Формы *кувшінов, стакáнов* соответствуют нормам литературного языка, *кувшинóв, стаканóв* — просторечию. Разумеется, все поймут человека, если он будет так говорить, но более правильным, более культурным считается произношение: *кувшино́в*. Он объяснил, что лучше говорить так, как принято в литературном языке. Иначе человек как бы сам расписывается в том, что он недостаточно образован.

Опять пошло весело: *один василёк, два василька, пять васильков; один орех, два ореха, пять орехов; один помидор, два помидора, пять помидор... ов?*

Снова разногласия: помидор или помидоров? *Апельсин* или *апельсинов*, *яблоко* или *яблоков*? Объясняет Николай Николаевич:

— Правильны формы *помидоров*, *апельсинов*, *мандаринов*. Это слова мужского рода, и они склоняются так же, как *стол*, *дом*. Вы же не скажете: *пять стол*, а скажете: *пять столов*, *пять домов*, *несколько домов*, *несколько помидоров*, *немного мандаринов* или: *апельсинов у нас нет*. Что же происходит в беглой речи в сочетании с числительными? Мы всегда спешим и на ходу не договариваем слова. Приходя в магазин, просим продать *кило апельсин* и *полкило помидор*. По-видимому, на такое употребление этих слов влияют два обстоятельства. Во-первых, овощи и фрукты существуют не по одному, а в некотором количестве. Во-вторых, помидоры и апельсины в мире вещей существуют бок о бок с яблоками. Но *яблоко* — слово среднего рода, и в родительном падеже множественного числа форма *яблок* закономерна, сравните: *колесо* — *колёс*, *ведро* — *вёдер*, а не *колесов* или *ведров*.

Николай Николаевич объяснил также, что очень устойчивы формы склонения слов *носки* и *чулки*, что литературной нормой считается *пара чулок*, но *пара носков*, однако одно слово влияет на другое, и многие говорят: *пара носок*, что неверно. Из своего рассказа Николай Николаевич сделал очень интересный вывод о том, что языковые нормы меняются. С одной стороны, они, казалось бы, очень устойчивы. Ведь мы понимаем друг друга потому, что все говорим одинаково. С другой стороны, некоторые слова мы произносим по-разному.

Иногда это простые ошибки, незнание, но в ряде случаев это смена общепринятой языковой нормы, свидетелями чего мы являемся. Например, сейчас почти все говорят *шофёр*, *комбайнёр*, а лет двадцать-тридцать назад многие говорили *шо́фер*, *комба́йнер*.

В конце одного из занятий произошло чудо: дождь неожиданно прекратился. В разрывах между тучами показалось солнце и заглянуло к юным филологам. Николай Николаевич предложил открыть окно. Под окном рос огромный куст сирени. Он был настолько пропитан влагой, что все его ветки разбухли, на листьях дрожали капельки воды. Уже пожелтевшие кисти цветов, которые в этом году так никто и не рвал, и даже не нюхал, низко склонились от тяжести дождевых капель. И вот этот куст внезапно осветило солнце, и капли заиграли всеми цветами радуги, как бриллианты. Дети столпились у окна и смотрели, как зачарованные. И вдруг из куста раздалось пенье соловья.

Петя и Миша вздрогнули от неожиданности.

— Давай скорее карандаш, — закричал Петя. — Миша постоянно носил с собой альбом для рисования и карандаши.

— А где будем записывать?

— В твоём альбоме, на последней странице.

Они сели к столу, открыли альбом, но далеко не сразу решили, что писать. Их оживлением заинтересовался Николай Николаевич.

Он разрешил детям, не принимавшим участия в разговоре, выйти, сам же подсел к нашим друзьям. Они рассказали, что есть у них один хороший знакомый, который поручил им очень важную вещь: записать, как поёт соловей. Николай Николаевич поинтересовался, как зовут их знакомого, и когда узнал, что это Александр Александрович, удивлению его не было границ. Дело в том, что он хорошо знал Александра Александровича по работам, учился по его книгам, но ни разу не встретился с ним лично.

Они решили, что вместе запишут соловья и вместе пойдут к Александру Александровичу. Но дело оказалось непростым. Ведь соловей не поёт подряд одно и

то же. Он «произносит» фразу и делает небольшую остановку. В это время ему подпевают другие соловьи, по-видимому учатся у него. Отдельные фразы регулярно повторяются. Но как их записать? Ведь он не поёт человеческим голосом. Например, Николаю Николаевичу слышалось *тью*, а Пете — *фью* или: Мише хотелось записать *пфрю*, а Пете — *фрю*.

Погода постепенно налаживалась, и руководительница кружка «Умелые руки» вышла со своими питомцами в лес за материалом для работы. Они пришли на поляну, посередине которой стоял огромный засохший дуб. Анна Владимировна объяснила, что три года назад их леса подверглись нападению дубовой листовёртки. Небольшая зеленоватая бабочка с бахромой по краям крыльев осенью отложила яйца. Весной из них вывелись ярко-зелёные гусеницы и принялись пожирать молодые побеги. В течение мая гусеницы насыщались, а в июне, превращаясь в куколок, стали завёртываться в дубовые листья, сворачивая их трубочкой и перевязывая тонкой шелковистой ниточкой, которую они выпускали из себя. Гусениц было так много и действовали они столь усердно, что в лесу слышался непрерывный шорох и лёгкое потрескивание. Лишь в июле, когда все гусеницы окуклились, на дубах стали появляться новые листья, но они не смогли пройти полного развития и образовать почки, из которых бы на следующий год распустились листья. Пришла весна. Дубы стояли чёрные, хотя в них ещё оставалась жизнь. Окончательно их погубила следующая зима с очень сильными морозами.

— А теперь, — сказала Анна Владимировна, — посмотрите и подумайте, какие деревья интереснее, зелёные или засохшие?

— Ну, конечно, зелёные, — хором ответили дети.

— Вы правы, — сказала Анна Владимировна. Живые, зелёные деревья во много раз приятнее, чем засох-

*Кажется, это
какой-то человек...*

шие. Но посмотрите на этот огромный безлиственный дуб. Разве не интересен он? Кажется, это какой-то человек, со своим характером, силой, волей...

— Да, да, — заговорили дети. Они стали фантазировать. Более тонкие верхние ветки дуба, направленные в одну сторону, напоминали руки, а может быть волосы какого-то огромного человека. Один мальчик увидел в дубе нескольких человек в причудливых позах.

— Вот видите, как интересно для художника засохшее дерево. Его мы, конечно,

трогать не будем. Посмотрим пониже и поближе к нам, нет ли засохших кустов и молодых деревьев, пенков или свалившихся веток, похожих на что-нибудь.

Небольшими группками дети разошлись по лесу. Вот лежит засохшая ёлка. Немного потянуть — и она вырвется из земли со всеми корнями. На что похожа её нижняя часть? На пистолет? Если соответствующим образом отпилить корни, то да. Если обпилить её по-другому, это может быть и паук, и ёжик. С помощью небольшой пилы отпилили ненужное. Остальное взяли с собой для работы. Вот упавшая ветка, очень похожая на змею. Вот небольшой засохший куст. Осторожно извлекают из земли его вместе с корнем. Из него, наверняка, получится какой-нибудь человечек. Мишу и Петю привлекла нижняя часть довольно толстого поваленного дерева, мимо которого все прошли, не обратив внимания. Но Миша утверждал, что если отпилить ненужное,

получится собака-такса. Их уговаривали не брать эту громоздкую корягу. Но и Миша, и Петя давно мечтали о собаке, а их родители не разрешали её заводить. Поэтому здесь они проявили всё своё упрямство и вдвоём тащили тяжёлую заготовку.

Возились они долго, по очереди пилили, скоблили, тёрли, строгали, и вот, к концу их пребывания в лагере, собака была готова. Это была не просто собака, но ещё и скамейка, на которой можно было сидеть. Вместо глаз ей приделали два ролика от электропроводки.

Когда они приехали из лагеря домой, их родители сначала и эту собаку встретили в штыки. Но, наконец,

Собака стала Игреком

Петина бабушка взяла сторону мальчиков и разрешила поставить собаку в комнате. Через некоторое время они показали своё детище Александру Александровичу. Тот спросил, как зовут собаку. Они ответили, что никак, а потом решили назвать Иксом.

— Зачем же обезьянничать? Хоть *Игреком* назовите для разнообразия.

И собака стала Игреком. Они ещё долго играли с этой собакой, а когда стали постарше, любили читать, сидя у неё на спине.

СОЛОВЕЙ

Соловей

В начале зимы Николай Николаевич договорился о встрече с Александром Александровичем. Петя и Миша знали о предстоящем визите и выбежали на автобусную остановку.

Николай Николаевич передал профессору две тонюсенькие книжечки. Мальчики узнали, что это оттиски отдельных статей, которые напечатаны в сборниках.

Авторы получают по несколько оттисков своих статей, чтобы дарить их друзьям. Статьи Николая Николаевича назывались: «О произношении студенческой молодежи» и «О прозвищах школьников».

Потом Николай Николаевич передал профессору несколько листов с записью соловья и сказал, что это занятие оказалось увлекательным. Сколько бы раз он ни писал, получалось по-иному. Или это разные соловьи? Все записи датированы, а фразы, или «колена» соловья перенумерованы.

Например, 14 июня он сделал две записи. Первая:

1. ти-ти-ти-кй; ти-ти-кй;
2. цсы, цсы;
3. фьи, фьи, фьи, фю;
4. кррр, кррр.

Вторая запись:

1. фью-юу; фиюфь-фию;

2. фио́фи-рюу́; ю́фи-фию́; ю́фифи́рю;́
3. цфр́мяк, цфр́мяк (подобный звук издает кошка, если ей наступят на хвост);
4. ю́фирю́рю, ю́фи́рюрю́рю, рю́рю-фирю́рю;́
5. цфр́ий, цвр́ийий;́
6. цви-цви-цви́;

И так далее, на нескольких листах.

Александр Александрович долго рассматривал листы. Он похвалил Николая Николаевича за документальную точность и за аккуратность транскрипции — так он называл эти записи. Он сказал, что сам неоднократно внимательно слушал соловьёв в разных местах, но не находил у них того, что отметил сто лет назад Иван Сергеевич Тургенев. Он достал с полки том И. С. Тургенева (Соч. т. 12. СПб., 1898, с. 165—168) и стал читать.

О соловьях

«Хороший соловей должен петь разборчиво и не мешать колена, — а колена вот какие бывают:

Первое: Пулькание — этак пуль, пуль, пуль, пуль...

Второе: Клыкание — клы, клы, клы, как желна

Третье: Дробь — выходит, примерно как по земле разом дробь просыпать.

Четвертое: Раскат — тррррррр...

Пятое: Пленькание — почти понять можно: плень, плень, плень.

Шестое: Лешева дудка — этак протяжно: го-го-го-го-го, а там коротко: ту!

Седьмое: Кукушкин перелёт. Самое редкое колено; я только два раза в жизни его слыхивал — и оба раза в Тимском уезде. Кукушка, когда полетит, таким манером кричит, сильный такой, звонкий свист.

Восьмое: Гусачок. Га-га-га-га... У малоархангельских соловьёв хорошо это колено выходит.

Девятое: Юлиная стукотня. Как юла — есть птица, на жаворонка похожая или как вот органчики бывают, — этакой круглый свист: фюиюиюиюию...

Десятое: Почин — этак: тии-вить, нежно, малиновой. Это, по-настоящему, не колено, а соловьи обыкновенно так начинают. У хорошего нотного соловья оно ещё вот как бывает: начнёт — тии-вить — а там тук! — Это оттолчкой называется. Потом опять — тии-вить... тук! тук! Два раза оттолчка — и в пол-удара, этак лучше; в третий раз: тии-вить — да как рассыплет вдруг, с...с..., дробью или раскатом — едва на ногах устоишь — обожжёт! Этакой соловей называется с ударом или оттолчкой. У хорошего соловья каждое колено длинно выходит, отчётливо, сильно; чем отчётливей, тем длинней. Дурной спешит: сделал колено, отрубил, скорее другое — и смешался.

Гнездо они вьют на земле — из сухой травы и листочков. На воле соловей перестаёт петь, как только детей вывел. А поёт он всегда сидя».

— А что такое *желна́!* — спросил Миша.

— Это тоже такая птица, из породы дятлов.

Отдельные колена в записях Николая Николаевича совпали с тем, что описано И. С. Тургеневым. Однако очень многое было не так. Возможно, это молодые соловьи, которые ещё только учатся. Или со временем меняются их песни. Так, звука, подобного воплю прищемлённой кошки, Тургенев не отметил. Кстати, он много писал о том, как пойманных соловьёв специально учат петь. По-видимому, соловьи обладают большой способностью перенимать любые звуки, и данный соловей, действительно, подражал кошке. Александр Александрович продолжал:

— Похоже, что люди во все времена придавали большое значение соловьиному пению, старались отра-

зять его в стихах и песнях. Сохранилась песня трубадура (это такой средневековый певец во Франции), где постоянно повторяется: *тáнтаратéй, тáнтаратéй* в подражание одному из соловьиных колен. А вот стихотворение Гавриила Романовича Державина:

Соловей

На хóлме, сквозь зеленой рощи,
При блеске светлого ручья,
Под кровом тихой майской ночи,
Вдали я слышу соловья.
По вéтрам легким, благовонным,
То свист его, то звон летит;
То шумом заглушаем водным,
Вздыханьем сладостным томит.

Певец весенних дней пернатый,
Любви, свободы и утех!
Твой глас отрывный, перекаты
От грома к нежности, от нег
Ко плескам, трескам и перунам,
Средь поздних, ранних красных зарь,
Раздавшись неба по лазурям,
В безмолвие приводят тварь.

.....
И, свесясь со скалы кремнистой,
Густокудрява мрачна ель,
Напев твой яркий, голосистой
И рассыпную звонку трель,
Как очарованна внимает.
Не смеет двинуться луна,
И свет свой слабо ниспускает;
Восторга мысль моя полна!

.....
Какая громкость, живость, ясность
В созвучном пении твоём,

Стремительность, приятность, каткость
Между колен и перемен!
Ты щелкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь — в голосах;
В забвеньи души ты приводишь,
И отзываешься в сердцах.

(Соч., 1831, т. 1, с. 223—225)

Далее Гавриил Романович Державин сравнивает творчество поэта с пением соловья и говорит о том, что если бы у него самого был такой дар, как у соловья, он мог бы воспеть дела храбрых россиян во много раз лучше, чем это он делает в стихах:

«...В моих бы песнях жар и сила
И чувства были, вместо слов;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармония моих стихов».

Так писал тот самый Державин, который слушал Пушкина на лицейском экзамене в 1815 году. Пушкин читал своё стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», и Александр Александрович показал мальчикам знаменитую картину Ильи Ефимовича Репина, изображающую лицеиста-Пушкина с поднятой рукой, восторженно читающего свои стихи перед экзаменаторами и гостями, и Державина привставшего со своего места, чтобы лучше слышать молодого поэта.

— Но почему «Воспоминания»? — поинтересовался Миша. — Ведь воспоминания пишут пожилые люди, а Пушкин тогда был почти ещё мальчиком.

Александр Александрович ответил, что воспоминания эти относятся не к событиям из жизни Пушкина, а к мыслям и настроениям человека, любящегося архитек-

турными памятниками Царского Села и испытывающего гордость за победы, в честь которых они воздвигнуты. Значительная часть стихотворения посвящена Отечественной войне 1812—1815 годов, воспоминания о которой тогда были совсем свежими. В этом стихотворении Пушкин подражает торжественной манере Державина. С годами стремившемуся к простоте изложения Пушкину это стихотворение разонравилось, и он не включал его в публиковавшиеся сборники.

Но вернёмся к соловью. Обратим внимание на язык Державина. Стихотворение написано около двухсот лет назад. Мы его прекрасно понимаем, но так сейчас уже не говорим: на *хóлме*, *крути́шь* — мы говорим: *на холме*, *кру́тишь*, мы пишем не *голосистой*, а *голосистый*. Такие формы, как *но́щи*, *твоём* — это ярко выраженные **славянизмы**, от которых мы давно отошли. Однако главная ценность этого стихотворения в том, что всё оно написано в подражание соловьиному пению. Обратите внимание на чередования звуков *с*, *л*, *р*, как бы воспроизводящие колена соловья.

Через несколько дней, встретив мальчиков на улице, Александр Александрович спросил, есть ли у них прозвища. Они ответили, что есть. Петю зовут *Кузя*, потому что он Кузнецов, а Мишу — *Медведь*, потому что Мишка, или *Гвоздик* — от фамилии. У большинства других ребят тоже прозвища от фамилий.

— Вот и в статье, которую мне оставил Николай Николаевич, тоже говорится о прозвищах от фамилий. Когда-то наши фамилии были образованы от прозвищ: *Криво́й* — *Кривов*, *Се́рый* — *Серо́в*, *Голова́ч* (с большой головой) — *Головачёв*, а теперь наоборот — от хороших фамилий — неуклюжие прозвища, и совсем не по законам русской морфологии: *Курнос* — *Кур*, *Перепёлкин* — *Перя*, *Кратова* — *Крот* и даже *Кротиха!*

— У нас тоже есть *Крот*, — сказали мальчики, — только он *Кратевич*.

— А для чего нужны прозвища? Вы ведь друг друга не по прозвищам зовёте.

— Нет. Мы ещё до школы знали друг друга, а то в школе. У нас есть *Пончик*, *Кнопа*, *Майонез*, *Серый*. Это значит из нашего класса. По фамилиям зовём тех, кто не из нашего.

— А эти прозвища тоже от фамилий?

— Нет, *Пончик*, или *Пон* — он просто очень толстый, *Кнопа* — очень маленькая, *Майонез* на самом деле Майя, а *Серый* значит Сергей, или Сергеев.

— Вот ведь как получается, — продолжал Александр Александрович. Для дела вам прозвища не нужны. У вас есть имена, отчества, фамилии. А прозвищами вы отмечаете своих и отличаете их от чужих. Но есть и обидные прозвища. Сознаться, неприятно быть Пончиком или Майонезом.

Миша и Петя вздохнули:

— Они привыкли. Отзываются.

— Это очень плохо. Вы никогда не пробовали поставить себя на их место? Да и ваши прозвища не вершина творчества. Я вам очень советую: зовите ваших товарищей по именам. Может быть, и другие ребята постепенно отвыкнут от прозвищ.

ВАЖНЫЕ СОБЫТИЯ

Когда наши герои учились в третьем классе, произошло много важных событий. Прежде всего, у Пети появилась сестрёнка. Назвали её *Марфой*. Это имя выбрали не сразу, много спорили.

У Пети появилась сестрёнка.

— Уж хоть бы Марточкой назвали, — говорили соседки, — а то ведь совсем не модно.

Мама отвечала, что имя не должно быть слишком модным. А то вокруг будут одни тётки. Со всех сторон только и слышно: *Оля, Катя, Мари-на, Лена, Наташа, Юлия*. А *Марфа* — одна. Бабушка говорила, что *Марта* — нерусское имя, а им хотелось назвать девочку по-русски.

Когда мальчики спросили, как узнать, русское имя или нет, бабушка ответила:

— Если подходит отчество *Иванович* или *Ивановна*, — значит русское.

Мальчики тут же наперебой принялись прибавлять это отчество ко всем известным именам: *Нина Ивановна, Людмила Ивановна, Вячеслав Иванович, Степан Иванович...* Не забыли они и «братьев меньших»: *Кошка Ивановна, Собака Ивановна, Птичка Ивановна*. Потом принялись за собак, клички которых им были известны: *Рекс Иванович* — не очень хорошо, *Чарли Иванович* — совсем плохо. Когда соседки предлагали назвать *Марфу Джеммой* или *Анджелой*, мальчики сразу по-

чувствовали, что эти имена нерусские, потому что совсем не звучат с отчеством *Ивановна*.

Александр Александрович одобрил выбор Петиных родителей.

— Какая красота, какая сила в этом имени, — говорил он и вспоминал знаменитую новгородскую Марфу Посадницу. И в русской опере Марфа занимает почётное место. В каких операх действует Марфа?

— «Хованщина», — сказал Миша.

— «Царская невеста», — добавил Петя.

— Правильно. Очень разные героини. И обе типичные русские.

Потом он рассказал, что в лингвистике (так называется наука о языке) ведутся споры о развитии детской речи. Одни считают, что только начиная приблизительно с годовалого возраста можно всерьёз говорить о детской речи, другие считают, что ребёнок чуть ли не с рождения наделён этим даром.

— Вот вам удобный случай это проверить, — продолжал он. Вы (особенно Петя) непрерывно находитесь возле Марфуши. Заведите специальную тетрадь или блокнот и всё за ней записывайте. Чтобы вашими записями можно было пользоваться, чтобы они были документальными, обязательно ставьте числа, а также возраст ребёнка. Помечайте также, при каких обстоятельствах она произнесла что-нибудь. Тогда мы с вами точно определим, сознательно или несознательно она говорит.

Многие звуки ребёнок произносит бессознательно, например, плачет, вскрикивает от боли. Это нельзя отнести к звукам речи. Даже зайцы и лягушки, если их ранить, кричат, как люди. Но если Марфуша будет произносить определённый звук при повторяющихся обстоятельствах, например, когда хочет есть, такие звуки можно считать сознательными.

Мальчишки, конечно, сразу завели толстую-претолстую тетрадь. Но прошла неделя и даже месяц, а в тетради не появилось ни одной записи. Казалось, Марфа не спешила удовлетворять их любопытство. Девочка плакала, когда хотела есть и пить, когда у неё в постельке было не всё благополучно. Если она не спала, она спокойно лежала и иногда потихоньку тянула: *а-а-а, ма-а-а*. Мальчишки надеялись, что она скажет «мама», но это не было осмысленным словом. Плакала она почему-то не *уа*, как написано во всех учебниках, а *ля!* При этом в начале, пока она ещё не расплачется как следует, получалось *х-ля!*

Произошли в этот год и другие важные события: Шурик пошёл в школу, в первый класс, а Стёпка-Растрёпка остался на второй год и оказался в одном классе с нашими друзьями. Он был на голову выше своих одноклассников, уроки его не интересовали и учиться (а тем более по новой программе) ему совершенно не хотелось. Всё, что проходили раньше, Стёпка прослушал, не понял или забыл. Зоя Васильевна не имела возможности сидеть с ним после уроков и решила прикрепить Стёпку к Мише и Пете, которые учились хорошо и не забыли, с чего они начинали программу.

— Вы дружите вдвоём, — сказала она. — Будете дружить троём. Каждый день после уроков вы должны оставаться и проверять, как понял Стёпа то, что я объясняю. Заодно и сами приготовите уроки на завтра. А я буду проверять всех троих.

Все трое остались страшно недовольны, а больше всех — Стёпка. Но приказ есть приказ. И вот, начиная со следующего дня (Зоя Васильевна сказала, что они должны поставить в известность своих домашних и поэтому сегодня не останутся), все ребята шли домой, а Петя, Миша и Стёпа оставались в кабинете Зои Васильевны. У неё были свои дела. Она что-то писала в тетра-

дях, выходила, вновь возвращалась, а мальчики начали труднейший в своей жизни разговор. Миша сказал, что они будут повторять всё, что сегодня объясняла Зоя Васильевна. А Стёпка-Растрёпка ответил:

— Мелюзга, чихал я на вас с высокой колокольни!

Петя вплотную приступил к заданию по русскому языку и попросил Стёпку просклонять слова «зелёный сад». А Стёпка ему в ответ:

— Чего ты ко мне пристал?

И так они мучились битый час.

На другой и на третий день они не сдвинулись дальше этого. Продвигался класс. Зоя Васильевна объясняла новый материал. А Стёпка дурачился. И тут терпение у Миши и Пети лопнуло.

— Ты не школьник, ты хулиган и верхогляд! — вырвалось у Пети.

Стёпка изобразил на лице крайнее возмущение.

— Что, что? — зашипел он, — повтори ещё раз!

— Ну и повторим, — подхватил Миша, — и при всех повторим, что ты хулиган и верхогляд!

И, не давая Стёпке передышки, снова заговорил Петя:

— Правильно, мы для тебя мелюзга, ты на целую голову выше всех в классе, только в голове у тебя мусор! Ты только и умеешь, что сквернословить, а на сквернословии далеко не уедешь. Ну зачем ты каждый день ломаешься с нами? Ты думаешь, нам очень приятно с тобой заниматься? Да у нас дома тысяча интересных дел... И вообще, ты не человек ты просто Стёпка-Растрёпка!

— Будешь тут ещё пищать! — вскипел Стёпка, да я тебя, да я вас...

— Что ты расхорохорился? — перебил его Миша. — Что ты нам сделаешь? Ты один, а нас двое. Побьёшь? — так ведь завтра, все об этом узнают и тебе же будет хуже.

— Мы вдвоём на тебя время тратим, а ты несёшь всякую чушь! Ты только понапрасну сотрясаешь воздух. Ума у тебя нет ни капли, и ты сам не хочешь, чтобы у тебя он появился, — добавил Петя.

— Вот ты сейчас зря время расходуешь, — продолжал Миша, — своё и наше. Но мы-то своего времени на тебя тратим больше. Ты теряешь один человеко-час, а мы с Петей — два, ты два — а мы четыре.

Человеко-часы доконали Стёпку. Ему как-то стало вдруг нечего возразить. Он достал тетрадку и сказал:

— Ну ладно, мелюзга, дайте списать. Но они не дали ему списать, а терпеливо рассказывали и показывали, что к чему. А по дороге домой Миша поведал ему легенду о Стёпке-Растрёпке.

Результаты не замедлили сказаться. На следующий день Стёпа пришел в класс чистый, опрятный, красиво подстриженный. Он взял с Миши честное слово, что тот никому не расскажет историю Стёпки-Растрёпки.

И задумался Стёпа в тот день... Оказывается сила не только в кулаках, но и в словах. А более сильными оказались слова не ругательные, а повествовательные, рассказывающие о разных вещах, о которых он раньше и не подозревал.

В конце учебного года Мише и Пете исполнилось по десять лет.

— Десять лет, полчеловека! — говорил Мишин папа.

Он сказал, что это уже такой возраст, когда у ребёнка есть свои сложившиеся желания, потребности, интересы, и объявил, что в этом году Миша сам может сказать, какой подарок ему хотелось бы получить. Миша давно мечтал о двухколёсном велосипеде.

— Ну что же, — сказал папа. — Твой день рождения мы пока так отпразднуем, а когда закончится учебный год, пойдём с тобой в магазин и выберем то, что тебе понравится.

Петя рассказал об этом у себя дома.

— А что бы хотелось получить тебе? — спросил папа.

— Мне очень давно хочется иметь какую-нибудь энциклопедию. Не пугайся, папа, я не прошу самую большую. Я знаю, это дорого, но какую-нибудь однотомную, пожалуйста!

— Ну, Пётр, — сказал папа через несколько дней, возвращаясь с работы. — Ты просто в рубашке родился! — и он передал Пете очень тяжёлый свёрток. В нём оказались «Энциклопедический словарь юного филолога» и однотомный энциклопедический словарь.

Петя с необычайной жадностью набросился на книги: листал, читал, смотрел картинки, забывал про самые насущные дела, даже чуть не опоздал в школу. Папа сказал, что если так будет продолжаться, придётся книги отложить до каникул.

И вот отзвенел последний звонок. У Миши появился новый велосипед, синий, с блестящей никелированной отделкой. Стоит великолепная погода. Гуляй да катайся себе, сколько влезет... Но у Пети заболела бабушка, и её пришлось положить в больницу. Мама одна не справляется. Она объясняет Пете, что он у неё теперь главный помощник и на него вся надежда. Утром она отправляет его с Марфушей в Лесочек. В коляску положена запасная одежда, бутылочка с водой, общая тетрадь, карандаш и «Энциклопедический словарь юного филолога». На руке у Пети мамы часы, а в кармане — ключи, как у взрослого!

Мама спешит на рынок, в магазин, чтобы всё купить и приготовить. Через день она ездит в больницу навещать бабушку.

Если с Марфой что-нибудь не в порядке или пошёл дождь или ещё что-то неожиданное, Петя может сам закатить коляску в лифт, подняться и войти в квартиру. Но такое случается редко. Обычно они гуляют до само-

го обеда. Петя с Марфой почти всегда появляются в Лесочке первыми. Вскоре приходит Шурик. Он так и живёт вдвоём с бабушкой. Его родители *гляциологи* — трудное слово, сразу не выразишь! Они изучают ледники, находятся в высокогорье, а его к себе не берут, говорят: ещё мал.

Шурик до сих пор плохо читает, зато знает много скороговорок. Он занимался с логопедом, и прекрасно произносит самые трудные слова. Петя достаёт свой словарь и предлагает Шурику читать. Тот спотыкается на каждом слоге, но, в конце концов, у него что-то получается.

— Привет юным филологам! — раздаётся весёлый голос. Это Миша катит на своём *велике* (так ребята называют велосипед). Но кататься одному скучно. Он подъезжает к скамейкам, и тут начинается самое смешное. Шурик задаёт какую-нибудь скороговорку. Кто скажет её три раза без ошибки, получает право прокатиться. Иной раз ни у кого не получается. Тогда они объявляют новый конкурс, и снова он заканчивается дружным хохотом. Улыбается и Марфуша, хотя ещё ничего не понимает, но чувствует себя в обществе весёлых людей.

Скороговорки бывают разные: короткие и длинные. И вот что интересно: иная короткая оказывается труднее длинной. Например, никому не удаётся сказать три раза подряд: *король-орёл*. Получается или *король-орель* или *колёр-олёр*. Легче сказать: *Сшит колпак не по-колпаковски. Надо его переколпаковать, выколпаковать*.

Иногда к ним важной походкой подходит Стёпа. Он по-прежнему выше их на целую голову. Ему уже неловко бегать и скакать. Он присаживается на край скамейки и просит Петю почитать что-нибудь из его мудрёной книги. Но слушать филологию ему быстро надоедает. Петя знает, что это только так, для начала разговора, что Стёпе хочется прокатиться на велосипеде, а прямо

сказать об этом ему не позволяет самолюбие. Миша предлагает ему свой велосипед. Накатавшись, Стёпа говорит:

— Ну, я пошёл в магазин. Вам ничего не купить?

Марфа не мешала мальчикам заниматься своими делами. Часть времени она спала. Зато, проснувшись, начинала произносить самые диковинные звуки. Тут вытаскивалась тетрадь, и мальчики едва успевали записывать за ней. Делать это было довольно трудно, потому что звуки были непохожими на те, которые произносим мы. Как потом объяснил Александр Александрович, ребёнок слышит, что вокруг него говорят и сам хочет принять участие в разговоре. Но он ещё не знает нашего языка, хотя уже чувствует, что **может** говорить. И он всячески «пробует» свои органы речи. Он произносит много таких звуков, которые мы в своей речи не используем. Потому-то и записывать за ребёнком трудно. Мы лишь очень условно пишем: прю, брю, па, ба, ма. Это губные звуки в сочетании с гласными. Обильно в это время изобретает ребёнок и зубные звуки, хотя зубы у него только появляются: для-для, тля-тля, ддр... Он уже вполне сознательно принимает участие в разговоре взрослых и хочет привлечь к себе их внимание.

Полный восторг вызвало у мальчиков, когда, получив лекарство с витаминами, Марфа совершенно отчётливо произнесла:

— *Дррянь!*

Александр Александрович разочаровал их: это ещё не язык, но хорошая подготовка к нему. Это ещё не слово, а реакция на то, что ей неожиданно дали что-то неприятное.

Тогда Петя спросил, не напоминает ли то, что они делают теперь, записывая Марфу, как они раньше записывали соловья. Александр Александрович похвалил Петю за наблюдательность и сказал, что напоминает.

— И то, и другое — **транскрипция**, т.е. особая запись. Как у птицы нет человеческих звуков, так и у ребёнка пока нет звуков определённого языка. Наш алфавит приспособлен для записи русских звуков. Многие народы пользуются русским алфавитом, но у них наши буквы читаются иначе, и за теми же написаниями стоят совершенно непохожие звуки.

В случае с Марфой вы пытаетесь подогнать её хаотические звуки под систему русского языка. А она ещё не говорит по-русски. Она говорит по-своему. Она ещё только тренирует свои органы речи, чтобы затем отобрать произносительные навыки, свойственные нашему языку. Если бы люди вокруг неё говорили по-персидски или по-гречески она отобрала бы из всех своих возможностей иные звуки, представленные в тех языках.

Александр Александрович рассказал им интересную притчу о древнем царе и его дочерях. Чтобы выяснить, какой язык самый важный (а в древности думали, что язык человеку дан свыше), царь решил поставить опыт на своих новорождённых дочерях. Он приказал заточить их в башню и никого к ним не пускать, чтобы они не слышали человеческой речи. Через три года он приказал привести их в свой тронный зал. Девочки были совсем дикими, не умели ходить, ползали и время от времени произносили одно слово: нун — так по-персидски называется хлеб. Слово это они слышали от старой няни, которая приходила их кормить. Таким образом, человека человеком делает лишь человеческое общество.

Однажды, когда Петя сидел один возле коляски и листал «Энциклопедический словарь юного филолога», мимо проходил Александр Александрович. Он поинтересовался, что читает Петя, и спросил, почему тот к нему не приходит. При первой же возможности Петя воспользовался приглашением. Трудно передать чувства,

которые он испытал, увидев, что на знакомом столе лежит точно такая же книга.

Беседа юного и пожилого филолога проходила на этот раз особенно тепло. Александр Александрович показал дарственную надпись на своём энциклопедическом словаре и рассказал, что составил эту книгу Михаил Викторович Панов, очень интересный и изобретательный человек. Он слушал когда-то, как читал Александр Александрович курс фонологии (про фонемы), а потом сам стал читать этот курс, когда Александр Александрович перешёл на другую работу. И ещё у Михаила Викторовича есть книжка о русской орфографии с оригинальным названием: «А всё-таки она хорошая». Александр Александрович показал книжку. Она была забавно оформлена. Обложка — вроде как лист из тетрадки в косую линейку, в разных местах на ней написаны слова, специально с ошибками, исправлены, зачёркнуты, подчёркнуты.

— Кто она? — спросил Петя.

— Русская орфография.

Александр Александрович сказал, что в энциклопедическом словаре Пете пока будет не всё понятно, и разрешил приходить и спрашивать,

— Я пока в Москве, до осени. — Потом он достал с полки книгу, на которой было написано: «Слово о словах».

— Вот могу тебе дать почитать. Это мой большой друг Лев Васильевич Успенский написал. Очень увлекательная книга. В книге была дарственная надпись в стихах.

Восторгу Пети не было пределов: Александр Александрович разговаривал с ним, как с большим!

— А Вы и с Чуковским были знакомы?

— Как же, Корней Иванович! Бывал у него дома.

Пете, действительно, многое в энциклопедическом словаре было непонятно. Проще всего оказалось читать

биографии выдающихся филологов, среди которых он, к великой своей радости, обнаружил и имя Александра Александровича. С удовольствием прочитал он о Владимире Ивановиче Дале, который сначала был врачом. У него на руках умер после дуэли Пушкин. А потом Даль так увлёкся составлением словаря, что всю свою жизнь посвятил этому. При его жизни вышло два издания словаря, причём второе — значительно улучшенное. После его смерти словарь выходил ещё два раза. А потом его много раз переиздавали фототипическим способом: фотографировали страницы и печатали с фотопластинок.

Александр Александрович рассказывал Пете о том, как он работал в Орфографической комиссии, о том, что многое в русском языке очень сложно, например, написание шипящих. Дело в том, что [ж] и [ш] у нас только твёрдые, а [ч] и [щ] — только мягкие, и какую бы мы гласную после них ни написали, произносить мы можем только одним способом. Поэтому после них пишется основной вид гласной: а, о, у, и, е. Мы пишем шило, хотя произносим [шыло], пишем чай, хотя ч звучит очень мягко, почти [чяй]. Петя вспомнил, как он, ещё совсем маленький, прочитал надпись на машине: «Скорая помощь» и заплакал: «Зачем мягкий знак написали?».

— Молодец, — похвалил его Александр Александрович. — У тебя очень хороший фонематический слух. Но я объясню тебе, зачем в слове помощь нужен мягкий знак. Это слово женского рода. Когда ты видишь мягкий знак, ты знаешь, как это слово склонять. Это называется морфологический мягкий знак. Ты не обращал внимания: на некоторых учебниках русского языка написано «Морфология»?

— Обращал.

— Морфология — это часть языкознания, учение о формах слов, как надо склонять или спрягать различные слова.

— А в словах *пишешь*, *читаешь* — тоже морфологический мягкий знак?

— И морфологический, и исторический. В древности звук *ш* в русском языке был мягким, и после него писался мягкий знак. А в форме *пишет*, где на конце твёрдое *т*, после него писали твёрдый знак. В 1918 году твёрдый знак на конце слов отменили, а мягкий остался. Ты видел когда-нибудь книги со старой орфографией?

— Нет.

Александр Александрович достал с полки уже известный нам том Тургенева и показал. Петя был поражён: сколько лишних букв! Оказалось, что отдельные буквы были лишними по разным причинам. Твёрдый знак на конце слов просто лишний. А были ещё и двойные обозначения для одних и тех же звуков, например, *и*, *і* и «ижица»; *ѣ* и «фита»; *е* и «ять».

Александр Александрович объяснил, что в 1918 году была орфографическая реформа, в результате которой были изъяты из русского алфавита буквы *і* (его еще называли и десятеричное, потому что с его помощью изображали число десять), *ѣ* «ижица», *ѣ* «фита», *ѣ* «ять». Он рассказал Пете, что эти буквы доставляли много огорчений школьникам. Поэтому вокруг них возникали различные песенки, поговорки, стишки. Например, было гимназическое выражение «прописать ижицу» или угроза «Вот я тебе сейчас ижицу пропишу!» — т.е. накажу тебя. Сочинялись специальные стихи, чтобы легче запомнить, где и когда писать букву «ять», например: «Бедный, белый, бледный бес, Убежал за речку в лес...» — все эти слова писались через «ять».

КАНИКУЛЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

В конце июля Миша со своими родителями поехал в Пушкинский заповедник. Перед отъездом он предложил, что оставит Пете велосипед. Но тот отказался: «Без тебя мне будет неинтересно кататься».

Семейство отправилось на своей машине. Без всяких дорожных приключений они к вечеру того же дня прибыли в Пушкинские Горы и остановились в кемпинге для автотуристов.

Заповедник — это особо охраняемое место. Ездить на машинах по нему нельзя, и наши путешественники совершали большие пешие прогулки.

Мишины папа и мама очень любят Пушкина. Они давно мечтали поближе познакомиться с его окружением, подышать «пушкинским воздухом», как выражались они. Но раньше это не удавалось, да и Миша был ещё мал. Они могли часами читать стихи Пушкина, иной раз даже устраивали соревнования: кто больше помнит наизусть; или один начинал читать по памяти стихотворение, а другой — продолжал. У них было несколько разных изданий произведений Пушкина. Миша с младенчества листал их, том за томом, срисовывал некоторые картинки.

И вот, их давняя мечта осуществилась. Они бродят по Тригорскому, заходят в длинный, некрасивый, но уютно обставленный дом, где часто бывал Пушкин в гостях у Осиповых-Вульф. Усадьба Тригорское как будто сама себя назвала: она расположена на одном из трех холмов. Зато некоторые окрестные места называются так, что не догадаешься, откуда произошли их имена.

Тригорское стоит на речке *Сóроть*, которая впадает в реку *Великую*. Пушкин часто купался в Сороти. Искушался и Миша.

Тригорское напоминает усадьбу Лариных, как описал её Пушкин, с ягодными посадками, где девицы-красавицы, собирая ягоды,

Хором по наказу пели...
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели.

Над речным обрывом — *Онегинская скамья* — белый деревянный диванчик. Если идти от реки, увидишь *Ель-Шатёр* — с ровным стволом и ветками, образующими подобие домика, солнечные часы, *Дуб уединённый*, стоящий в стороне от других деревьев, на небольшом холме. Ему около 400 лет. Куда ни бросишь взгляд, — всюду что-нибудь воспетое Пушкиным.

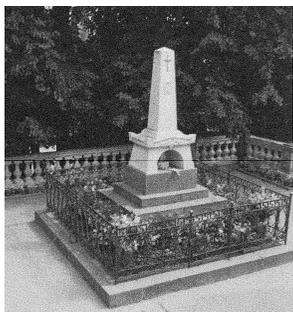
Путь из Тригорского в Михайловское лежит по берегу озера *Маленец*, мимо *Мёста трёх сосен*. В Михайловском небольшой уютный дом, в котором жил сосланный Пушкин, и совсем крошечный домик няни, Арины Родионовны. Мише поневоле вспомнилось:

В Михайловском

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна...

Особенно полюбилось Мише проводить время в Липовой аллее Михайловского, такой таинственной, тенистой, где ветви сплетаясь, образуют сплошной навес. В Петровском, где они осматривали домик двоюродного деда Пушкина, Петра Абрамовича Ганнибала, на берегу озера Кучане тоже много старых лип, но они не так поэтичны.

Могила Пушкина

Очень большое впечатление произвели на Мишу Пушкинские Горы. Раньше это место называлось *Святогорск*, или *Святые Горы*; там был Святогорский монастырь, в котором похоронен Пушкин. На его могиле небольшой белый столб — называется *обелиск*.

Этим летом Миша много рисовал. Он не расставался с альбомом и красками. И хотя его папа сфотографировал всё, что только можно, а мама скупил все открытки, которые продавались в разных местах заповедника, Миша продолжал рисовать. Он говорил, что видит эти места немножко по-другому и хочет изобразить именно так.

Пушкин и его время — это история относительно близкая. Встретился Миша и с более древней историей. Недалеко от усадьбы Тригорское, на одном из трёх холмов, находится городище *Ворони́ч*. *Городи́ще* — это место, где раньше был город. Каким предположительно был Ворони́ч, Миша увидел в музее: стёны, башни... Впервые в летописях Ворони́ч упоминается в 1349 г. Не раз Ворони́ч оказывался в центре исторических событий. На него напал Ливонский орден и польский король Стефан Баторий. Через него прошли войска Лжедмитрия. В 1634 г. Ворони́ч был сожжён.

На городище Ворониче Пушкин обдумывал сцены драмы «Борис Годунов». На первой странице рукописи он написал, подражая стилю летописцев: «Писано бысть Алексашкою Пушкиным в лето 7333 на городище Ворониче».

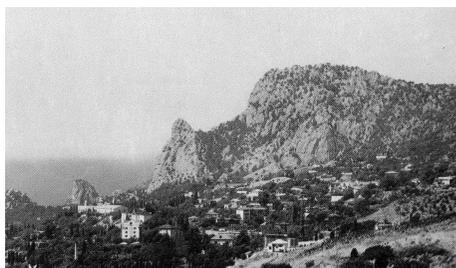
Ещё одно возвышение, Савкина горка, к западу от Михайловского, очевидно, входило в систему военных укреплений Воронича. Названа так по надписи, обнаруженной на каменном кресте: «Лета 7021 поставил крест Сава поп».

Почему места вокруг называются столь необычно и откуда такие даты: 7021 год, 7333 год? Очевидно, ответ на это он найдет лишь у Александра Александровича.

А Петя тем временем знакомился с другими географическими названиями.

В августе Петина бабушка вышла, наконец, из больницы. Мама предложила, чтобы перед школой Петя с папой хоть на две недельки слетали в Крым, покататься в море, набраться сил, чтобы у Пети остались интересные впечатления. И они улетели.

Они поселились в Симеизе, под горой Кошкой, купались под скалой Дивой. Уроки плавания, которые Петя получил на Волге, не пропали даром. Он спокойно поплыл. Вода была очень тёплая и горько-солёная. Несколько

Гора Кошка

раз они ездили в Алупку, гуляли в одном из самых прекрасных парков, любовались Воронцовским дворцом, его Львиной террасой, спускавшейся в Нижний парк. В *Верхнем парке* было три небольших пруда, в которых плавали лебеди, а надо всем величественно возвышалась гора Ай-Петри.

Воронцовский дворец

Давно-давно в Алушке были и другие горы, пониже. В результате вулканической деятельности они раскололись на множество беспорядочно нагромождённых глыб, образуя хаос. Теперь этот хаос красиво вписывается в парк.

Две недели промчались быстро. Но как много нового узнал Петя за эти дни! Он познакомился с диковинными растениями, узнал удивительные географические названия.

Ждать возвращения Александра Александровича мальчикам пришлось в этот раз чуть ли не целую четверть. Он остался очень доволен их рассказами и вспоминал эпизоды из своего детства. Он тоже с отцом ездил в Симеиз в девятилетнем возрасте. Из разговоров старших он узнал, что места здесь очень древние, что ещё до нашей эры здесь жили тавры и на вершине горы Кошки в каменных ящиках находятся их захоронения.

Он тогда ещё не знал, что на горы подниматься следует по тропам, в определённых, проверенных местах, и полез на «шею» Кошки прямо от своего дома, это называется лезть «в лоб». Лез-лез, пока совсем круто не сделалось. Огляделся — видит кости лежат. Решил, что таврские. Кое-как спустился, принес кости отцу, а тот говорит: «Бараньи»! На этом его подвиги археолога закончились.

Он легко и быстро объяснил мальчикам, откуда такие интересные даты. Ведь мир существует с незапамятных времён. Египетские фараоны жили, например, за 10—15 веков до нашей эры. Существуют различные условные точки отсчёта, которые у разных народов не совпадают. Если у нас сейчас XXI век и, обозначая годы, мы пишем 20..., то у арабов — только XV век, и они пишут тысяча четыреста... Наша эра и новое летосчисление, соответствующее европейскому, было введено на Руси Петром Первым. До этого, прежнее летосчисление за точку отсчёта принимало «сотворение мира», которое, по преданию, имело место за пять с лишним тысяч лет до начала нашей эры. Чтобы перевести старинные даты в современные, нужно вычесть из них число 5508. Так, 7333 в переводе на современное летосчисление будет 1825, а 7021 — 1513. Чтобы перевести арабские даты в общепринятые, надо к ним прибавить 562, например, 1433 значит 1995, а 1440 — 2002.

Александр Александрович сказал, что географические названия — вещь сложная. Разумеется, *Тригорское* происходит от трёх горок, *Петровское* — от имени *Пётр* (так звали хозяина имения), *Михайловское* — от имени Михаил. Но далеко не всё так просто. *Воронич* — старая принадлежностная форма. «Чей город?» — «*Воронич*». Возможно, в древности это место принадлежало потомку человека по имени *Ворона*. Было несколько дворянских родов с фамилией *Воронич*.

Что же касается крымских названий, то почти все они повторяют названия племён и родов, живших здесь когда-то народов. Он объяснил, что изучением географических названий занимается специальная наука — **топонимика**, названиями племён и народов — **этнонимика**. Когда они подрастут, они будут читать специальные топонимические книги. А пока он порекомендовал книги Льва Васильевича Успенского «Имя дома твоего» и «Загадки топонимики» а также Ивана Владимировича Сергеева «Тайна географических названий». Эти книги были у него на полках, все с дарственными надписями от авторов.

СТИЛИСТИКА

Когда Миша и Петя учились в четвёртом классе, предметов стало больше, появились новые учителя. Но по-прежнему Зоя Васильевна вела русский язык, а Светлана Александровна — английский.

В начале учебного года Зоя Васильевна сказала, что теперь они почти взрослые: они знают фонологию и морфологию. Пора заняться стилистикой. **Стилистика** — это учение о стилях речи, о способах выражения тех же мыслей в различных условиях общения.

Зоя Васильевна сказала, что стилистикой они будут заниматься очень долго, вплоть до окончания школы. Но чем раньше они познакомятся с её основами, тем легче им будет потом. Урок за уроком, она рассказывала ученикам, что понятие стиля возникло в архитектуре как совокупность особенностей, характерных для определённой эпохи, школы и даже какого-нибудь одного архитектора. Известны: *классический стиль, готический стиль, ренессанс, ампир, барокко, рококо* и другие. Зоя Васильевна показывала им рисунки, на которых изображены здания, построенные в этих стилях. Миша вспомнил книжку сказок братьев Grimm, напечатанную *готическим шрифтом*. Готические буквы напоминали башенки и стрельчатые окна готических построек.

Зоя Васильевна объясняла просто и доходчиво, ставила наводящие вопросы:

— Для чего строятся дома?

— Чтобы в них жить, чтобы собираться вместе для учения, отдыха, слушания музыки.

Neues

russisch = deutsches und deutsch = russisches

Taschenwörterbuch

von

M. J. A. E. Schmidt,

öffentlichem Lehrer der russischen und neugriechischen Sprache
an der Universität zu Leipzig.

Страница из немецко-русского словаря 1895 г.

— Значит, назначение зданий в разные времена одно и тоже. А посмотрите, как по-разному это «одно и то же» можно сделать.

Зоя Васильевна сказала, что понятие стиля быстро распространилось на все виды искусства: живопись, музыку, прикладное искусство. Она показывала цветные картинки с изображением мебели, посуды, внутреннего убранства комнат в разных стилях. Она даже принесла чайные чашки. Одна была сделана в деревенском стиле: простая, без узора, большая, из толстого коричневого фаянса. Другая выполнена в стиле барокко: небольшая, нежно-голубая, из тончайшего, почти прозрачного фарфора. По её стенкам сверху вниз извивались золотые веточки какого-то таинственного растения.

— Что такое чашка? Сосуд для питья. Пить можно даже из бумажного стаканчика. Изготавливая разную посуду, мебель, художник удовлетворял вкусы разных людей. Так по-разному выражал он одну и ту же идею: сделать пред-

мет, из которого можно пить, на котором можно сидеть (она показала снимки стульев, сделанных в разных стилях).

Когда дети хорошо поняли, что такое стиль в искусстве, Зоя Васильевна обратилась к языковым стилям и к стилям отдельных писателей, объяснив, что стилистикой занимаются и языковеды, и литературоведы. В одном стиле пишут басни, совершенно иной стиль газетного сообщения. Мы часто осуждаем канцелярский стиль, если им пользуются в литературных произведениях. Может быть стиль нейтральный, когда мы просто говорим или пишем, не пытаюсь принизить кого-либо или воспеть, прославить. Может быть стиль деловой письменной речи. Это официальный стиль с ограниченными возможностями. Может быть стиль научного изложения. Он также обладает своими особенностями. Может быть стиль возвышенный, поэтический и сниженный, просторечный. Каждый стиль хорош, когда он на своём месте. Если же выразительные средства, типичные для одного стиля, употребляются в условиях, требующих другого стиля, получается смешно. Иной раз писатель специально обращается к смешению разных стилей.

Очень хорошим стилистом был Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Возьмём, например, его сказку «Премудрый пескарь». Слово *премудрый* серьёзное, возвышенное: *премудрый волшебник* или *изобретатель*, а тут вдруг — *пескарь*. И слово *премудрый* сразу превращается в свою противоположность: из возвышенного становится издевательским. Или: у Антона Павловича Чехова в «Вишнёвом саде» один из персонажей обращается к мебели: «*Дорогой, многоуважаемый шкаф*». Сама формулировка *дорогой, многоуважаемый* требует за собой обращения по имени-отчеству, например, *Дорогой многоуважаемый Иван Иванович!*, а тут — *шкаф*. И весь заряд возвышенного превращается в комический. В театре в этом месте всегда смеются.

Мы обычно пользуемся литературным языком. Это особая форма существования языка со строгими нормами словоупотребления. Они постепенно создавались и совершенствовались в произведениях наших лучших писателей: Пушкина, Гоголя, Тургенева. Но у истоков языковой нормы стоит их великий предшественник Михаил Васильевич Ломоносов. Он первый почувствовал необходимость упорядочения языковых средств.

Дело в том, что литературный русский язык возник из объединения двух близкородственных письменных языков, существовавших на Руси в XVI—XVII вв. Одним из них был деловой русский язык. Им пользовались в канцеляриях, в приказах. Другим был церковнославянский — искусственно созданный язык церковной письменности. В разговорной русской речи богато использовались слова областные, не известные обоим письменным языкам.

Во времена Ломоносова наблюдалось значительное смешение выразительных средств, присущих и разговорной речи, и обоим письменным языкам. Чувствуя, что одни слова подходят для научного изложения, а другие не подходят, Михаил Васильевич предложил свою теорию трех *штилей* (так тогда назывались стили). Он выделил высокий штиль, предназначенный для торжественных стихотворений, трагедий и официальных церемоний; средний штиль — для нейтральных деловых разговоров, для написания повестей и рассказов; низкий штиль — для написания комедий, дружеских писем, для бытовых разговоров. В высокий штиль попали слова, вошедшие в русский литературный язык из церковнославянского, например, *глава* вместо голова, *длани* вместо руки, *ланиты* в значении щёки, *внимать* при русском слушать. Для многих вещей в русском литературном языке оказалось по несколько слов. Иной раз они слегка отличаются по значению, как, например, *здоровый* и *здравый*, сравните: *здоровый человек*, но

здравый смысл или *краткий рассказ*, но *короткий пиджак*. Иногда разница чисто стилистическая: *ворон* и *вран*, *холод* и *хлад*. Формы слов с двумя *о* русские: *город*, а с *а* — славянские: *град* (в том же значении).

В современный литературный язык принято много областных слов, например, *вприсядку*. Они обычно употребляются в более низком стиле, чем соответствующие им слова со старой литературной традицией. Сравните: *лягва* и *лягушка*, *обряд* в значении женское платье и *наряд*.

Слова среднего, нейтрального стиля имеют **СИНОНИМЫ**, т.е. слова с тем же значением, как в высоком, так и в низком стиле. Зоя Васильевна объяснила, что для стилистики очень важны синонимы, т.е. слова, которые звучат по-разному, а обозначают одну и ту же вещь, например, *конь* — *лошадь* и *кобыла* — *кляча* или *есть* — *кушать* и *вкусать* — *лопать* — *жрать*. Абсолютно точных синонимов нет. Даже там, где казалось бы, значение слов одинаково, они по-разному сочетаются с другими словами. Так, можно *бросить взгляд* на что-нибудь, но нельзя *швырнуть взгляд*, можно *обратить взор*, но нельзя его *обернуть*. Когда человек рассержен, можно сказать: он *рвёт* и *мечет*, но нельзя сказать: он *раздирает* и *бросает*. О спортсменах говорят: *метать копье*, *метать диск*, *молот*. Можно сказать в этом же значении *бросить*, *забросить*. Но у слов *бросить* и *забросить* есть свои другие синонимы: *оставить*, *покинуть*, не входящие в ряд *бросать* — *метать* — *швырять*. Переплетения и пересечения значений отдельных слов тонки и многообразны.

Чтобы дети лучше разобрались в синонимах и дали им правильную оценку, Зоя Васильевна задала несколько вопросов:

- Кто кушает?
- Маленькие дети.
- А кто ещё?

— Гости.

— А можно сказать: *я кушаю*?

Мнения разделились. Одни с полной уверенностью ответили: «да», другим стало смешно: «я кушаю, может быть ещё я, моё величество, кушаю?».

Зоя Васильевна объяснила, что грамматически сказать «я кушаю» абсолютно правильно, а вот стилистически — некрасиво. Получается излишне вежливое, подчёркнуто уважительное отношение к собственной персоне.

— Ну а *жрать* и *лопать*, — всегда ли неправильно обращаться к этим глаголам?

Поднялись руки:

— У меня мама иногда в шутку говорит: «опять вы всё *слопали*, я на вас не напасусь».

— А если в сказке: великан *сожрал* целого быка и ему показалось мало?

Миша очень живо представил себе страшную картину: лето, а дубы стоят голые: зелёная листовёртка *сожрала* или *пожрала* все молодые побеги.

Зоя Васильевна одобрила его наблюдательность и правильную оценку выразительных средств. Она объяснила, что всегда можно найти такие условия, в которых употребление литературно не принятых, сниженных выразительных средств уместно. Она рассказала, что когда она училась в университете и ездила в экспедицию собирать народные говоры, они интересовались, как эти глаголы употребляются в разных местах. Оказалось, что когда в деревне приносят корм корове или лошади, говорят: *ешь*, а дворовой собаке говорят: *жри*.

Объясняя премудрости стилистики, Зоя Васильевна не забывала задавать им домашние задания: придумать столько-то синонимов на такую-то тему или написать рассказ, используя синонимы.

Петя вспомнил о своём детском недомогании: *гланды* и *миндалины* оказались синонимами. Они обозначают

одно и то же, но в основу названий положены образы разных предметов. Эти слегка удлинённые образования, которые он постоянно прощупывал у себя под нижней челюстью, ближе к уху, называются *миндалины*, потому что по форме похожи на миндаль. Они также называются *гланды* от латинского слова со значением жёлудь — тоже небольшой продолговатый плод. Позже он узнал, что болгары зовут их *сливицы*.

Такие же синонимы *оливки* и *маслины*, *инжир* и *винные ягоды*, *бегемот* и *гиппопотам*. Почти синонимы *крокодил* и *аллигатор*. Аллигатор — особый крокодил, который живёт в Южной Америке.

Зоя Васильевна объяснила также, что хороший стилист свободно употребляет **антонимы**. Это слова с противоположным значением: *большой* — *маленький*, *высоко* — *низко*, *день* — *ночь*. У Антона Павловича Чехова есть рассказ «Толстый и тонкий», целиком построенный на противопоставлении двух людей. В фельетонах и юмористических рассказах антонимы иной раз употребляются один вместо другого, например, *малыш* или *малютка* о взрослом парне, чтобы показать его нерадивость, неуклюжесть, несоответствие роста поведению. В научных изложениях на антонимах строятся специальные обозначения: *большие планеты* — *малые планеты*, *физика низких температур* — *физика высоких температур*, *древний каменный век* — *новый каменный век*, *старая эра* — *новая эра*.

К разным значениям многозначного слова антонимы и синонимы бывают разными. Например, *худой* может обозначать «тощий» и «плохой» — это два синонима к двум значениям одного слова. К слову *худой* в значении «тощий» антонимы *полный*, *тучный*, *толстый*; к слову *худой* в значении «плохой» — *хороший*.

КРУЖКІ

С этого года Зоя Васильевна стала вести литературный кружок для всех, кто пробует свои силы в сочинении стихов или рассказов. Пришёл туда и Петя. Он оказался один среди старшекласников. Но ему было интересно, а Зоя Васильевна никого не прогоняла и никого насильно не держала: ходи, если тебе это нравится.

Петя принёс на кружок своё стихотворение «Осень». В один из первых учебных дней он сидел за своим письменным столом, смотрел в окно, увидел ослепительно жёлтую лиственницу на фоне голубого неба. Эта картина так его поразила, что стихи написались сами собой.

Осень

*Вот пришла уж осень — скучная пора:
Листья облетают, дождик льёт с утра.
Лиственница только в яркой желтизне.
Лишь один воробышек спрятался в листве.
Дождик, лей побольше! Воду не жалей,
Чтоб трава сухая стопа зеленей,
Чтобы птицы пели, чтоб цветы цвели,
Снова пусть цветенье будет у земли!
Но моя природа чахнет от дождя.
Листьями покрылась мокрая земля.*

Зоя Васильевна интересно построила работу кружка: каждое сочинение обсуждали все, начиная с младших по возрасту. Она высказывалась последней. По поводу Пе-

тино́го стихотворения́ было́ сделано́ несколько замечаний. Но Зоя Васильевна́ осторожно́ их отвела́ и сказала́:

— Для твоего́ возраста́ — хорошо́. Сочиняй побольше́.

С приходом новых учителей в школе стали работать и другие кружки́. Миша записался в кружок рисования́. Ему хотелось научиться́ рисовать по-настоящему́. Он чувствовал, что в его рисунках что-то было́ не так, но не знал, как исправить.

Руководил кружком Лев Георгиевич, весёлый, энергичный, чем-то напоминавший Николая Николаевича. Он начал с самого простого: давал детям рисовать геометрические фигуры. У него были необыкновенной величины куб, пирамида, шар. Он объяснял, как надо следить за освещённостью фигуры, как изображать тени. И Мише вдруг сделалось понятным всё то, над чем он бился часами. Лев Георгиевич ходил от ученика к ученику, одним штрихом карандаша или мазком краски вносил исправление в рассыпавшийся рисунок, делал его стройным и собранным.

Петя склонности к рисованию не имел, но его давно интересовала музыка. Он подошёл к Кларе Ивановне, молодой симпатичной учительнице и очень робко спросил:

— А если дома нет никакого музыкального инструмента, всё равно можно записаться?

Клара Ивановна, улыбаясь, ответила:

— Ну конечно! — и на её щеках обозначились милые ямочки.

Дома Петю отговаривали: «Ну какой из тебя музыкант?». Но Пете очень, очень хотелось постичь тайны музыки.

На первое занятие, как и следовало ожидать, пришло много ребят. Клара Ивановна объяснила, что они сначала займутся нотной грамотой, а потом постепенно она начнёт учить их игре на рояле. Петя с жадностью впитывал в себя новые слова: *нотный стан, скрипичный*

ключ, ди́эз, бемо́ль. Полтора месяца они писали и пели ноты. За это время отсеялись те, кто пришёл просто из любопытства, а остальных Клара Ивановна стала постепенно сажать к роялю.

Вскоре обнаружилось неудобство со временем. В школе был один рояль в конференц-зале и одно пианино в физкультурном зале. На индивидуальные занятия уходило много времени, даже если она занималась с каждым по 15—20 минут. Петя стал ходить в школу второй раз, чтобы в физкультурном зале учить задание по музыке. Там в это время тренировались гимнасты. Звучало со всех сторон: *сед, вис, кач...* Он вспоминал, как впервые услышал эти слова в спортивном лагере на Волге и как они тогда его поразили.

Гимнасты были предупреждены, что Петя учит урок по музыке, но его «первые шаги» иной раз им надоедали. Они кричали «перестань бренчать!» Петя очень расстраивался. Но боязнь сделать неприятное Кларе Ивановне, которая так ласково с ним обращалась, заставляла его каждый раз пересиливать желание уйти, и он продолжал играть. Зато какой наградой для него звучала похвала Клары Ивановны. К концу года у него уже стало кое-что получаться, гимнасты на него перестали сердиться и лишь покровительственно говорили: «Играй, играй!».

КАБИНЕТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Когда наши друзья учились в первом классе, это был первый год существования школы. Естественно, что многое было ещё недоделано, а некоторые замыслы ещё только зарождались. Все эти годы Зоя Васильевна мечтала, что у неё будет настоящий кабинет русского языка. Правда, её классная комната всегда именовалась кабинетом, но это было лишь начало. Школа работала по особенному: не учителя приходили в комнату, где постоянно находилась определённая группа детей, а ученики шли в помещение, закреплённое за учителем, и так с первого класса. Каждый учитель оборудовал свой кабинет, как ему было удобно. По мере прохождения нового материала в кабинетах появлялись таблицы, схемы, рисунки. Ученики охотно помогали учителям. Теперь вдоль стен кабинета русского языка стояли шкафы и витрины, где хранились интересные книги, сочинения детей. На стене, возле двери Зоя Васильевна прикрепила надпись: «Вначале было слово». Это вызвало большие споры. Многие считали, что следовало написать: «Вначале было дело» и изобразить первобытных людей с каменными орудиями.

Зоя Васильевна возражала, утверждая, что именно **слово** помогло людям почувствовать себя людьми и выделиться из мира животных. Она не раз объясняла и взрослым, и детям, что обезьяны, особенно человекообразные, не могут обрести дар слова. Этому препятствует как организация их мозга, так и устройство рта и гортани. Человек произносит множество разнообразных звуков благодаря тому, что его органы речи могут об-

разовывать различные преграды: губные и губно-зубные для звуков *п, б, в, ф*, зубные — для *з, с, д, т*. Выдыхаемая нами струя воздуха встречает препятствия и в гортани (особые звуки *г* и *х*), и в области задней части языка и мягкого нёба (звуки *к, г, х*). Мы можем пропускать струю воздуха через нос и получаем звуки *н, м*. Такими возможностями не обладает ни одно животное.

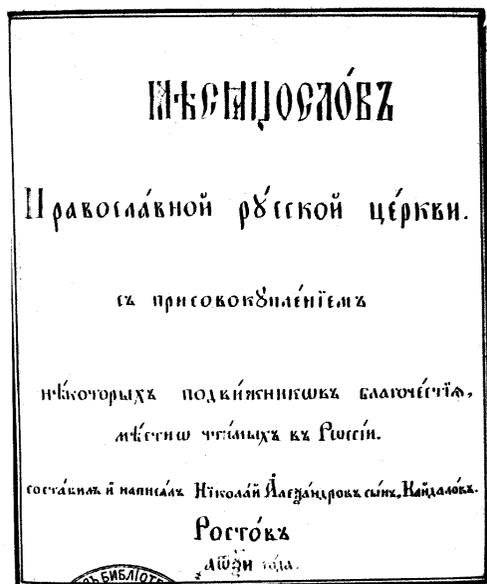
Например, домашние собаки хорошо понимают язык людей, но не могут сказать ни единого слова. Обезьяны передают друг другу до тридцати различных сигналов, но членораздельной речью не владеют.

Развитие речи способствовало формированию высшей нервной деятельности и такому развитию головного мозга, какого не достигло ни одно животное. Высоко организованными животными считают дельфинов. Одно время занимались изучением и расшифровкой сигналов, которые они посылают друг другу по воде. Но и это не членораздельная речь, а сигналы: о наличии пищи, об опасности.

Человеческое познание закрепляется в словах и речевых произведениях — книгах, словарях. Это позволяет накапливать большой объём знаний и создавать науку. Благодаря слову мы можем передавать знания не только друг другу, но и из поколения в поколение. Таким образом, **слово** — это материализованное общественное сознание. Без слова нельзя организовать никакого дела.

От слова *слово* в далёкой древности произошло собирательное название всех нас: *словёне*. Это значит те, кто понимает наше слово, нашу речь. Кто не понимал по-славянски получил от наших далёких предков прозвание *немцы*, то есть неспособные говорить по-нашему. Современное русское написание и звучание *славяне* сближает его со словами *слава, славный*. Но у других славян их самоназвание пишется через *о*.

Зоя Васильевна показала ученикам фотокопии, снятые с древних рукописных книг, с особыми буквами и затей-

*Титульный лист из рукописного месяцеслова XIX в.,
подаренного Михаилу Петровичу Погодину*

ливыми рисунками. Мише сразу захотелось срисовать эти интересные рисунки, и Зоя Васильевна поручила ему сделать это на большом листе бумаги. Когда рисунок был готов, он занял достойное место на стене кабинета.

По мере того, как учащиеся постигали тайны русского склонения и спряжения, на стенах кабинета увеличивалось число таблиц с грамматическими окончаниями. Зоя Васильевна называла их трудным словом **парадигмы**, что по-гречески означает «образцы, модели». Постепенно в кабинете появлялись портреты наших заслуженных языковедов. Миша и Петя очень обрадовались, увидев среди них и портрет Александра Александровича.

Потом Зоя Васильевна достала необыкновенно большой альбом и предложила «публиковать» в нём наиболее интересные сочинения учеников, сопровождая их рисунками. Альбом она предложила назвать «Юный фи-

лог», потому что в переводе с греческого филолог значит «любитель слова».

В последующие годы Зоя Васильевна постепенно объясняла своему классу, что почти все языки, распространённые на территории Европы, называются индоевропейскими. Все они родственны друг другу и, как полагают, развились из одного источника. Не относятся к индоевропейским в Европе лишь языки венгерский и финский. В эту же группу входят языки Индии, а также иранский и армянский. Она приводила интересные примеры: по-русски *брат*, по-индийски *бхрата*, по-немецки *брудер*, по-английски *брадер*. Она рассказала, что к числу древнейших слов относятся обозначения родственников, некоторых животных, частей тела, а также общеупотребительные глаголы и местоимения.

Она обратила внимание детей на то, что в русском языке есть несколько глаголов и существительных, отличающихся друг от друга чередованием *е* и *о* в корне: в глаголе обычно *е*, в существительном — *о*: *несу* — *ноша*, *везу* — *воз*, *стелю* — *стол*, *теку* — *поток*, *ток*. Это древнейшие слова нашего языка, а чередования в них называются *индоевропейскими*.

К более новым относятся чередования *е* — *и*: *запереть* — *запирать*, *умереть* — *умирать*, а также *о* — *а*: *ходить* — *хаживать*, *говорить* — *говаривать*, *заговаривать*, *поговаривать*.

Таблицы с чередованиями гласных вскоре также появились на стене кабинета русского языка.

КАБИНЕТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Пока Зоя Васильевна устраивала кабинет русского языка, Светлана Александровна оформляла свой кабинет. Зое Васильевне не требовалось специально создавать русскую обстановку, потому что вокруг и так всё было русское. Светлана Александровна хотела показать особенности страны изучаемого языка. Она повесила большую карту Великобритании, где названия городов, рек, морей, заливов были написаны по-английски. Петя и Миша были очень удивлены, обнаружив, что хорошо

Часовая башня английского парламента

известный из книг и газет пролив *Ла-Манш* называется по-английски *The English Channel* — *Английский канал*.

Возле самой двери, от пола до потолка, была изображена часовая башня английского парламента, которую иногда называют *Биг Бен*, т.е. «Большой Бен» по имени колокола часов-курантов, бой которых передается по английскому радио как сигнал точного времени.

Дальше следовали изображения наиболее знаменитых лондонских зданий, названия которых часто встречаются в литературе, в истории. Здесь можно было увидеть, как выглядит лондонский *Тауэр*, который сначала был городским укреплением, а потом — самой страшной тюрьмой. Рядом была фотография *Тауэрского моста* с

двумя оригинальными башнями, *Трафальгарской площади*, на которой возвышается *Колонна Нельсона*, знаменитого английского адмирала. Под его командой английский флот одержал в 1805 г. победу над объединённым франко-испанским флотом при мысе *Трафальгар*, западнее Гибралтара. Сам адмирал в этом бою был смертельно ранен. На Трафальгарскую площадь выходит здание Национальной галереи, где помещается крупнейшее в Великобритании собрание картин. У основания Колонны Нельсона покоятся четыре льва, отлитые из трофейных французских пушек.

Чтобы показать некоторые особенности английского быта, Светлана Александровна повесила рядом две интересные фотографии. На одной изображена выставка картин на Пиккадилли. Вдоль длинной улицы и примыкающего к ней бульвара, прямо на тротуаре, размещены картины, от серии итальянских пейзажей до наивных домиков и непонятных фантазий. А рядом стоят художники и ждут, не купит ли их работу кто-нибудь из прохожих. На другой фотографии изображен пожилой художник. На тротуаре, возле Национальной галереи, он расчертил подобие детских классов, в одной клеточке нарисовал цветочек, в другой — собачку, в третьей — птичку и так далее. В последнюю клеточку он поставил свою шляпу, полями кверху, — чтобы прохожие могли бросить в неё деньги и написал: Thank you (благодарю Вас). Сам художник сидит на скамейке возле своих рисунков.

Одна из стен кабинета показывала, чем интересуются английские дети. На ней была фотография находящейся в Лондоне статуи Питера Пана, мальчика, который никогда не становится взрослым, и Страны Никогда-Никогда (Never-Never Land), в которую он увёл девочку Уэнди и её братьев. Было там изображение Алисы в стране чудес и Чеширского Кота, который обладал интересной

особенностью: он мог исчезнуть, а улыбка его оставалась. Она могла появляться одна, без кота. Этот кот со своими повадками упоминается в некоторых английских поговорках, например, *улыбаться, как Чеширский Кот*, значит ухмыляться от уха до уха, во весь рот. Переносное значение слов Чеширский Кот — нечто неуловимое, внезапно возникающее и бесследно исчезающее.

Обе книги Л. Кэрролла, «Алиса в Стране Чудес» и «В Зазеркалье» пользуются в Англии большой любовью как у детей, так и у взрослых. Подобно тому, как в честь Питера Пана воротничок особого покроя называется *воротничком Питера Пана*, лента, плотно охватывающая голову девочки, называется *лентой Алисы*.

На одной из стен класса висели портреты Диккенса, Шелли, Теккерея, Байрона, Дарвина, Ньютона, Шарлоты Бронте, Вальтера Скотта, Оскара Уайлда и многих других деятелей английской науки и культуры.

Наконец, ещё одна стена была посвящена английской грамматике. Светлане Александровне не пришлось выписывать длинные парадигмы склонения, как в русском языке, потому, что падежей, подобных русским, в английском языке нет. Зато у неё была схема, показывающая место отдельных членов предложения — в английском языке очень жёсткий порядок слов. Особое место в кабинете было отведено неправильным глаголам — их в английском языке около двухсот. Правда, не все из них встречаются часто. Поэтому в таблицу включили некоторые.

Попадая в этот кабинет, учащиеся знакомились не только с английским языком, но и с английской культурой.

МАРФА ВЯЧЕСЛАВНА

«Марфина тетрадь» начала-таки заполняться. Мальчики записывали не только то, что она сказала, но и что и когда делала.

С пяти месяцев она принялась бойко болтать, но не на русском, а на «своём» языке. Она подолгу повторяла: *Дя, дядя, аляля! Дядля, няня, пррю.*

В шесть с половиной месяцев она впервые самостоятельно села, а через десять дней поднялась в кроватке на ножки. Вскоре ей купили манеж — это вроде маленькой комнатки, с полом, и с перилами вместо стен. На ночь манеж складывали, а на день раскрывали и сажали её туда.

В семь месяцев она с удовольствием стояла в манеже, широко расставив ноги, часто приседая. Кроме того, она ползала по манежу на четвереньках или сидела, перебирая игрушки. С десяти месяцев она стояла на полу, держась за кроватку, и требовала, чтобы её водили за ручку. Вскоре у неё появилась ещё одна забава: сидеть на чемодане и играть его замками.

Самостоятельно, без чьей-либо помощи, она пошла в десять с половиной месяцев. Первый свой поход она совершила на кухню, где была поражена обилием посуды. Она тут же схватила красивую кастрюлю и пошла с ней в комнату. Вот это действие было уже совершенно сознательным! Тогда же появилась и «сознательная» речь. Это было не то чтобы слово, а некоторое выражение, которое звучало то как *эма*, то как *мама*, то *мам-мам* или *амам*. И означало оно буквально всё: и бутылку с

кефиром, и есть, и на руки, и всех окружающих и знакомых ей людей. Вскоре однако в этих словах появилась разница. Слово *мама* стало обозначать маму, а есть она называла *ама*. Мальчики научили её махать ручкой и играть в ладушки. В одиннадцать месяцев у ней появилось ещё два сознательных слова: *ня-ня* «на ручки» и *а!* когда она видела что-нибудь интересное, но не знала, что это, и просила показать или назвать. С помощью того же *а!* она просила пить и ходить.

Разумеется, Александр Александрович был тут же посвящён во все новости. Он сказал:

— Очень хорошо, что вам удалось выделить тот недолгий период, когда девочка сознательно обращалась к окружающим с помощью звуков *ма-ма*, *эма*, которыми ещё пока никого не называла. Эти первые детские звуки дали основы многих слов в самых разных языках. Например, по-эстонски мама называется *эма*. Ваша Марфуша самостоятельно выделила это сочетание. По-грузински *мама* — отец. По-русски *мама* — мать. У греков *мама* значит кормить грудью. Всё это самые ранние звуки, которые произносит ребёнок, и каждый народ пытается их истолковать по-своему. Это начало так называемой **лэпетной** речи. Такого же происхождения слова *дядя*, *няня* и многие формы детских имён: *Ляля*, *Вава*, *Вова*, возможно, также *Нина*.

К году Марфа, помимо своих собственных слов, выучилась немножко говорить по-русски: *дидяня* (до свидания), *дан* (чемодан), *ниняня* и *ниняньдя* (не надо), *ганган* (горшок). Она усвоила также многие глаголы в неопределённой форме: *адить* (ходить), *сесть*, *влезть*, *слезть*, *встать*, *играть*, а в год сказала: *На-дать амасть*, т. е. надо есть.

Наблюдая за Марфой, Петя вспомнил, что «свой» язык у Шурика был совсем другим. У него все слова кончались на *-ка*, даже если в них ничего похоже не

было. Себя он звал *Сюлика*, бабушку — *ба́бика*, хлеб — *кле́бука*, селёдку — *куко́дика*, голубя — *го́блука*.

Марфа очень привязалась к Пете и Мише. Чуть ли не с пяти месяцев она улыбалась, когда они подходили к ней или брали на руки. Они же смотрели на неё как на живую куклу и целовали ей ручки и ножки.

В год она выучилась самостоятельно залезать на высокий стульчик, несколько раз срывалась, удерживалась на ручках и плакала от испуга. Тогда же она совершила своё первое «преступление»: разорвала книжку, которую ей принёс Миша.

— Я же говорил тебе, что ей ещё рано, — убеждал его Петя.

— Я и сам теперь вижу, что рано.

Марфа не интересовалась книгами. У неё была более интересная забава. Она выискивала в самых дальних углах забытые или прибранные кем-либо вещи, несла их тому, кто был дома, и заявляла:

— Ниняня!

Это мог быть и карандаш, и папин ботинок, и кухонная посуда. Очевидно, она путала «не надо» и «на, возьми».

В год и месяц ей понравилось сбрасывать со стола всё, что на нём было. Особенно часто доставалось её собственной салфетке.

На втором месяце второго года она выучилась опрокидывать стулья, знала, что этого делать нельзя, и с хохотом убегала. Тогда же выучилась таскать волоком чемоданы, при этом выбирала самые тяжёлые.

Чтобы отвлечь её от подобного буйства, мальчики стали учить её петь песни. И это помогло. Вскоре у неё оказались любимые песенки, которые она тянула тоненьким голоском. Если какая-нибудь песня ей не нравилась, она говорила: *Ниняньдя* и мотала головой.

На четвёртом месяце второго года она стала проявлять сознательный интерес к окружающему миру. Она

показывала на какой-нибудь предмет, вопрошающе тянула: *aaa?* и успокаивалась только тогда, когда ей объясняли, что это. Таким образом был изучен будильник со всеми кнопками, винтиками и стрелками, компас, сахарница, маслёнка, портфель.

На пятом месяце второго года мальчики обучили её «голосам» разных вещей. Они спрашивали:

- Как говорят часы?
- Бом!
- Как говорит будильник?
- Динь!
- Как говорит машина?
- Дррр!
- Как говорит киса?
- Ня!

Такое трудное слово, как *мяу*, ей пока не давалось. Зато у неё не было никакой проблемы со звуком *р*. По совету Александра Александровича мальчики каждый день «вместо зарядки» просили её произнести: *труд*, *трус*, *тряпка*, *драть*. Это подготовительное упражнение для того, чтобы произнести чистое *р*. Они её так усердно учили, что она сказала однажды: *замарчара* и после этого некоторое время всюду вместо *л* говорила *р*.

В полтора года она заговорила фразами. Это были команды: «нашлёпать мячик» (чтобы он прыгал); «мама, не надо открывать рот» (мама была очень усталая и всё время позёвывала); «опускивать письмо» (опустить письмо в ящик).

В два года это были умозаключения: «дядя землю починил» (исправил дорогу); «мама и папа — чело-веки».

К двум годам она выучилась самостоятельно есть ложкой. В честь своего двухлетия Марфа получила в подарок заводную обезьянку. Если покрутить ключик, она начинала кувыркаться. Это занятие так понравилось

Марфе, что она стала требовать: «завести шкаф» (т. е. открыть ключом), «завести дверь» (отпереть).

Вместо *лампа* она говорила *пампа*. Узнав, что папу можно ещё звать *папка*, назвала маму *мапка*.

В два с половиной года она неожиданно закашлялась.

— Ты что кашляешь? — спросила бабушка.

— Это чтобы доктора вызывать.

Когда у её куклы оторвалась голова, она потребовала: *приввать голову!* Бабушка разрезала пряник пополам, чтобы удобнее есть. Она заплакала: *Прирежь пряник* (т. е. соедини разрезанные части).

Она не говорила: *Я проснулась*, а говорила: *Я отснула*. Вскоре она сама придумала слово *отстрял*, т. е. выбрался на свободу после того, как застрял. В три года она стала сочинять стихи:

*Чай, чай,
Остывай!*

*Жил на свете паровоз
Без трубы и без колёс.*

В три с половиной года Марфа ходила с бабушкой на рынок. Бабушка всё время спрашивала: «Почём?». На обратном пути они встретили соседку. Желая узнать, как её зовут, Марфа спросила: *А ты почём?*

Увидев знакомого мальчика с собакой, она сказала: «Вот идет собака Найда с мальчиком на поводке».

В это же время она, наконец, заинтересовалась книгами. Больше всего ей нравилось называть номера страниц. Когда мальчики учили вместе какой-нибудь предмет, она подходила, тыкала пальчиком в цифру и говорила: «Три» или «Пять», часто невпопад.

Когда она познакомилась с «Мойдодыром» Чуковского, она попросила, чтобы ей ещё почитали «про моего додыра».

После первых успехов в усвоении русского языка Марфа вдруг начала огорчать Петю. Она уже достаточно чётко произносила многие слова, но не всегда хорошо разбиралась в их значениях. Например, она путала *ветер* и *вечер*, *сон* и *слон*. Однажды утром она заявила, что её *слон будил*. Петя решил, что слон ей приснился. На следующий день она сказала, что видела слон. Петя догадался, что здесь что-то не так. А когда она сказала, что *вечер деревья качает*, он срочно пошёл консультироваться к Александру Александровичу.

Тот его успокоил, сказав, что ребёнок в этом возрасте проделывает гигантскую мыслительную работу и что надо ему как-то помочь. Неплохо сочинить простые стишки, в которых эти слова были бы в типичном словесном окружении. Петя поделился этими соображениями с Мишей, и тот предложил сделать для Марфы специальную книжку с картинками. Оба приятеля горячо принялись за работу. Достали небольшой альбом с плотными листами, вырезали из красной бумаги буквы, аккуратно наклеили их на серую обложку. Вот и ясно, как называется книжка: «Марфа». На первом развороте слева приклеили картинку, изображавшую грушу, а справа — улыбающуюся рожицу девочки и написали старинный стишок, изменив его немного, чтобы подходил:

*Как в саду-садочке поспекает груша,
А в дому-домочке выросла Марфуша.*

Мальчики не скрывали свою работу от Марфы, она радостно скакала вокруг, залезала на стул, чтобы лучше видеть. Последующие страницы заполнялись медленно, по мере того, как у Марфы возникали какие-то сложности. Миша рисовал картинки, а Петя писал стихи:

*Мне вчера приснился сон,
Будто в двери входит слон.*

*Мне тут стало не до сна:
Покормила я слона.
Может это только сон?
Съел обед и ужин слон.*

Рисунки получились великолепные: к спящей девочке подходит слон и берет хоботом за уголок одеяла. Потом слон сидит за столом, у него повязана салфетка, а девочка кормит его с ложки. На последней картинке девочка стоит одна перед пустыми кастрюльками и тарелками.

Нарисовать ветер и вечер оказалось значительно труднее. Ведь их нельзя увидеть, хотя можно почувствовать. Миша изобразил сухие листья, которые ветер подхватил и несёт и гнущиеся от ветра деревья. А вот — домики, в окнах огоньки, а небо почти чёрное.

*Опустился летний вечер.
Тихо веет лёгкий ветер.
Тёплым летним вечерком.
Так приятно с ветерком.
Наступил осенний вечер,
И поднялся сильный ветер.
Тёмным долгим вечером.
Всё от ветра мечется.*

Александр Александрович одобрил то, что сделали мальчики. Особенно ему понравилось, что в стихах слова, которые требовалось объяснить Марфе, стояли в разных падежах. Ведь они склоняются по-разному; в словах *ветер* и *сон* выпадают гласные *е* и *о*: *ветра, сна*. А в словах *вечер* и *слон* — не выпадают. Он сказал, что давно-давно в словах *ветер, сон, день* и некоторых других писались буквы *ѣ* и *ь* которые произносились как полноценные гласные: *ветѣрь, сѣнь, дѣнь*. При склонении они не выпадали: *ветѣра, сѣна, дѣня*. Потом в русском языке произошли большие изменения. Звуки,

обозначавшиеся буквами ъ и ь, в одних положениях перестали произноситься, в других — стали звучать как о и е: сон — сна, день — дня.

Сейчас в нашем языке много внешне похожих слов, однако различных по происхождению. В одних словах эти е и о при склонении выпадают, в других — нет. Например, *молото́к* — *молотка́*, *молотки*, *чуло́к* — *чулки́*, *носо́к* — *носки́*, но *восто́к* — *восто́ка*, *брело́к* — *брело́ка*. В названиях животных и птиц эти о и е выпадают: *осёл* — *осла́*, *козёл* — *козла́*, *орёл* — *орла́*, *лев* — *льва́*, *соловей* — *соловьё́*. Но денежная единица Болгарии *лев* склоняется по-русски: *два ле́ва*, *десять ле́вов*.

Однажды Петя ехал с Марфой в автобусе. Народу было немного. На соседней скамейке сидела женщина с девочкой Мариной и кормила её мандаринами. А девочка вместо *р* говорила *л*, и у неё получалось *Малина* и *манголины*. Ехавшая впереди женщина что-то читала. Но, когда услышала их беседу, подняла голову и заявила: «Что-то у вас с дикцией неважно!»

Когда Петя и Марфа вышли из автобуса, та начала задавать вопросы: какая разница между Мариной и малиной, манголиной и мандариной? Пришлось сочинять новые стихи и рисовать. Миша изобразил двух девочек,

*Спал медведь
в лесной малине...*

которые едят мандарины, медведя в кустах и манголину, к которой подлетает птичка, а Петя сочинил:

*Мы с Мариной, мы с Мариной
Уплетаем мандарины.*

*Спал медведь в лесной малине;
Чиж играл на манголине.*

После этого Марфу как прорвало. Она стала без конца задавать вопросы: почему хлеб коричневый, а называется чёрный? Почему знакомая тетя живёт на втором

этаже, а подниматься к ней надо только по одной лестнице? Почему собака лает, а кошка мяукает? и так далее.

Ответы на все эти вопросы писались и рисовались в книге.

Вскоре Марфа сама стала придумывать слова для вещей, названий которых ещё не знала, при этом была абсолютно уверена, что вещи зовутся именно так. Перловую крупу она назвала *крупа с занозами*, икры ног — *бутылками*, каменный краешек тротуаров — *паником*, и очень любила ходить по «панику». Когда папа купил арбуз, она решила, что это мячик и бросила его об пол, чтобы подпрыгнул, а арбуз раскололся на несколько частей.

Когда они однажды гуляли с Петей в Лесочке, они увидели двух коз лесника. Марфа не знала, что это козы, зато собак, самых разнообразных, у всех соседей было предостаточно. Она решила, что и это собаки. Её не удивило, что у собак на головах торчали рожки, но что эти собаки ели траву ей показалось странным.

В пять лет Марфа начала сочинять сказки, а мальчики прилежно их записывали. Вот одна из них.

Ребёнок-медвежонок

Жил был ребёнок. Он был медвежонок. А мама у него была Большая Медведица. Было у неё семь звёзд: две на глазах, две на ушах, две на плечах и одна на носу.

После того, как мальчики сводили Марфу в зоопарк, она принялась сочинять названия для домов, в которых живут звери. Если у больших лошадей, коней — *конюшня*, то у маленьких пони — *понюшня*, у ослов — *ослятня*, у львов — *львятня*.

Увидев тир и узнав, что там стреляют, она переименовала тир в *пифпафню*. Александр Александрович как-то заметил, что таким образом ребёнок постигает систему своего языка.

Пока Марфа росла и умнела, мальчики жили своей интересной жизнью. С утра школа, потом кружки. После обеда Миша шёл к Пете, чтобы вместе готовить уроки. Бабушка в это время обычно отдыхала. Марфуша не мешала их занятиям: они устраивали для неё игру «В школу».

Петя и Миша усаживались к большому столу, а Марфу сажали за маленький столик и задавали ей урок. У неё были тетради, карандаши, книжки с картинками. Например, ей давали срисовать что-нибудь из книги или нарисовать с натуры. И пока она пыхтела, мальчики быстро решали задачи по алгебре и геометрии. Рядом с учебниками лежала «Марфина тетрадь», куда записывались все интересные слова и выражения, которые она говорила, при этом каждый раз, как учил Александр Александрович, помечалось, когда, какого числа, она что-либо сказала и при каких обстоятельствах.

Когда Марфа заканчивала свой рисунок, Миша к ней подходил и говорил:

— Уважаемая Марфа Вячеславна! Вы, конечно, очень хорошо постарались, но здесь (он показывал кончиком своего карандаша) у Вас явный беспорядок. Извольте, пожалуйста, исправить.

Марфуша принималась исправлять, а мальчики тем временем заканчивали письменные уроки. Потом Марфин рисунок проверялся, ставилась отметка, и объявлялась большая перемена. Все возились на ковре: кувыркались, становились на голову и на руки. Можно было сбегать на кухню, попить компота, съесть яблоко или морковку, которые для них приготовила бабушка.

Затем все садились на диван, на тот самый, на котором Петя и Миша качались в день своего первого знакомства. Петя и Миша раскрывали учебники, а Марфа, сидя между ними, поочередно заглядывала в обе книги. Обычно один из мальчиков читал вслух, а другой рас-

сказывал. Марфа слушала очень внимательно, хотя половины не понимала.

Когда в «Слове о полку Игореве» Марфа услышала «Иже зарезал *Редедю* пред полками косоожскими», она тихонько сползла с дивана, понуро пошла в уголок, где были её игрушки, принесла медвежонка и сказала:

— Вот моя *медведя*, только не надо её зарезать.

«Марфина тетрадь» пополнилась ещё одним выражением. Марфа сначала не догадывалась, что мальчики записывают за ней, а поняв это, пришла в восторг.

— Это книжка про меня! — заявила она.

Марфа постоянно требовала, чтобы ей читали про неё и гордилась, что у неё теперь две «своих» книги.

Время от времени мальчики ходили к Александру Александровичу показать «Марфину тетрадь». Он всегда был рад их приходу. Однако они старались не беспокоить его, потому что чувствовал он себя неважно и, несмотря на это, много работал, готовил новое издание словаря.

Однажды они его спросили, как правильно: *Вячеславна* или *Вячеславовна*. В свидетельстве о рождении Марфы записано последнее. Да и у Пети написано: *Пётр Вячеславович*, а бабушка упорно говорит *Вячеславич*, *Вячеславна*.

Александр Александрович объяснил, что есть две нормы для русских отчеств: письменная и устная. В письменной форме отчества сохраняют морфологическую точность: к основе имени отца прибавляется *-ович* или *-евич*, иногда *-ич*: *Иван — Иванович*, *Василий — Васильевич*, *Савва — Саввич*. Устная норма значительно отличается от письменной, книжной: говорят *Иваныч*, *Васильич*, *Вячеславич*, *Михалыч*, *Николавна* и даже *Анныванна (Анна Ивановна)*.

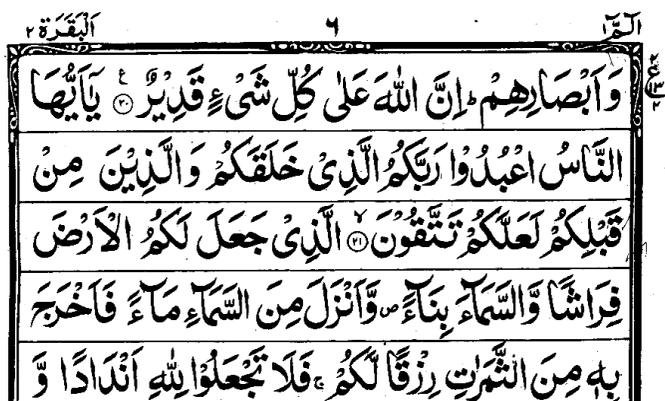
Долг платежом красен, — как выражается бабушка. И вот Марфуша уже умеет писать печатными буквами и читает по складам. Она решила сделать книгу про всех.

Взяла тетрадку, обернула её в бумагу, чтобы обложка была поплотнее, подклеила уголки, чтобы бумага не разворачивалась, и написала: «Книжка про нас». Она нарисовала маму и папу, брата и Мишу, себя, бабушку. Работала она тайком, когда Петя был в школе, и хранила эту тетрадь под матрасом, чтобы, когда будет готово, сразу показать и всех обрадовать.

И вот торжественный воскресный день. Марфа извлекает своё произведение и кладёт на стол перед всей семьёй. Слышатся слова удивления, восхищения. Но папа говорит:

— Всё, доченька, хорошо, только почему же твоя книга начинается наоборот, справа, там, где обычно книги кончаются?

Марфа смутилась. Мама сказала, что это не беда, важно, что Марфуша потрудилась и сделала интересную вещь. Петя её поддержал: следующий раз она сделает, как надо. А потом Петя рассказал (он уже знал это), что в какую сторону писать и открывать книги — это условность. Мы пишем слева направо, и так же листаем книгу. Арабы пишут справа налево, и их книги открываются с той стороны, где в наших книгах последняя

Фрагмент газетного листа,
напечатанного арабскими буквами

страница. У них же там заглавие. Марфа ничего этого не знала, и сделала свою книгу, как у арабов. Китайцы и японцы пишут сверху вниз и справа налево. Их книги открываются так же, как Марфушина. Древние греки иногда писали по кругу: начинали наверху, дописав до угла первую строчку, поворачивали лист и писали по правому краю, затем по нижнему краю и по левому, дойдя снова до верха страницы, писали вторую строчку под первой и т. д. Такое письмо напоминало улитку. Был у греков и способ бустрофедон, т. е. «поворот быка». Сравнивая своё письмо с тем, как быка поворачивают на пашне, когда пахут землю, человек писал одну строчку слева направо, следующую — справа налево и т. д.

Обрадованная Марфуша снова гордилась своей работой, называя её «арабской книгой».

ЛЮБИТЕЛИ СЛОВА

Когда наши друзья учились в седьмом классе, Зоя Васильевне удалось осуществить ещё одну мечту. Она пригласила в школу Александра Александровича, и он охотно отозвался. Он помнил Зою Васильевну ещё студенткой. Всегда восхищался её изобретательностью, терпеливостью, большой работоспособностью, высокой требовательностью к себе и другим, считал её талантливым педагогом.

За несколько дней до встречи он, возвращаясь домой, позвонил в Петину дверь и попросил его зайти вместе с Мишей. Александр Александрович откровенно и просто рассказал о предстоящем выступлении в школе и спросил, чем интересуются ребята.

И вот наступил долгожданный день. Миша и Петя зашли за Александром Александровичем. Он в ослепительно белой рубашке и новом костюме. Но ходить он стал, увы, с палкой.

В переполненном зале его приветствуют учащиеся всех классов. Зоя Васильевна представляет его детям как своего учителя, как автора всем известного словаря, изумительного педагога и человека.

Поздоровавшись и поблагодарив за оказанную ему честь беседовать с юными любителями слова, Александр Александрович задал, казалось бы, простой вопрос:

— Как вы думаете, един ли наш русский язык?

Ответы слышались разные. Одни говорили, что, конечно, един. Другие сомневались.

— Вот некоторые сомневаются. Это очень хорошо, Это значит, что вы уже начали думать. А что такое думать? Это значит сопоставлять известные факты. Скажу сразу: наш язык не един. И никакой язык не един, не только потому, что он включает разные уровни, но и потому, что в разных местах нашей страны говорят не одинаково.

Начнём с уровней. Это такие отделы, из которых состоит язык. В первом классе вы изучали **фонемы**. Это простейший, низший уровень. Фонемы — это, образно выражаясь, мельчайшие «кирпичики», из которых в языке строится всё.

Второй уровень — **морфемы**. Это значимые части, из которых формируются слова. Морфемы состоят из фонем, но морфема ещё не слово. Сколько морфем в слове *школ-а*?

— Две.

— Правильно. Одна смысловая, или корневая, и одна служебная. А в слове *стол*? Тоже две. Не удивляйтесь. В форме *стол* мы имеем дело только с основой слова. А в формах *стол-а*, *стол-у* появляется и окончание. Чтобы не разрушать парадигму, в последнее время стали говорить, что в именительном падеже слова *стол* и других подобных слов имеется **нулевое окончание**, **нулевая морфема**, которая в косвенных падежах делается очевидной, материально выраженной.

Во втором классе вы занимались **лексикой**, учили, какие бывают слова, знакомились со словарями, изучали ещё один уровень языка, уровень слов. Последнее время вы проходите **синтаксис**. Это наиболее сложный уровень, который складывается на основе прочих, уровень целого высказывания. Но без фонем и морфем не было бы слов, а не будь слов, не из чего было бы строить предложения.

Мы говорим, что наш язык **системен**. Но это не простая **система**. Это система систем, где каждое звено,

каждая небольшая подсистема обеспечивает надёжность остальных. Кто из вас хоть немного играет в шахматы?

Поднялось много рук.

— Шахматы — тоже система. Допустим, у вас идёт позиционная игра. Вы не можете произвольно снять с доски ни одной фигуры, не изменив оценки позиций обоих противников.

Несколько мальчиков заёрзали на своих местах. Обращаясь к ним, Александр Александрович продолжал.

— Я понимаю, вы хотите сказать, что иной раз, когда вы играете со старшими, они дают вам «фору», т.е. снимают с доски какую-нибудь свою фигуру, обычно ладью. Но тогда они сразу развивают свою позицию, исходя из наличного материала. А когда игра началась, складывается определённая система отношений между фигурами противников и между своими фигурами каждого партнёра.

Одно из условий шахматной игры — необходимость защищать свои фигуры. Защита может быть недостаточной, достаточной и избыточной.

Интересно, что на примере шахматной партии — системы отношений, которая развивается у нас на глазах, — можно анализировать и другие системы. Ведь система языка для нас не столь очевидна. Нам её трудно непосредственно наблюдать. Своеобразная «защита» для единиц языка — это различительные признаки фонем, слов и даже предложений.

— Чем, например, отличаются фонемы *п* и *б*?

— Глухостью и звонкостью, — дружно ответили школьники.

— Правильно. А если я «выключу» голос, буду говорить шёпотом: *пана, баба*. — Он несколько раз повторял эти слова то громко, то шёпотом. Оказалось — разница тоже была. Александр Александрович объяснил, что у этих фонем есть «дополнительная защита»:

бóльшая или мéньшая напряжённость голосового аппарата.

— В каком случае напряжение больше?

Дети подумали и ответили: «У глухих».

— Поэтому глухие иногда называют *сильными*, а звонкие — *слабыми*.

— А вы обращали внимание на то, что немцы, не современные, которых обучают русскому языку с помощью новейшего оборудования, а те, которых изображали в русской литературе в прошлом, часто путали *б* и *п*, *д* и *т*? Эти очень тонкие наблюдения наших писателей свидетельствуют о том, что напряжённость — ненапряжённость для иностранца важнее, чем глухость и звонкость. Так, в произношении иностранцев получается *дридцать* (тридцать), *бомощь* (помощь), *таракой трук* (дорогой друг).

В некоторых немецких диалектах слабые согласные могут произноситься без голоса, тогда они отличаются от сильных только более слабым выдохом и образуют пары не как у нас: *б* — *п*, *д* — *т*, а *п* сильное — *п* слабое, *т* сильное — *т* слабое. Вот вам и ещё один способ системной организация согласных.

Таким образом, наш язык — это система систем, которая включает систему фонем, многочисленные системы слов, организованных по различным принципам, и систему грамматических отношений, как бы увязывающую воедино всё это языковое богатство.

Теперь о том, что в разных местах нашей страны, даже там, где, казалось бы, русские жили всегда или так долго, что уже и не помнят, когда сюда пришли их предки, люди говорят по-разному. По-научному это называется *территориальные диалекты*. Есть, например, акающие, окающие, якающие говоры. Изучение этих говоров даёт нам замечательный материал по истории языка, а вместе с тем — и по истории народа.

Диалектолог — учёный, изучающий диалекты, — имеет дело не с литературно нормированным произношением, а с живым народным словом в бесписьменном диалекте. И этот диалект он записывает особыми значками — *транскрипцией*. В наше время на помощь диалектологу приходит диктофон. Диалектологи выезжают в разные места и привозят множество интересных записей.

Например, в южновеликорусских диалектах встречаются формы *нясу, нясёшь, нясла́* — это яканье. На севере России и в Поволжье распространено оканье: *Окно, Овёс*. В ряде областей говорят со значительным смягчением согласных: *дефьки, на лафьки, ниткими, иголкими*. В ряде мест наблюдается чередование *ц* и *ч*: *чапля* вместо цапля; *хоцу* — вместо хочу.

И всё же, несмотря на все эти отличия, ещё Михаил Васильевич Ломоносов отмечал, что «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и сёлах» (т. 7, 590).

— Кто из вас видел книги, изданные до революции?

Поднялось несколько рук.

— А что это там за буква «ять»?

— Она как наше *е* читается!

— Правильно, сейчас она читается как *е*. Но ведь она не случайно была введена. В прошлом она имела особое произношение, звучала более закрыто. В украинском языке на месте «ять» в ряде позиций развилось — *і*, а в болгарском — *я*. Мы говорим *белый*, украинцы — *білий*, болгары — *бял*. Буква «ять» унаследована в нашей письменности от исторически более далёкого периода. В некоторых диалектах русского языка слова, где писалась буква «ять», до сих пор имеют особое произношение.

Есть ещё одно важное обстоятельство, не позволяющее языку быть единым. Любая профессиональная

деятельность человека сопровождается появлением особых слов и выражений. Даже такие, казалось бы, общедоступные занятия, как сбор грибов, ягод, лекарственных трав, требуют употребления специальных слов, которые не нужны в повседневной речи. Все мы каждый день едим хлеб, но не употребляем в своей речи ни обозначений различных сортов муки, ни названий того оборудования, которое используется в хлебопечении.

Занимаясь техникой (велосипед, электропроводка, радио), вы усваиваете слова, которые не нужны земледельцу, лесорубу, нефтянику. И чем шире развиваются наука, искусство, техника, производство, тем больше возникает так называемых **подъязыков**. Каждый подъязык имеет особый набор своих специальных слов, которые употребляются только в данной области человеческой деятельности.

Возьмём самое простое слово русского языка: *волна*. Это слово, общее для всех. Но у физиков начинается его специализация: *световая волна, магнитная волна, радиоволна*. Слово *луч*, единое и общее для всех, говорящих по-русски, получает специализацию: *рентгеновы лучи, альфа-лучи, бета-лучи, гамма-лучи*. В геометрии *лучом* называют определённую линию.

С давних времён совершенно по-особому говорили моряки. У них не *кóмпас*, а *компáс*, не *ра́порт*, а *ра-пóрт*. И вообще на корабле всё называется по-особому: не стена, а *перебо́рка*, не потолок, а *пóдволо́к*, не комната, а *каюта*, не лестница, а *трап*. Алексей Николаевич Толстой в рассказе для детей «Как ни в чём не бывало» с тёплым юмором излагает всё это в доступной для детей форме:

«Помните раз и навсегда — в морском деле не было и не существует слово “верёвка”. На корабле есть *ва́нты*, есть *фа́лы*, есть *шкóты*, есть *канáты якорные* и *причалные*. Самая обыкновенная верёвочка на корабле

называется *конёц*. Но если вы в открытом море скажете “верёвка”, вас молча выбросят за борт как безнадёжно сухопутного человека».

Сооружая свой корабль, маленький герой этого рассказа, Никита, установил небольшую мачту. «К фалу был привязан парус, сделанный из простыни и щёточной палки, — всё же на морском языке такой парус называется *мáрсель*. А палка от половой щётки — *рея*. Другой конец фала, называемый шкот, Никита держал в руке.

— Выбирай *фа́лы*, подымай *марселья́*, ложись на правый *галс*, крепи *шкóты!* — закричал Никита морским, солёным голосом».

Что произошло дальше с Митей и Никитой, вы узнаете, когда прочтёте этот забавный рассказ. Я же привёл вам этот пример, чтобы показать неединство, и в то же время необыкновенное внутреннее единство нашего языка.

У нас есть территориальные диалекты и профессиональные подъязыки. Диалекты отличаются от литературно нормированного языка и произношением, и составом слов, профессиональные подъязыки — главным образом составом слов. Специальных слов в профессиональных и территориальных подсистемах вместе взятых значительно больше, чем в литературном языке. Всё это богатство языка отнюдь не обязательно знать всем. Но, поскольку в скором времени вам предстоит выбор профессии, я хочу вам напомнить, что каждой профессии сопутствует свой подъязык, и овладение профессиональными знаниями включает овладение этим подъязыком.

В средние века международным языком учёных был латинский. Тогда профессиональное обучение непременно сопровождалось изучением латинского языка. Сейчас русский язык стал одним из международно признанных. Обучаясь профессиональному знанию, жители разных стран совершенствуют своё знание русского

языка, чтобы иметь возможность читать литературу и профессионально общаться с нашими специалистами.

Окончив своё выступление, Александр Александрович сказал, что с удовольствием ответит на любые вопросы тех, кто его слушал. Вопросов оказалось много. Зоя Васильевна пыталась уговорить детей воздержаться, не спрашивать больше, потому что Александр Александрович устал. Но он терпеливо отвечал, сказав, что неизвестно, когда они ещё встретятся.

И СНОВА БАБУШКА

Теперь, когда Петя уже с полным основанием считал себя юным филологом, он всё чаще прислушивался к тому, как говорит его бабушка. Она говорила интересно, не как все. Она не окала, не якала, не пользовалась каким-то особым диалектом, но в её речи были такие слова, каких не было у окружающих. И никто не употреблял столько пословиц и поговорок, при этом всегда к месту.

Когда у них появилась Марфуша, все говорили: *родилась*, а она — *народилась*. Петя спросил об этом Александра Александровича, и тот рассказал интересную вещь: наше произношение меняется, незаметно, но непрерывно. Он сказал, что в детстве он говорил обычно: *родилась*, *родился*. А теперь литературной нормой становится *родилась*, *родился*. Но в песенке «В лесу *родилась* ёлочка» сохраняется старое ударение. Что же касается слова *народилась*, то это очень древняя форма. Отсюда недалеко и до слова *народ* — собирательно — все, кто *народился*.

Когда бабушку спрашивали, почему она то и дело употребляет в своей речи пословицы, она отвечала:

— Пословица — всем делам *порешница*: всё решает. В ней ум народа.

И Петя завёл «Бабушкину тетрадь», куда стал записывать её пословицы.

Если ей случалось взять у соседок взаймы луковицу или морковь, она отдавала те же овощи большего размера. Ей возражали, зачем такую большую? Она отвечала:

— Займёшь лычко — вернёшь ремешок.

Когда на Петю или Марфу вдруг напал большой аппетит и они говорили, что им хочется съесть ещё огурец или пирожок, она отвечала:

— Ешь, пока рот свеж.

Дети сначала не понимали этого выражения. Им казалось, что это присказка ради рифмы. Бабушка объяснила, что в этом выражении глубокий смысл, и не только буквальный, дескать, ешь, пока зубки молодые, а без зубов жевать трудно. Переносный смысл этого выражения такой, что любое дело хорошо предпринимать, пока у тебя есть силы и охота. Не станешь же ты в шестьдесят лет состязаться в беге или учиться на оперного певца!

Когда в семье шёл спор, поступать ли Пете в музыкальный кружок, окончательное решение неожиданно и коротко прозвучало из бабушкиной пословицы: «Никакое знание за плечами не висит», т. е. любое знание может пригодиться в жизни. И как потом Петя был ей за это благодарен!

Любимой бабушкиной поговоркой было «Сам себя выручай», т. е. не надейся на то, что кто-то придёт и тебе поможет. Бабушке очень трудно пришлось после смерти мужа, когда она осталась одна с десятилетним Вячеславом. Она выучилась шить, перешивала сыну вещи из старых мужниных костюмов. Она сама вязала, очень экономно вела хозяйство. Когда она уходила на целый день на работу, а Вячеслав оставался дома один, сослуживицы спрашивали её, не боится ли она дурного влияния ребят со двора. Она отвечала: «Грязное к чистому не прилипнет!».

И ещё у неё была интересная поговорка «С чужого коня среди грязи долой». Это значит, что если ты что-то взял у соседа или пользуешься чужим и эта вещь тебе нужна, всё равно, по первому требованию хозяина, её следует отдать.

Если она видела у других какую-нибудь интересную вещь, а купить себе такую же не могла, она говорила: «Хороша Маша, да не наша». О своих возможностях она говорила: «По одежке протягивай ножки». У этой поговорки тоже два смысла: буквальный, потому что смешное впечатление производит человек, одетый не по возрасту и не по сезону, и переносный: больно смотреть, когда человек пыжится, стараясь сделать что-то непосильное. Александр Александрович в таких случаях вспоминал басню Крылова «Лягушка и вол» и просил своих друзей не уподобляться этой лягушке.

Когда некоторые знакомые сочувствовали бабушке, что её сын ещё не скоро начнёт зарабатывать и ей одной очень трудно, она обрывала: «Своя ноша не тянет». Когда говорили, что Пётр Саввич мог бы сделать многое для семьи, да не успел, она отвечала: «Снявши голову, по волосам не плачут».

Если кто-то из сослуживцев болтал вздор, она заявляла: «Нелюбо — не слушай, а врать не мешай» или: «Собака лает — ветер носит».

Когда надо было быстро сделать что-нибудь важное, она говорила: «Куй железо, пока горячо».

Когда Петя начинал хвастаться, она вспоминала при сказку: «Ржаная каша сама себя хвалила: “Я с мёдом хороша”. А мёд говорит: “Врёшь, я и без тебя хорош”».

Бабушка считала, что какими вырастают дети, во многом зависит от родителей, приводя при этом пословицы: «Яблочко от яблони недалеко падает» и «Что посеешь, то пожнёшь». Она часто вспоминала страшный случай, происшедший в одной семье. Родители уехали. Остался один мальчишка лет двенадцати — тринадцати. Приятели подговорили его стащить у соседней фотоаппарат. Когда родители вернулись и обнаружили у себя чужой аппарат, они учинили мальчишке допрос, а потом аппарат выбросили, чтобы никто ничего не узнал. Спус-

тя два — три года те же приятели подговорили мальчишку стащить у соседей что-то более ценное. Все попались и угодили в колонию.

Бабушку спрашивали, а как бы она поступила, если бы подобная история произошла с её Вячеславом. Она отвечала, что поступила бы с ним единственным способом: схватила бы за руку и повела к тем соседям, вместе с аппаратом. Пусть ему тогда было бы очень стыдно, зато от последующего преступления он был бы избавлен.

Петя задал бабушке трудный вопрос.

— Мы любим нашу Марфу. Она у нас такая хорошенькая. А если бы она была больная?

Бабушка опять ответила поговоркой: «Дитя хоть и криво, — отцу, матери мило». Она объяснила, что это большое несчастье, когда бывают неизлечимо больные дети, и что таких детей и их родителей надо всячески щадить.

Но бабушка учила, что нужно уметь и постоять за себя, приводя в качестве довода поговорку «Плюй в глаза — всё божья роса» — о тех, кто безропотно сносит обиды.

Бабушка любила и такие пословицы, как «Тише едешь — дальше будешь» или «Семь раз примерь — один отрежь». Она повторяла их, когда кроила и шила платица для Марфы или когда Петя, запыхавшись, прибежал из школы, просил поскорее что-нибудь поесть, чтобы бежать дальше. Когда он говорил слишком громко, она спрашивала: «Что ты кричишь во всю Ивановскую?». Когда кто-то неожиданно сообщал что-либо неприятное, она говорила: «Как снег на́ голову» или: «Обухом по голове». Когда Петя с папой улетали в Крым и мама хотела им дать с собой яблок, бабушка возразила. «В Тулу со своим самоваром ехать». О человеке, которому всё с рук сходит, она говорила: «Как с гúся вода».

Если Петя чему-либо очень удивлялся, она спрашивала: «Что ты смотришь на меня, как баран на новые ворота?». А если он слишком большое значение придавал какой-то вещи, она говорила: «Что ты носишься с ней, как с писаной торбой?».

Вот какая интересная была у Пети бабушка. Он показал Александру Александровичу «Бабушкину тетрадь». Тот одобрил, а потом достал с полки очень толстую книгу в тёмно-зелёном перелёте: В. И. Даль. «Пословицы и поговорки русского народа». Он рассказал, что тот самый Владимир Иванович Даль, автор самого интересного «Толкового словаря живого великорусского языка», составил и этот сборник, где были пословицы и поговорки на все случаи жизни.

Петя приуныл: зачем же он зря записывал пословицы и поговорки, если они уже давно записаны. Александр Александрович успокоил его. Во-первых, у его бабушки могли оказаться такие пословицы, каких нет у Даля. Во-вторых, и это главное, — Петя записал те пословицы, которые употребляются в его семье. В них — целый мир бабушки, система её взглядов на жизнь, образ её мыслей. Благодаря этому он никогда не забудет бабушку. Со временем он сам начнёт употреблять эти выражения, а значит и пользоваться тем богатством народного языка, которым она так хорошо владеет.

Александр Александрович показал Пете многотомный «Словарь русских народных говоров», в который вошло всё, что есть у Даля, и ещё многое другое. Он добавил, что в «Бабушкиной тетради» может быть то, что уже есть у Даля, а может быть что-то исключительно своё, бабушкино.

ЭКСПЕДИЦИЯ

Весной, когда мальчики кончали восьмой класс, их постигло большое горе. Скончался Александр Александрович. Он плохо себя почувствовал в институте. Вызвали скорую помощь. Забрали в больницу. Через несколько дней его не стало.

Мальчики узнали об этом от Николая Николаевича. Он позвонил и сообщил о похоронах. И до его звонка они чувствовали что-то неладное. Они не встречали Александра Александровича, в окнах у него не зажигался свет. Пробовали звонить и стучать в дверь, но никто не открывал.

Они договорились с Николаем Николаевичем, что вместе пойдут проститься со своим добрым наставником, который стал им почти родным. Встретившись у метро, они направились к светло-зелёному зданию с надписью «Институт русского языка», поднялись по широкой лестнице и вошли в зал. С первых же шагов они почувствовали печальную торжественность обстановки. Играла тихая музыка. Люди говорили шёпотом. Некоторые старые знакомые просто молча подходили друг к другу, кивали, жали руку. Многие плакали. Начался траурный митинг. Друзья, сотрудники, ученики Александра Александровича рассказывали о том, какой он был большой учёный, хороший товарищ, верный друг. Мальчики увидели Марию Александровну и её детей, примерно такого же возраста, как и они. Одна из старых знакомых их семьи говорила:

— Смотри, Маша, каким был твой отец. Какой всена-
родной любовью он пользовался.

Потом настала минута прощания. Все медленно двинулись по кругу, проходя совсем рядом с Александром Александровичем, чтобы ещё раз, последний раз, на него посмотреть.

Расставаясь с мальчиками, Николай Николаевич сказал, что постарается хотя бы в небольшой степени заменить им ушедшего учителя. Он поедет летом со своими студентами в экспедицию и рад взять их с собой, если они хорошо закончат учебный год и если их родители не будут возражать.

И вот они едут в экспедицию: сначала на поезде, потом на автобусе. Дорóгой Николай Николаевич познакомил мальчиков со студентами, диалектологами и топонимистами. Их было девять. Каждый имел своё задание. Диалектологи должны были определить, в зоне какого диалекта они находятся. У них была программа с «ключевыми» словами, помогающими распознать типичные особенности местного говора. К этим словам надо было подобрать другие, отражающие те же диалектные черты. Топонимистам было поручено записывать названия всех рек и озёр, сёл и деревень, полей, лесов, покосов, пастбищ данного района. По возвращении в Москву все будут писать по материалам полевых записей дипломные работы.

Прибыв на место, студенты расселились по близлежащим деревням, а мальчики остались с Николаем Николаевичем. У них образовался своего рода штаб, куда постоянно приходили студенты задать какой-нибудь вопрос или поделиться впечатлениями. Петя и Миша присматривались к их работе. В случае необходимости они становились посыльными.

Оченьгодились Мишины способности к рисованию. В этих местах оказалось столько диковинных вещей, которые назывались такими необыкновенными словами, что Миша только успевал переворачивать лис-

ты в своем альбоме. Он изобразил *тўес, балáкирь, катóк для белья, солонúцу, пéхтерь, дежý.*

У некоторых пожилых женщин сохранились русские народные костюмы. Студентки уговорили их одеться в эти костюмы, потом попросили разрешения их примерить. В группе было несколько фотоаппаратов, и, разумеется, всё это сфотографировали. Жительниц деревни заверили, что они непременно получат свои снимки.

У диалектологов было два диктофона, на которые они записывали, как говорят и как поют местные жители. Через несколько дней пребывания в деревне они узнали, что одна из её обитательниц знает много сказок и загадок. Они договорились, что придут записывать её на диктофон. Петя присутствовал во время их бесед и заинтересовался загадками.

День в экспедиции был распределён так, что с утра студенты беседовали с информантами, а после обеда собирались в саду возле дома, где квартировал Николай Николаевич, и обсуждали результаты своих наблюдений.

На одном из таких собраний Петя попросил разрешения задать вопрос: его интересовало ударение в слове *голова*. Некоторые жители произносили в винительном падеже *головú* а не *гóлову*.

Николай Николаевич спросил, может ли ответить на этот вопрос кто-нибудь из студентов. Ответили, но неполно. Вспомнили «Майскую ночь» Гоголя, где действует *пан Голова́*. Так вот у этого пана в винительном падеже ударение на окончании: *Головú*. И у *городского головы* — тоже.

Николай Николаевич дополнил, что есть группа исконно русских слов, оканчивающихся на *-а*, с прихотливым ударением: в винительном падеже единственного числа и именительном множественного они имеют ударение на основе, а во всех прочих падежах — на окончании. Он рассказал, что в некоторых народных говорах

наблюдается стремление выровнять это ударение, чтобы оно во всех падежах было одинаковым. Отсюда — форма *голову́*. Он сказал также, что обозначение *городской голова* как более позднее по сравнению с *голова* — часть человека или животного — стремится обособиться и в нём раньше установилось ударение: *городского голову́*.

Ударение иногда перестраивается в винительном падеже единственного числа, не затрагивая именительного множественного. Формы *рукú*, *ногу́* мы воспринимаем как сугубо диалектные, находящиеся за пределами литературной нормы, но *сосну́* признаем за норму. Прежнее ударение *со́сну* можно наблюдать в стихотворных текстах. Так, у Некрасова: «Старую *со́сну* сперва подрубили...»

В старинной скороговорке говорится: «Ехал грека через *рэку*», а по радио часто говорят: через *реку́*.

Такая же перестройка происходит со словами корма, блоха, овца, соха. В профессиональной речи шкиперов до сих пор принято: ветер в *ко́рму*, хотя в неслужебное время шкипер может, сказать: пойдём на *корму́*.

Николай Николаевич рассказывал забавные случаи из своих предыдущих экспедиций. Многие информанты быстро догадываются, чего от них хотят диалектологи. Домашние животные во многих говорах обозначаются разными словами для мужского и женского рода, например, корова — бык, овца — баран, а в некоторых говорах — однокоренными: овца — овен. Один информант так наладился давать слова мужского рода к словам женского рода, что когда речь зашла о блохе (а надо было проверить ударение, *бло́ху* или *блоху́*), он с готовностью спросил, не надо ли и это слово в мужском роде.

В другой деревне, где требовалось определить окают или акают местные жители, хозяйка решила посмеяться

над студентами. Заходит во двор корова (возвращается из стада), студенты и спрашивают:

— Бабушка, а это кто?

— Лёв! — ответила она с издёвкой. Так мы узнали, что литературному лев у них соответствует лёв, но не услышали слова корова.

Николай Николаевич рассказал, что Академией наук опубликован Атлас русских народных говоров центральных областей. В нём картографируются как отдельные слова, так и некоторые языковые явления. Например, в одних местах говорят петух, в других — пёвень, в третьих — пётел, в четвертых — півень, в пятых — ко́чет. Такие же разные названия существуют во многих областях для казалось бы совсем одинаковых предметов: сковоро́дник — ча́пник, рога́ч — ухва́т, пруд — ставо́к. Составляется и Лингвистический атлас Европы. В этой сложной работе участвуют специалисты разных стран.

— Для чего такой атлас нужен? — спросил Миша.

— А для чего нужен атлас географический, ботанический, звёздный? Прежде всего — для того, чтобы знать. Такой атлас поможет русским людям знать, кто они, откуда они пришли, с какими народами соседствовали. Ведь современная политическая карта мира — результат долгого исторического развития.

Из литературы и истории мы знаем, что князь Игорь воевал с половцами, Вещий Олег — с хазарами. Но знаем мы и о том, что русские князья роднились с теми же половцами и хазарами, выдавая своих дочерей замуж за их ханов и женясь на их дочерях. Многие писатели обращаются в своих произведениях к областным и диалектным словам, стараясь разнообразить свой язык. Кто-то из писателей сказал: «Народная речь золотоносна. Но без соответствующей обработки она — просто грунт». Вот в эти нелёгкие поиски золотых крупиц русской народной речи и отправляются диалектологи, а

диалектологический атлас — результат работы многих исследователей.

Важен и ещё один момент: диалектологи, порой, обнаруживают слова, не отмеченные ни одним словарём. Это очень ценно, так как даёт нам дополнительные сведения о составе и границах нашего языка.

Эта экспедиция запомнилась мальчикам на всю жизнь. Она помогла им определиться, выбрать свой жизненный путь. Петя теперь уже твёрдо знал: он будет филологом, и только филологом. Как бы ни сложилась в дальнейшем его жизнь, он будет верным, постоянным любителем слова.

Мишу очень заинтересовали предметы народного быта. Неописуемую радость доставлял ему добытый какой-нибудь бабушкой на чердаке или в сарае давно забытый жбан, баул. Он с жадностью рассматривал каждую вещь, спрашивая, из чего она сделана, каким инструментом, для чего служила, сколько веков была в употреблении и почему она вдруг оказалась выброшенной.

Миша вспомнил, как в далёком детстве, в Литве, он смотрел выступление фольклорного ансамбля, и немножко жалел, что был тогда слишком мал, что не досмотрел и не дослушал до конца. Он спросил у Николая Николаевича, есть ли русские фольклорные ансамбли. Тот ответил, что есть, но их пока мало.

То, чем заинтересовался Миша, — не фольклор. Это **этнография**, то есть описание народного быта и история материальной культуры. Она тесно связана с избранной Петей специальностью — **языкознанием**, потому что каждая вещь как-то называется, а названия — это слова. Петя интересуется словами, Миша — предметами.

ЭПИЛОГ

Эпилог — не конец, это лишь краткий рассказ о дальнейших событиях. А они не заставили себя ждать. Последние школьные годы пролетели быстро. Мальчики выросли, возмужали. Казалось бы, ещё совсем недавно Петя впервые узнал, что он мальчик, и вот он уже студент Филологического факультета Московского государственного университета. Марфа так смешно и так тщательно выговаривает каждое слово этого названия, что на неё невозможно смотреть без улыбки. Миша тоже поступил в Московский государственный университет, только на Исторический факультет. Его любовь к рисованию и интерес к народным обрядам, обычаям, старинным вещам помогли ему выбрать свою дорогу в жизни и науке. Он не стал художником, да и не собирался, но умение быстро и правильно зарисовать предмет, сделать нужные промеры, соблюдать масштаб — всё это оказало ему неоценимую услугу не только в выборе профессии, но и в дальнейшей работе. Он выучился хорошо фотографировать, но во многих случаях фотография лишь помогает ему сделать хороший рисунок, а рисунок оказывается важнее и ценнее.

Петины занятия музыкой тоже помогли ему в освоении избранной профессии. У него развился музыкальный слух. Это очень важно для языковеда, диалектолога, фонетиста. Записывая на магнитофон или диктофон, как говорят на Севере, на Волге, на Юге, а потом по многу раз слушая эти записи, исследователь переписывает их с помощью транскрипции, определяет фонем-

ный состав слов, решает, какие фонетические и морфологические явления происходят в данном диалекте.

Степан поступил в военное училище. Рослый, смелый, подтянутый, тщательно одетый и причёсанный, он лишь изредка появляется дома. Сидящие на лавочках старушки приговаривают:

— Хорош у Матрёны сынок, хорош.

Шурик заканчивает школу, а Марфа только недавно стала школьницей.

Бабушка совсем состарилась. Она почти не выходит из дома, но по-прежнему интересуется, чем живут её дети и внуки. Есть у неё даже особое выражение: вышел, это значит, каким вырос человек, что из него получилось. Глядя на мальчиков, она обычно приговаривает:

— Уж больно хорошо наш Петя вышел. И Миша тоже — очень хорошо вышел.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я рассказала вам незатейливую историю о детстве двух мальчиков. Были в их жизни приятные минуты, были грустные и даже тяжёлые. Но всегда рядом было родное слово, сказанное кем-нибудь из близких людей. Слова утешения или порицания шли от сердца. Они согревали, заставляли посмотреть на вещи иначе, «другими глазами», помогали разобраться в ошибках. Но слова эти не были придуманы теми, кто их говорил. Они усвоены в детстве, от старших, которые также получили их в бесценный дар от своих родителей, дедов, прадедов.

Кто придумал язык, когда, — на эти вопросы трудно ответить. Но, получив его в дар, берегите его. Он поможет вам во многом: найти своих в чужой стране, рассказать о случившемся, собрать сведения, необходимые для написания сочинения, дипломной работы, диссертации, сделать открытие в области науки и техники, написать книгу.

Язык родился в незапамятные времена вместе с человеком. «Безъязыкого» человека нет и не может быть. Даже те люди, которые вследствие болезни лишены дара речи, находясь в окружении других людей, постепенно обучаются языку с помощью жестов, мимики, осязания. И наоборот: не имея языка, человек не мог бы стать человеком, совершить великие подвиги и открытия.

С помощью языка выражаются мысли и понятия, которых нет у животных. С помощью слов мы обозначаем вещи и явления действительности. Животные же лишь

передают друг другу различные сигналы, которые не могут быть поставлены в один ряд со словами.

Первый и основной облик слова — звуковой. Писать люди стали намного позже, чем впервые заговорили членораздельно. И сейчас ещё в некоторых частях мира есть люди, не умеющие писать. Но звучащая речь лишь тогда становится словом языка, когда она сознательно связывается со смыслом.

Язык развивается и постепенно меняется. Изменение его форм происходит не хаотически, а по закономерностям, естественным для его строя. Русский язык Ломоносова значительно отличается от языка Пушкина, а тот — от нашего современного языка. Большим перестройкам подверглись заимствованные слова, приспособляясь к условиям принимающего языка. Так, во времена Ломоносова говорили: *метáллический, трáгический, граммáтический*. Значительно изменились славянизмы. Ещё во времена Пушкина говорили: *обагрённый, окрылённый, побеждённый*, а не *обагрённый, окрылённый, побеждённый*, как теперь.

До конца XIX века в торжественных случаях, и в том числе при чтении стихов, русское *з* произносилось наподобие украинского.

Изменилось ударение в некоторых фамилиях. Сегодня мы говорим: *Озеров, Нóвиков, Гóликов, Гвóздев, Лóмтев, Плáтов*. В XVIII—XIX веках эти фамилии произносили: *Озерóв, Новикóв, Голикóв, Гвоздéв, Ломтёв, Платóв*.

Язык живёт и меняется, но язык может и умереть. Язык умирает вместе с уходом из жизни последнего говорящего на нём человека, если тот не сможет передать язык потомству. Новый язык не рождается, если не считать некоторых специально придуманных искусственных языков, о которых вы, возможно, когда-нибудь узнаете. Наш современный язык — продолжение более древнего; это старый язык, доживший до наших дней.

Интересно наблюдать, как ребёнок постигает свой родной язык. Обращали ли вы внимание на то, как мило улыбаются мамы и бабушки, когда ваши младшие братья и сёстры или даже чужие дети хотят сказать что-нибудь важное и говорят вполне понятно, но так, как говорить не принято, по-своему, например, *мазелін* вместо вазелин или *дыхлорóд* вместо кислород?

К пяти годам ребёнок овладевает основами родного языка, и язык ведёт его за собой к новым знаниям. В первом классе ребёнок думает, что ему известны все слова своего языка, однако есть немало людей, которые продолжают узнавать новые слова всю свою дальнейшую жизнь.

Каждый ребёнок — первооткрыватель. Появляясь на свет, он вновь открывает для себя мир, давно известный взрослым. Им движет любознательность, жажда знаний. Усвоив названия окружающих предметов, он с этим, пока ещё очень скудным, багажом движется дальше, создавая названия для несуществующих, воображаемых предметов и по-своему называя существующие, но незнакомые ему предметы. Этот путь очень похож на то, что делает учёный, исследуя неизведанное, и давая названия открытым им мирам.

Каждый ребёнок видит мир немножко не так, как другие дети, и совсем не так, как взрослые. Взрослые знают причину, а ребёнок видит её следствие. Он думает, что ветер происходит от того, что качаются деревья. Оказавшись на пароходе, он думает, что вода движется навстречу ему, а пароход стоит. Но ведь и первобытные люди считали, что движется солнце, а земля — неподвижна, откуда фразы: *солнце зашло, луна взошла*.

Открывая для себя мир, ребёнок создаёт свой язык и «прощупывает» с его помощью окружающее. Известные ему противопоставления позволяют провести первую классификацию вещей. Если есть папа и мама, а кроме

того ещё папка и папоротник, значит должны быть мапка и маморотник. Если есть мамонт, значит где-то есть и папонт. Если есть кабинет, должна быть и кабида. У ребёнка всегда есть возможность проверить правильность своих выводов и наблюдений, потому что ему сопутствуют взрослые.

Стихи, песни, теле- и радиопередачи в значительной степени формируют мир и образ мыслей современного ребёнка. Слыша полупонятные ему фразы, он додумывает и довыдумывает многое, как, например, услышав «Форель» Шуберта, где есть строчка «Он снял её с улыбкой», одна девочка сконструировала из палочек сулыбку — приспособление для снятия рыбы с крючка. Некоторые родители резко обрывают: «Не болтай глупостей!», притупляя таким образом интерес ребёнка к живому слову, губя ещё слабые ростки любознательности.

Иной человек остаётся первооткрывателем в науке и технике всю свою жизнь. Он уже давно узнал всё, что известно человечеству, но жажда новых знаний ведёт его всё дальше по пути в неизведанное. Вокруг него больше нет тех взрослых, которые могли бы ему сказать, в чём он прав, а в чём ошибся. Он строит новые машины, создаёт приборы, изучает явления природы, делает выводы. И здесь ему сопутствует язык. Человек закрепляет в словах и терминах достижения науки, даёт названия открытым им явлениям, произносит имена своих собратьев по науке, технике, производству.

Я написала свой рассказ о Пете и Мише и о том, как они познавали мир через родное слово. Вы можете спросить, зачем я это сделала, ведь есть великолепные книги, посвященные детской речи: «От двух до пяти» К. И. Чуковского, «Рассказы о детях» В. В. Вересаева, «Что я видел» (про Алёшу-Почемучку) Б. С. Житкова. Моя книга совсем не такая, хотя и перекликается с ни-

ми. Она относится к несколько более позднему времени и отражает иное состояние языка и общества.

Мне захотелось подумать ещё раз о детской речи. И я рассказала вам о своих знакомых мальчиках, которых наблюдала в течение многих лет. Им повезло. Не у каждого из нас есть такая мудрая, спокойная, разумная бабушка, как у Пети. Не каждому довелось встретиться и близко познакомиться с Александром Александровичем, крупным учёным и замечательным педагогом, который знал о нашем языке если не всё, то очень многое. Я постаралась познакомить с ним и вас.

И если, прочитав эту книгу, некоторые мальчики и девочки возьмут в руки блокнот и карандаш, станут чаще заглядывать в различные словари, смотреть, что означают и откуда происходят незнакомые слова, начнут записывать интересные выражения своего или иностранного языка, думать, как их перевести на другой язык, можно считать, что эта книга написана не зря.

ПОСТСКРИПТУМ

Героям нашего повествования даны имена и отчества деятелей русской культуры. Пусть они прозвучат ещё раз как дань их заслугам. Не будем приводить их фамилии, потому что в реальной жизни эти люди были совсем не такими, как это описано в книге.

Образ Александра Александровича — собирательный. Хотя этому персонажу дано имя и отчество Реформатского, в его характере и образе жизни есть черты, которые были присущи некоторым другим учёным.

Стихотворение «Осень» написала Людмила Суперанская в возрасте 13 лет.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Скороговорки Шурика

Купи́ кйпу пик.

Добры́ бобры́ идут в боры́.

Добр бобр для бобрят.

Колокололитейщики палками все колокола переколо-
тили.

Сшит колпак не по-колпаковски, надо его переколпа-
ковать, выколпаковать.

Сыворотка из-под простокваши.

От топота копыт пыль по полю летит.

На дворе трава, на траве дрова. Не руби дрова на
траве двора.

Карл у Клары украл кораллы. Клара у Карла украла
кларнет.

Шёл Саша по шоссе. Сосал Саша сушку.

Сенька Саньку на санках везёт.

Архип охрип, Осип осип.

Голова́ с головой подрáлись. Голова́ головé головой
голову прошиб.

Пришёл Прокóп — кипёл окрóп. Ушёл Прокóп — ки-
пит окрóп. Как при Прокóпе кипёл окрóп, так без Прокó-
па кипит окрóп.

Загадки, записанные Петей

Поле не мерено, овцы не считаны, пастух рогат. (*Не-
бо, звёзды, месяц.*)

Летит орлица, крылья распластала солнышко застала. (*Туча.*)

Над рекою коромысло против солнышка повисло. (*Радуга.*)

За бабиной избушкой висит хлеба краюшка. Собаки лают — достать не могут. (*Месяц.*)

На дворе горой, в избе — водой. (*Снег.*)

Шёл долговяз, в землю увяз. (*Дождь.*)

Рассыпался горох на тысячи дорог. Никто его не подберёт: ни царь, ни царица, ни красная девица (*Град.*)

Двенадцать орлов, пятьдесят две галки одно яйцо снесли. (*Год.*)

Мать толста́, дочь красна́, сын-соко́л под небеса́ ушёл. (*Печь, огонь, дым.*)

Зимой и летом — одним цветом. (*Ёлка.*)

Шесть ног, две головы, один хвост. (*Всадник на лошади.*)

Не кузнец, не плотник, а первый на селе работник. (*Лошадь.*)

По горам, по долам ходит шуба да кафтан. (*Овца.*)

Не ездук, а со шпорами, не сторож, а всех будит. (*Петух.*)

Сто один брат, все в один ряд, одним кушаком подпоясаны. (*Забор.*)

Красна́ деви́ца сиди́т в темни́це, а коса́ — на у́лице. (*Морковь.*)

Дом без окон, без дверей, полна горница людей. (*Огурец.*)

Железный нос в землю врос. (*Плуг.*)

Маленькая собачка не лает, не кусает, а в дом не пускает. (*Замок.*)

Идёт свинья из Питера вся истыкана. (*Напёрсток.*)

Конь стальной, хвост льняной. (*Иголка, нитка.*)

Два брюшка четыре ушка. (*Подушка.*)

Чёрный конь скачет в огонь. (*Кочерга.*)

Утка в море, хвост на заборе. (*Ковш.*)

Два стоят, два лежат, пятый ходит, шестой водит, седьмой песенки поёт. (*Дверь.*)

Не куст, а с листочками; не рубашка, а сшита; не человек, а рассказывает. (*Книга.*)

Поле гладко, семя плоско, кто умеет, тот и сеет. Семя не всходит, а плод приносит. (*Бумага, письмо.*)

Срежу голову, выну сердце, дам пить — будет говорить. (*Гусиное перо.*)

И ещё о горшке — загадки, записанные В. И. Далем

Никто не таков, как Иван Пятаков: сел на конь и поехал в огонь. (*Горшок и ухват.*)

В земле родился, в огне крестился, молод был — людей кормил, как стар стал — пеленаться стал, потом разбился, в яме очутился. (*Глиняный горшок.*)

Был я на копанце, был я на хлопанце, был на пожаре, был на базаре; молод был, людей кормил, стар стал, пеленаться стал; умер, мои кости негодящие кинули в ямку, и собаки не гложут.

И ещё загадку о горшке записал В. И. Даль:

Был на копке, был на топке, был на кружале, был на пожаре, стал на базаре; молод был, сто голов кормил; стар стал, пеленаться стал.

В этих загадках — вся «биография» глиняного горшка: *копанец* — место, где копали глину. *Хлопанец* — при изготовлении глиняной посуды кусок глины клали на *кружало* — круг на вертикальной оси, который горшечник вращал ногами. По мере вращения круга, комку глины придавали форму сосуда, обжимая и похлопывая его. После этого горшки обжигали в печи. В горшке можно было варить любую еду, он выдерживал печной жар. Со временем в горшке появлялись трещинки, его обматывали тряпками и использовали для хранения сухих продуктов.

**Использование букв для обозначения чисел
в церковнославянском и русском языках**

ā	1	l̄	30
ḅ	2	m̄	40
ḡ	3	n̄	50
ḏ	4	ō	60
ē	5	ō	70
s̄	6	p̄	80
z̄	7	č̄	90
h̄	8	ρ̄	100
ⲟ̄	9	pā	101
ī	10	p̄b̄	102 и т. д.
aī	11	c̄	200
vī	12	t̄	300
gī	13	ȳ	400
dī	14	φ̄	500
eī	15	χ̄	600
sī	16	ψ̄	700
zī	17	щ̄	800
hī	18	ц̄	900
ⲟ̄ī	19	≠ā	1000
k̄	20	≠aā	1001
kā	21	≠ab̄	1002
kb̄	22	≠aḡ	1003 и т. д.
kḡ	23 и т. д.		

В соответствии с буквенным обозначением *и* называлось восьмеричным, а *l* — десятичным; последовательность букв āī, vī̄, gī̄ отражена в наших словах *одинадцати*, *двенадцать*, *тринадцать* и т. д. (*дцать* — сокращённое «десять, десяток»).

**Старинный стишок, помогавший запомнить,
где пишется буква «ять»**

Бѣдный бѣлый, блѣдный бѣс!
Убѣжал за рѣчку в лѣс
И на дерево залѣз.
Цѣлый день по лѣсу бѣгал,
Хрѣном с рѣдкой пообѣдал,
Хрѣна с рѣдкой много ѣл,
Озорную пѣсню пѣл.
И за этот за обѣд
Дал он клятвенный обѣт
Всем надѣлать много бѣд.
И, напав на вѣрный слѣд,
Одержал он сто побѣд.
Повстрѣчавшись, человѣк,
Был им ввергнут в ад на вѣк.

Чередование гласных в корнях слов

-оро-/-ра-

город — град, градостроительство

борозда — бразды правления

порох — прах

городить — ограждать, ограда

хоронить — охранять, охрана

хоромы — храм

дорогой — дражайший, драгоценный

здоровье — здравие, здравоохранение

сторож — страж

морока — мрак, помрачение

ворог — враг, вражда

-оло- / -ла-

*волочить — влачить
солод — сладость
голод — глад
золото — злато
волость — власть
холод — хлад, прохладно
заколоть — заклание
колодка — кладка*

-ере- / -ира-

*запереть — запирать
замереть — замирать
утереть — утирать*

-ере- / -ре-

*берег — брег, безбрежный
вередить — вред
впереди, перёд, передок, опередить — предок,
упредить, предводитель, председатель
середина — среда
тереть — трение*

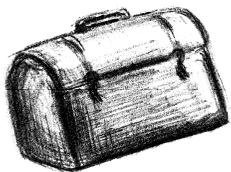
-оло- / -ле-

*полон — плен
молоко — млеко, Млечный путь
волочить — влеку,влечение*

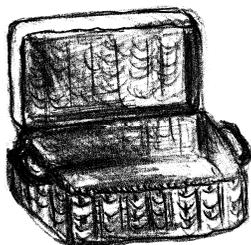
-ира- / -ра-

*попирать — попрать
убирать — убрать
собирать — собрать
обдирать — ободрать
подвирать — подоврать
пожирать — пожрать*

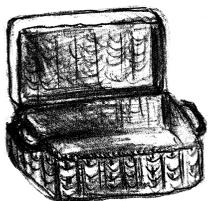
Вещи, обнаруженные Мишей

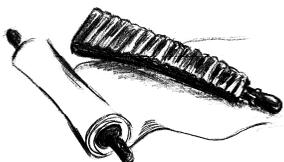
Баул — подобие чемодана, сделан из гнутой фанеры, с ременной ручкой и застёжками. Служит для перевозки личных вещей. Может быть разных размеров.

Кошэль — большая коробка с крышкой, сплетена из лыка, имеет по бокам петли, через которые можно пропустить ремень или верёвку. Служит для переноски и перевозки небольших грузов. Можно носить на спине или на боку. Отправляясь на пашню, крестьянин мог поставить в него горшок каши, жбан квасу, положить хлеб.

Корзина — подобие сундука, сплетена из прутьев. Служит для перевозки очень крупных вещей, имеет по бокам две ручки, за которые два человека могут её нести.

Каток и скалка для белья — деревянные, около метра длиной. Бельё наматывается на скалку и катается по гребенчатой поверхности катка, становится мягким и приятным.

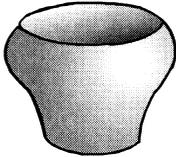
Солони́ца — деревянная чаша с крышкой. Служит для хранения соли.

Ту́ес, туесо́к — берестяная банка с крышкой, бывает разных размеров, служит для хранения сухих продуктов.

Горшо́к из глины, бывает разных размеров, служит для хранения и приготовления пищи и продуктов.

Чугу́н — посуда той же формы, сделан из чугуна, служит для приготовления пищи в русской печи.

Корча́га — большая чугунная кастрюля, служит для приготовления пищи или нагревания воды в русской печи.

Ухва́т — незамкнутый обруч на длинной палке, служит для задвигания чугунов в печь и доставания их оттуда. Диаметр обруча ухвата зависит от величины чугуна.

СОДЕРЖАНИЕ

Начало.....	5
Бабушка	13
Новые знакомые	20
Перед школой.....	30
Как говорят на Волге	34
Как говорят в Литве	42
Почему так говорят?.....	53
Первая учительница.....	61
Гипербола	67
Словарь.....	76
Икс	80
Игрек.....	85
Соловей.....	98
Важные события	105
Каникулы продолжаются.....	117
Стилистика	124
Кружкí	131
Кабинет русского языка.....	134
Кабинет английского языка	139
Марфа Вячеславна	142
Любители слова	155
И снова бабушка.....	163
Экспедиция	168
Эпилог	174
Послесловие.....	176
Постскриптум	181
Приложения	182

Суперанская Александра Васильевна

ЮНЫЕ ЛЮБИТЕЛИ СЛОВА

для среднего школьного возраста